Александр Машошин
НАИХУДШИЙ СЦЕНАРИЙ
Что, если бы...
ЗВЕЗДНЫЕ ПОСРЕДИНЕ НОЧИ ВОЙНЫ
ЛЕГЕНДЫ

УДК 82-312.9
ББК 84Р7-445
М38

Художник: Анна Куликова
Редактор: Сергей Когин

Машошин А.В.
М38 Наихудший сценарий. Фантастическая повесть. — М., 2016. — 272 с.: ил. — (цикл Посредине ночи, № 6)
ISBN —

Давным-давно, в Галактике далеко отсюда…

На этот раз судьба забрасывает героев сначала в одну реальность, больше похожую на бред, затем в другую, где история также пошла другим путём. Здесь всё настолько плохо, что, кажется, хуже и быть не может. Но, возможно, и в этой ситуации им удастся что-то предпринять? Ведь безвыходных положений не бывает, главное – не опускать руки.

УДК 82-312.9
ББК 84Р7-445

© А.В. Машошин, 2014

Александр Машошин

НАИХУДШИЙ СЦЕНАРИЙ

Содержание

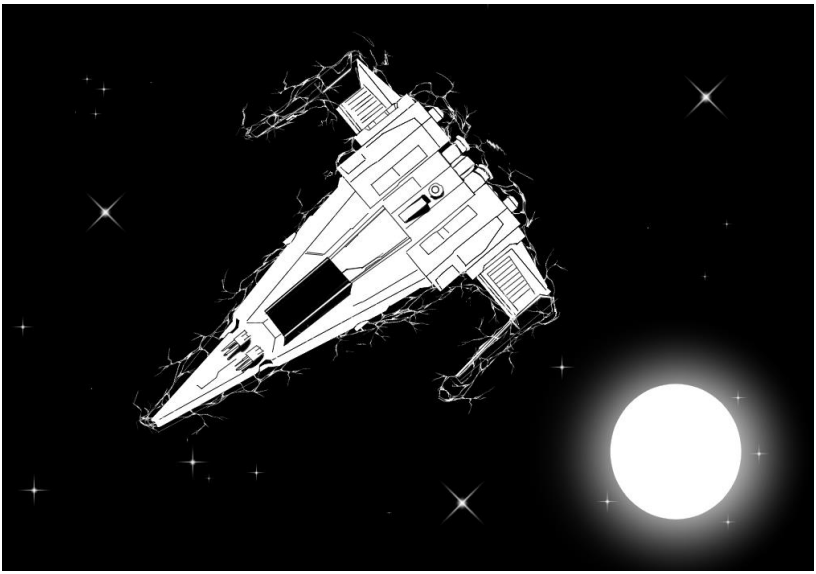
Повторение непройденного 5
1. В кривом зеркале 5
2. Аварийные страдания 16
3. «Румелия» – Корусант 27
4. Знакомство на грани фола 38
5. Второе свидание 48
6. Охота на казнокрада 59
7. Фальшивый командир 70

Танец на лезвии 85
1. Королева на заработках 85
2. Военная хитрость 95
3. Старая башня 108
4. За кулисами следствия 120
5. Тень Света 133
6. Ночной инцидент 147
7. Расстроенные планы 160

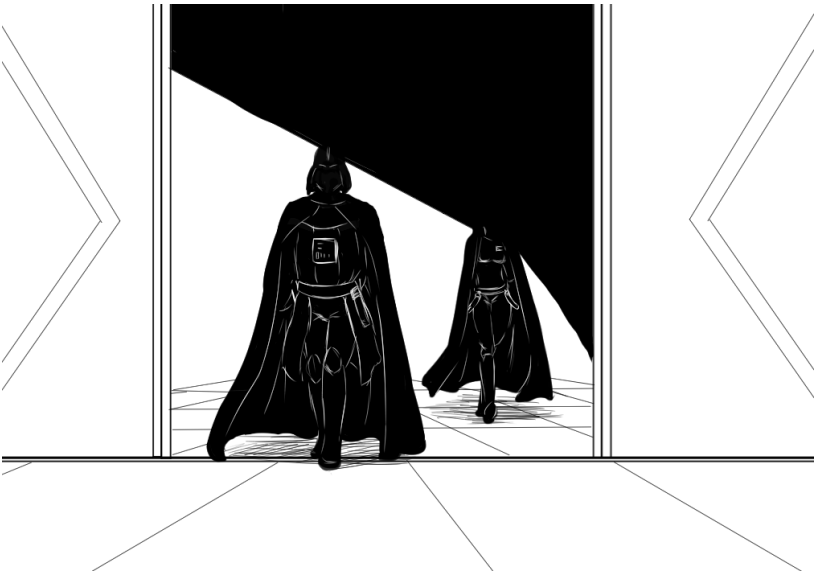
Разжалованное Зло 179
1. На обломках минувшего 179
2. Дикий охотник 194
3. Откровения 206
4. О пользе авторской песни 217
5. Бывшая и бывший 229
6. Последний бой 241
7. Конспиративная встреча 256

Постскриптум 263

Необходимое послесловие 271



Действие первое
ПОВТОРЕНИЕ НЕПРОЙДЕННОГО



Мы с тобою звались приятели,
Здесь обычай у всех таков.
Но безумные обстоятельства
Превратили нас во врагов.
Я на зов твой отвечу вызовом,
Хоть не вижу, какой резон.
Я охочусь за Серым Призраком,
Уходящим за горизонт.

Белгарат

1. В кривом зеркале

Сентябрь на кафедре не самый худший месяц в году. С одной стороны, закончились отпуска и летнее сонное затишье, с другой – в начале семестра студиозусы не рвутся заниматься. Страшное слово «сессия», представляемое многими в виде чёрта с ведром гвоздей, пока где-то далеко в будущем, и можно продолжать расслабляться. Поэтому свободного машинного времени пока было достаточно, особенно по вечерам. Единственное, что сильно напрягало – лабораторные работы. Иногда я проклинаю себя, что поддался уговорам завкафедрой и остался в аспирантуре. Был мнс[1] просто, теперь тот же мнс с диссертацией. Правда, доплата за степень… Но в оборонном НИИ, куда меня звали после диплома, я и без неё получал бы столько же, плюс секретность, плюс паёк. Нет, завкафедрой – дядька неплохой, плюс у него такие связи, что достать может всё, что угодно, отчего за глаза мы называли его как джинна, «старик Абрамыч». Его стараниями материальная база на кафедре всегда была одной из лучших. Один недостаток: Абрамыч полагал, что научным сотрудникам

[1] Младший научный сотрудник

мало заниматься собственно наукой, они должны ещё немного преподавать. Вот мы и вели по очереди лабы. Принимали теорию, проверяли практическую часть, выявляли халтурщиков и списунов. Терпеть ненавижу этим заниматься! Хорошо хоть народу хватало, и не приходилось делать это каждый день. Сегодня, увы, была, как раз, моя очередь, и за свой проект мне удалось засесть только к вечеру.

Я отодвинулся от монитора, потянулся. Программа поглюкивала, но начинала хоть как-то работать, что не могло не радовать. Посмотрел на часы. У, пора домой, а то опять раздастся телефонный звонок, и дежурный лаборант с ухмылочкой проорёт на всю ивановскую; «Сильвер, возьми, опять твоя политиканша названивает!»

Да, моя кузинаа – народный депутат, второй созыв кряду. Когда её впервые избрали в восемьдесят девятом, все шептались: «Надо же, в двадцать восемь лет уже в Верховном Совете!» А что они хотели? Ладка с детства общественница. Совет дружины, райком комсомола, горком, потом обком… Сейчас, когда ей тридцать пять, ахать и охать перестали, однако, её выступления на пленарных заседаниях смотрят по телевизору, а потом пересказывают друг другу на кухнях. Ещё бы, у неё что ни речь, либо «заметки натуралиста», либо «материалы следствия». Всё кратко, доходчиво, по делу, но и не без эмоций. Сразу ясно, что она не просто озвучивает какой-то вопрос, а лично переживает за каждый. Ну, и телеоператоры с режиссёрами вносили свою лепту. То покажут момент, когда она идёт к трибуне лёгкой и, в то же время, уверенной походкой, демонстрируя зрителям её очередной наряд. То возьмут очень крупный план, позволяя разглядеть одно из её знаменитых ожерелий. То дадут ракурс анфас или вообще в профиль, чтобы была лучше видна причёска и серьги. Отводят душу, короче говоря. Ну, а кого ещё там снимать? Депутата

Старобойкову, обликом и зычным голосом напоминающую фельдфебеля женского ударного батальона времён Первой Мировой? Или депутата Новобродскую, которая на трибуну едва помещается, а во время выступления брызжет слюной до первого ряда и буравит зал сквозь толстые стёкла очков неприятным взглядом маленьких свинячьих глазок? Другое дело – Лада, неизменно утончённая и элегантная. Особенно любили телевизионщики вставлять в трансляцию сценки из кулуаров, показывая, как она мягко жестикулирует, втолковывая что-то собеседнику, улыбается, теребит браслет на запястье, поправляет волосы. По этим съёмкам её знала вся страна. А вот о том, какая она бывает не на работе, было известно крайне немногим.

Когда мои родители собрались ехать работать на Кубу, Лада пообещала им, что приглядит за мной. Будто я малое дитё, а не кандидат технических наук – ну, ладно, ладно, тогда ещё аспирант. И, сразу после их отъезда перебралась жить ко мне, под тем предлогом, что отсюда ближе ходить на работу. Это, кстати, чистая правда: выйти на проспект, через мост, и вот он, Дом Советов. Собственная четырёхкомнатная квартира кузины находилась несколько дальше. В Лыткарино. Вдобавок, там была сестра Оля с мужем и двумя детьми… Конечно, Лада могла бы взять квартиру на Рублёвке, как остальные депутаты из Подмосковья, однако, более ревностного борца с депутатскими привилегиями, чем моя кузина, не видел свет. Даже Борис Ёлкин, который недавно перешёл, понимаешь, в премьер-министры, на её фоне смотрелся бледновато. К тому же, от Рублёвки до работы тоже не ближний свет, запросто на обед не выскочишь.

Сегодня я опять немного не рассчитал и пришёл домой раньше сестры. Привычным движением сунул на вешалку куртку, включил на кухне свет, зажёг плиту, поставил чайник и заранее приготовленный Ладой ужин.

Как раз вовремя. Вскоре щёлкнул дверной замок, в прихожей послышался стук каблуков. Кузина заглянула на кухню:

— Привет.

— Привет, — сказал я.

— Всё на плите? Умница. Это в морозилку, сейчас руки вымою, — она протянула мне увесистую сумку.

Пока в ванной шуршала вода, я распихал лежащие в сумке пакеты по ящикам морозильной камеры. Если бы не эти продукты, что «выкидывали» на прилавок депутатского буфета, было бы совсем кисло. Из мяса в магазинах, в основном, появлялись только консервы. Как говорили, плановая замена неприкосновенных запасов. Впрочем, могло быть и так, что старые запасы со складов Союзгосрезерва снимали и распродавали, а новые не закладывали вовсе. Часть продуктов Лада отдавала Оле и семейству: те жили часто на одну Олину зарплату, доход мужа, арбатского художника, был величиной весьма непостоянной.

Я как раз начал раскладывать на столе тарелки, вилки и ложки, когда кузина вошла в кухню. Щёлкнула кнопкой старенького «Тауараса». Передавали новости.

«Сегодня в Берлине состоялось подписание исторического соглашения, — торжественно читал диктор. — Президент СССР, Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачёв и канцлер Объединённой Германии Гельмут Коль скрепили подписями договор о передаче Германии области Восточная Пруссия. Документ завершает процесс воссоединения исторических немецких земель, начатый с падением Берлинской стены 9 ноября 1989 года…»

— Ага, конечно, — буркнул я. — Две трети Восточной Пруссии в Польше. А ещё есть Силезия, Богемия, Австрия, наконец. Аппетит у «дяди Коля» что надо.

— Так далеко ему пойти не дадут, — сказала Лада. А диктор продолжал:

«Подписание этого значимого документа продолжает пятидневный тур товарища Горбачёва по странам Европы. В субботу и воскресенье Михаил Сергеевич примет участие в празднествах, посвящённых окончанию переходного периода. С 1 октября 1996 года страны Балтии становятся полноправными независимыми государствами, членами Организации Объединённых наций. В речи на банкете по случаю подписания советско-германского договора Михаил Сергеевич особо отметил, что это стало возможно только благодаря перестройке, новому мы́шлению и обновлённой внешней политике, проводимой Коммунистической партией и Советским правительством».

Дальше пошли сюжеты о сокращении вооружённых сил и вооружений стран Варшавского договора, утилизации ненужной военной техники и ракет, потом – о развитии Дальнего Востока. Журналист брал интервью у переселенцев с японского острова Карафуто – бывший Сахалин – в Магаданской области, где японцы, в соответствии с соглашением, строили для них ультрасовременные посёлки среди тайги.

— Выключи, — поморщившись, попросил я. — Не порть аппетит.

— Сегодня на пленарном, как раз, обсуждали Дальний Восток, — выключив телевизор, сказала сестра. — Как оптимально использовать японские кредиты, раз уж всё равно их взяли. Хотя не понимаю, куда ещё нахватываем? Неужели непонятно, что рано или поздно их придётся отдавать?

— Вот он и отдаёт, по кусочкам, — отозвался я. — Американцам шельф, немцам ГДР, потом японцам, финнам, теперь ещё раз немцам… — Помолчал и добавил: — Слушай, Лад, неужели вы не можете ничего поделать с этим «лучшим немцем и японцем столетия»?

— Это не так просто, — вздохнула кузина. — Полномочий у него море. Он ведь и президент, и генсек, а президентский срок теперь десять лет…

— Тогда на кой, извините, лях нужен весь ваш Верховный Совет? Языками чесать про Дальний Восток??

Прекрасные глаза, не раз лишавшие дара речи самых наглых репортёров, посмотрели на меня в упор. Лада покачала головой:

— Не говори так. Я верю в демократию, верю, что только законодательная власть сможет остановить это разбазаривание земель! Ты же знаешь, наша Марксистская платформа твёрдо стоит на этой позиции.

— Платформа-то стоит твёрдо, да как бы поезд не ушёл, — мрачно сострил я.

— Нужно больше голосов, чтобы противостоять межрегионалам. Мы их соберём, поверь. И подрежем лапки этому пауку.

— Будем надеяться. Кстати, завтра или послезавтра надо пройти по магазинам, отоварить талоны на всё.

— Да, выбери, пожалуйста, время, в понедельник уже конец месяца. Возьми, хотя бы, подсолнечное масло и соль, их даже в буфете уже нет. Круп пока много, можно не брать.

— Основные очереди, всё равно, за водкой и сигаретами, а без них никуда, — вздохнул я. — Сантехника и то не вызовешь, а если мусоропровод – вообще труба. Ничего, уйду пораньше.

— Опять не обедал? — подозрительно прищурилась она, наблюдая, как я после всего делаю ещё бутерброды.

— Нет, как-то не получилось.

— Желудок портишь!

— Слушай, Лад, выходила б ты замуж за своего Анатоля и составляла рацион ему, — шутливо огрызнулся я. — Мне в космос не лететь, я за монитором сижу.

— Тем более, нельзя наплевательски относиться к своему здоровью. Чай?

— Да, спасибо.

Несколько минут мы сосредоточенно пили горячую ароматную жидкость – снова заслуга сестрицы. Краснодарский, который дают нынче на талоны, с этим чаем и близко не валялся.

— Разбери, пожалуйста, — попросила кузина, вставая из-за стола и поворачиваясь спиной. Я расстегнул сначала её ожерелье – коллеги гадали, в каких-таких парижах и миланах она их заказывает, не подозревая, что и они, и серьги сплетены Олиным мужем из обыкновенной серебряной проволоки, какой кроссируют печатные платы. Затем со знанием дела повыдёргивал шпильки из причёски, освобождая длинные волосы. На сооружение этих конструкций кузина каждое утро тратила не менее часа, но, как я уже упоминал, результат того стоил.

— Посуду вымоешь?

— Угу, — кивнул я. Ритуальный вопрос – ритуальный ответ. Будучи дома, посуду всегда мою я. Поскольку готовит всегда Лада. У меня, кроме варки макарон… ну, не будем о грустном.

После ужина я решил посидеть над статьёй в институтский альманах. Текст шёл плохо, фразы строились с большим трудом, выходили длинными и тяжеловесными. Иногда, заканчивая предложение, я видел, что получилось не совсем то, что я имел в виду. Приходилось браться за ластик, стирать до одной из запятых и дописывать по-другому.

— Пишешь? — спросила неслышно вошедшая кузина.

— Да. Пытаюсь.

— А я почитала немного. Телевизор смотреть вообще невозможно, либо мыло, либо политика. Что тебе приготовить на завтра?

— Непринципиально. У тебя всё одинаково хорошо получается.

— Хорошо. Ну, не буду мешать…

Утром сестра растолкала меня довольно грубым образом.

— Ты будильника вообще не слышишь? — сердито спросила она.

— Не-а. Который час?

— Без четверти восемь.

—Уй-й! — я пулей вылетел из постели. Вот что значит засиживаться до часу ночи!

И был обычный день: лабораторные, потом компьютерный класс, переоборудованный из старого терминального зала…

Сегодня я опять немного не рассчитал и пришёл домой раньше сестры. Привычным движением сунул на вешалку куртку, включил на кухне свет, зажёг плиту, поставил чайник… Вскоре щёлкнул дверной замок, в прихожей послышался стук каблуков. Кузина заглянула на кухню:

— Привет.

— Привет, — сказал я.

— Всё на плите? Умница. Это в морозилку, сейчас руки вымою.

Я как раз начал раскладывать на столе тарелки, вилки и ложки, когда кузина вошла в кухню. Щёлкнула кнопкой старенького «Тауараса». Передавали новости.

«Сегодня в Берлине состоялось подписание исторического соглашения, — торжественно читал диктор. — Президент СССР, Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачёв и канцлер Объединённой Германии Гельмут Коль скрепили подписями договор…»

— Выключить? — спросила кузина, заметив, как я поморщился.

— Да, не порть аппетит.

— Сегодня на пленарном обсуждали развитие Дальнего Востока… — выключив телевизор, сказала она. — Что? Почему у тебя такое лицо?

— Сестра, тебе не кажется, что всё это уже было?

— Что именно?

— Ну, вот это. Новости о договоре, потом ты нажала кнопку и вот так же сказала про Дальний Восток. Вчера.

— Ты путаешь. Вчера Горбачёв подписывал Энергетическую хартию в Страсбурге.

— Хорошо, а число у нас какое?

— Двадцать пятое, среда.

— А вот мне кажется, что двадцать шестое, четверг.

— Брат, ты просто заработался, — улыбнулась она.

— Возможно.

После ужина я решил посидеть над статьёй в институтский альманах. Текст шёл плохо, фразы строились с большим трудом, выходили длинными и тяжеловесными.

— Пишешь? — спросила неслышно вошедшая кузина.

— Да. Пытаюсь.

— Слушай, я тут поразмыслила над твоими словами… И правда, что-то непонятное. Никак не могу вспомнить, что мы обсуждали и что голосовали на вчерашнем заседании. И на позавчерашнем. Пожалуй, надо показаться механикам. Ой, что это у тебя?

Я опустил глаза на лист бумаги перед собой и увидел, что в задумчивости расчертил почти всё свободное место какими-то рисунками. На каждом повторялось одно и то же. Стремительный гранёный силуэт, заострённый в передней части и дальше резко расширяющийся, короткие крылышки с чёрными вилками ионизаторных батарей, цилиндры переходных галерей, восьмигранный колпак верхнего блистера…

— Космический корабль? — неуверенно произнёс я. И в этот миг словно пелена упала с глаз. Ну, конечно! Мы

на корабле, а это не комната – каюта! Стены, облицованные светлыми пластиковыми панелями, покрытыми тонким узором, мягкое, слегка ворсистое покрытие пола, сдвижная дверь, столик, сложенный диван-кровать у стены, в конце – дверца, ведущая к душу и санузлу.

Я посмотрел на кузину. Она в замешательстве тёрла лоб кончиками пальцев.

— Что с тобой? — обеспокоенно спросил я.

— Как-то странно себя чувствую, — она покривилась. — Не могу дотронуться до систем…

— А до меня? — я взял её за локоть, потом коснулся волос. Лёгкое электрическое покалывание пробежало по подушечкам пальцев. Это не страшно, такое случалось время от времени, главное, рука её имела плотность и вес. Я облегчённо вздохнул. Было бы худшим из кошмаров, если бы произошёл какой-нибудь сбой, и она опять сделалась нематериальной голограммой в компьютерной системе корабля, как в первые месяцы нашего знакомства.

— Тебя я чувствую нормально, — сказала она, — а корабль – нет. Совсем.

— Переместиться тоже не можешь?

Она покачала головой:

— Нет, попробовала уже.

— Интересно, ваши сетевые разветвители могут зависнуть? — задумчиво произнёс я. — Ладно. Пойдём ножками, потрогаем ручками.

Прикосновение к панели управления у комингса двери не дало ничего, и это усилило моё беспокойство: дверные приводы обычно могут работать и без участия управляющей сетки. Подцепив в дверном косяке рычаг ручной разблокировки, который с помощью шестерни и рейки сдвигает одну из пластин магнитного замка в сторону, выводя из соприкосновения с другим магнитом, я повернул его до упора. Дверь под действием пружин

«отбоя» чуть отодвинулась в сторону. Я толкнул створку дальше, вышел в полутёмную гостиную, включил свет. Взялся за такой же рычаг на дверях рубки… и торопливо вернул в исходное положение, потому что, стоило мне его стронуть, как истошно взвизгнул аварийный сигнализатор. Простейший механический свисток, рассчитанный, как раз, на случай, когда не работает ничего. Визг уходящего через крохотное отверстие воздуха означал, что за дверью, в рубочном помещении – вакуум.

— Похоже, у нас пробоина, — сказал я.

— Возможно, не одна, — откликнулась сестра. — Что же с нами произошло? Не могу вспомнить.

— Ладно, — ободряюще улыбнулся я. — Главное, сама ты в порядке, и система жизнеобеспечения работает… хоть где-то. Выкрутимся, где наша не пропадала.

Она неуверенно улыбнулась в ответ. Я не к месту подумал, что земное имя Лада, которым я называл её в том странном наваждении, неплохо подошло бы ей и на самом деле. Моя троюродная сестра Падме Наберри Амидала умеет быть твёрдой, решительной и разумной, и только эту сторону зачастую видели в ней окружающие. В сущности же, она – создание романтичное и эмоциональное, как большинство обычных женщин. Я знал: в нынешней тяжёлой и малопонятной ситуации она будет держаться изо всех сил, держаться сама и поддерживать меня. Вопрос, насколько хватит этих сил здесь, посреди неизвестно чего? Поэтому, чтобы сестрица не расклеилась и не впала в уныние, мне самому следует выказывать побольше уверенности… даже если сам я внутри её не ощущаю.

Осмотр показал, что в нашем распоряжении лишь часть центральной палубы корабля: четыре каюты, гостиная, переходные галереи, лифтовая площадка и машинный зал. Попасть на нижний ярус было

невозможно. Сигнализаторы в полу гостиной и «машины» блестели ярко-красными дисками, сообщая об отсутствии внизу атмосферы. Складывалась парадоксальная ситуация: шлюзовые камеры, чтобы выйти наружу и осмотреть корпус на предмет пробоин, имелись, а скафандров не было, они остались внизу, в хвостовом отсеке возле «стакана» вертикального переходника, он же основной шлюз.

— Нужно попробовать подняться в мансарду, — сказала Падме. Да, именно там, на короткой верхней палубе, располагались главные аппаратные – компьютерно-обзорная и связи.

— Вопрос, как это сделать? — вздохнул я. — Лифт не отзывается, в аварийном лазе вакуум, а разборных секций перекрытия вверху нет.

— Зато есть дополнительные дверные проёмы верхних кают. И ведут они в машинный зал, над дверьми генераторных.

— Не знал. Попробуем.

2. Аварийные страдания

Забравшись по скобам в стене, служившим для доступа к мотиватору гиперпривода, я защёлкнул вокруг верхней ступени длинный ремень и так, вися в отклонённом назад состоянии, снял облицовочную панель. Осторожно потянул рычаг. В каюте, где обычно жили наши механики, воздух был, но рычаг дальше не шёл, нужно было сначала вывернуть стопорный болт. Слава богу, он был вкручен только с этой стороны двери, иначе открыть её таким способом не получилось бы. Полминуты спустя я осматривал в аппаратной стойку с компьютерами и видеосистемами. Питание на неё подавалось, но индикаторы передних панелей либо не светились вовсе, либо горели тревожными красными огнями.

— Неудивительно, что ты не чувствуешь корабля, — хмыкнул я. — Смотри, везде отказ процессоров.

— Похоже на результат обстрела из ионной пушки крупного калибра, — сказала Падме. — Но какой же мощности должен быть импульс?

Я развёл руками. Насколько я представлял принципы действия здешней вычислительной техники, электромагнитный импульс не представлял опасности для запоминающих устройств, те работали на оптическом принципе. Оптико-электронные процессоры были более уязвимы, но и они обычно давали лишь временный сбой. Чтобы выжечь их необратимо, да ещё сквозь девятимиллиметровый *бескар* корпуса, требовалась очень высокая напряжённость поля. Или жёсткое излучение. Но тогда и память бы пострадала, я же заработал бы лучевую болезнь. Ну, что ж, будем менять чипы.

Падме принялась помогать мне. Через несколько минут главный компьютер – *рехен*, как здесь говорили – ожил и, повинуясь заложенной аварийной программе, принялся проверять целостность банков памяти, затем загрузил систему. Падме, облегчённо вздохнув, расправила плечи, мысленным переключением перебросила себя из аппаратной в коридор, затем обратно. Голографические системы, похоже, работали исправно. Перейдя на другой борт, мы так же оживили стойку в аппаратной средств связи.

— Гипербакена поблизости нет, — со вздохом сообщила Падме.

— Ну, этого следовало ожидать. Ничего, восстановим управление гиперприводом, вызовем наших напрямую, — сказал я. — А видеосервер пока придётся остановить.

— Пожалуй, — согласилась Падме. — Иначе не хватит кристаллов на узлы контроля брони, сейчас они важнее. Дай мне несколько минут, осмотрю рубку.

— Хорошо, я пока попью, что-то горло пересохло.

Она исчезла, а я, зайдя в каюту, один за другим опрокинул в себя два стакана воды из-под крана. Пить хотелось зверски, словно я только что побывал на Татуине. Потом откинул в коридоре потолочную панель, добрался до верхнего блока контроля состояния корпуса и вставил в него последний запасной процессор из тех, что хранились на этой палубе.

— В рубке открыт лаз на нижнюю лестницу, — сказала Падме, вновь появляясь рядом со мной. — Закрыть не получилось, почему-то не могу придать себе плотность.

— Может, из-за вакуума? — предположил я. — Раньше ты не пробовала выходить в пустоту?

— Нет, незачем было.

— Ясно. В общем, надо думать, как добраться до скафандров. Знаешь, что? Давай, хотя бы, осмотримся? — я кивнул в направлении верхней турели.

Турель оказалась полностью исправна, видимо, в момент атаки была отключена от питания. А за транспаристиловым гранёным колпаком кружились в хороводе мириады звёзд. «Амидала» беспорядочно кувыркалась в космосе. Я повернул переключатель режима, узкий светодиодный индикатор послушно замигал жёлтым. Цепи управления, собранные на жёсткой логике, работали в режиме полуавтомат, но работали. Лёгкими движениями правой рукоятки я остановил вращение по крену и тангажу.

— Мы в какой-то системе, но довольно далеко от центра, — задумчиво произнёс я, глядя на сверкающий кружок ближайшей звезды. — Раз нет бакена, значит, система необитаема. Как думаешь, твоё компьютерное подсознание смогло бы указать местоположение по рисунку созвездий?

— С сенсорами бы запросто, — ответила Падме. — А просто глазами… которых у меня, кстати, нет, одна иллюзия… не знаю. Попробую.

— Тогда я займусь системой дефектоскопии.

Падме пришла за мной как раз в тот момент, когда я, запустив второй бортовой узел, ставил на место облицовочную панель в задней каюте левого борта.

— Как успехи? — спросил я.

— Посмотрела по сторонам. Теперь голова кружится, какие-то обрывки, картинки… В общем, анализ идёт, а что получится – увидим. Общая лоция в памяти есть. Да, тут недалеко от нас планета, газовый гигант.

— Будем иметь в виду. Ну, как, корпус чувствуешь?

— Заднюю половину. Вплоть до галерей и донного люка у нас всё цело.

— Это хорошо, может, быть, удастся наддуть хвостовой отсек.

— Попробуем заменить чип в нижнем разветвителе, к нему есть доступ с центральной палубы.

— Один кристалл у меня ещё остался. Пойдём. Здесь открывать?

— Да, отогни изоляцию, под ней резервная крышка блока. Плату придётся вынуть, иначе не доберёшься до слотов.

— Ага, так… Здесь такие же защёлки, как и с лицевой стороны? Оригинально. Готово, перезапускаю.

— О-о…

— Что?

— У меня днище нараспашку! — жалобно поморщилась Падме. — И закрыть не могу, привод повреждён.

— Господи, груз!

— Груза нет. Похоже, нас банально ограбили, брат.

— Уроды! Узнаю, кто – решето сделаю! — прорычал я. Купленные для компании узлы генераторов дефлекторных щитов стоили полтора миллиона кредитов.

— Я буду участвовать, — поддержала голограмма. — Ну, что, внутренние двери трюма я закрыла, холл и лифтовая герметичны. С хвостовым отсеком хуже, мне

ещё и рампу взломали. Ладно, хотя бы, камбуз и медотсек в нашем распоряжении.

— Кстати, сколько у нас энергоносителя, сколько инерта?

— Энергоносителя 35560. Инерта чуть больше половины. Правая нижняя цистерна повреждена.

— Так, а передняя лапа?

Падме сосредоточенно прищурилась, вздохнула:

— Заклинена в убранном.

— Вот куда нам попали. Так сказать, по рёбрам, прямо за спарками.

— Видимо, да, — она машинально потёрла ладонью то самое место, под грудью. — Нужен ещё один чип, для центральной палубы. Носовую часть я изолировала, можно дать воздух в рубку.

— Пойду, в машинном возьму. Вскрывай разветвитель.

Пять минут спустя мы вошли в промёрзший рубочный зал. Из вентиляционных отверстий под потолком вливались струи тёплого воздуха. Кузина, заметив, что я поёжился, покосилась на воздуховоды, и поток тотчас же стал сильнее, напоминая крепкий морской ветер субтропиков. Сейчас, когда системы корабля вновь беспрекословно ей подчинялись, к Падме возвращались спокойствие. Она оживила навигационную систему, потом зачем-то секретный компьютер. Вспыхнул большой голопроектор, отобразив гигантскую карту Галактики.

— Вот наше местоположение! — гордо объявила кузина, указывая на пульсирующую красную точку.

— Я всегда знал, что ты у меня гений, сестрёнка, — улыбнулся я. — Слушай, но это же не по пути?

— Совсем. Мы летели вот так, — зелёной линией она начертила в объёмной схеме Ботанский путь, по которому мы двигались изначально. Расстояние от него до теперешнего местоположения я навскидку оценил примерно в тысячу световых лет.

— Однако!

— Зато недалеко до Онатоса. В крайнем случае, дотянем даже резервом, на одном инверторе. Вот что, брат, я займусь гиперприводом, а ты, пожалуйста, восстанови остальные узлы контроля корпуса, хорошо?

— Ладно, а потом поменяю сенсорные головки.

Сначала я заменил чипы в скуловых контрольных блоках, закреплённых за панелями технических помещений рубки, затем через откинутую неведомыми злоумышленниками лестничную секцию спустился на нижнюю палубу, где тоже была лестница, ведущая с уровня трюма вверх, под командный подиум. Здесь, прямо за креслами «местного управления» носовыми спарками, размещались небольшие клетушки с сенсорной аппаратурой. Подобно смотровым приборам в современных мне бронемашинах, наиболее уязвимые в бою приёмные головки легко заменялись изнутри, причём, без нарушения герметичности. Запасные лежали тут же, в фиксаторах на полках. Гораздо сложнее обстояло дело с центральным, передним блоком. Он размещается на самом кончике острого носа сорокапятиметрового клина корабля, и из носового отсека вдоль трубы оптического телескопа туда ведёт низкий лаз, по которому на подшипниках катается плоская тележка. Когда я закончил и, отталкиваясь от стенок, выехал на ней обратно ногами вперёд, Падме ждала меня, устроившись в одном из кресел, совсем как живая женщина.

— Гиперпривод работает? — спросил я.

— Работает…

— Пробоину смотрела? Большая?

— А? Нет, ерунда, прокол тоньше двух пальцев, заделаем, — рассеянно ответила Падме.

— Почему же тогда глаза такие грустные?

— Наши не отвечают. Я вызывала и Орд Пардрон, и Карес на всех дежурных частотах.

— Возможно, нас закрывает гравитационная аномалия?

— Нет. Я отчётливо слышу переговоры планет и больших имперских кораблей в гиперпространстве, а нам ответа нет.

— Значит, придётся добираться до Онатоса самим, а там связаться по Голонету, — развёл я руками. — Кстати! Я, кажется, придумал, как нам попасть в хвост!

— И как же?

— Смотри. Водород нетоксичен для человека. Гелий тоже. Дыхательные маски у нас есть, в переходных галереях. Ныряем в атмосферу гиганта до нормального давления, отсек заполнится, я спокойно возьму скафандр, а может, и рампу задраить сумею.

— Ах, ты мой милый! — саркастически сказала Падме. — Какая там температура при «нормальном давлении», ты в курсе? Минус сто тридцать.

— Одеться теплее, а лицо солидолом, чтоб не обморозить. Там пройти всего шесть метров. Ну, семь.

— И обратно столько же. Нет уж. Не пущу.

— Но почему??

— Да потому, что есть кандидатура лучше. Я. Мне ни водород, ни холод не страшны.

— Ну, с этим не спорю. Вопрос, сможешь ли ты там придать себе плотность?

— Вот когда не смогу, тогда пойдёшь сам.

В атмосфере газового гиганта «Амидалу» немилосердно трясло, несмотря на то, что перезапущенная система стабилизации успешно парировала большинство рывков, не позволяя кораблю ни задирать нос, ни зарываться, ни крениться. Скорость ветра здесь превосходила планеты земной группы на порядок, если не больше. Однако, поскольку нам не требовалось придерживаться каких-либо конкретных координат, я позволял этому невообразимому урагану нести корабль

туда, куда ему вздумается. И маневрировал только тогда, когда сенсоры видели впереди столкновение воздушных потоков, чреватое мощными завихрениями.

— Отлично справляешься, — улыбнулась кузина, возникая между пилотскими креслами, и положила руку мне на плечо.

— Спасибо. А ты?

— И я справилась. Полетели отсюда.

— С превеликим удовольствием!

Как только остатки водородной атмосферы улетучились из трюма и хвостового отсека, Падме закрыла двери турболифта, подняла его на центральную палубу и впустила внутрь нормальный воздух.

— Превосходно! — обрадовался я, снимая с фиксатора вешалку со скафандром. — Сейчас выйду…

— Сначала ты должен поесть, — перебила Падме. — Хотя бы, немного.

Перекусив, я отправился вниз. Вскрывая наш корабль, некто злонамеренный не сумел прорезать плиту сверхпрочного мандалорианского железа и прошёл резаком по уплотнителям, выжигая высокомолекулярный пластик и перерезая у основания штоки опускающего механизма. Пожалуй, на будущее тут надо будет приварить внахлёст пластины из бескара, прикрыть, хотя бы, штоки. Я закрепился в проёме люка, выковырнул остатки обгоревшей пластмассы, вставил в паз новую уплотнительную ленту, запрессовал. Механизмы пришлось приваривать «как придётся», лишь бы держали – не умею я как следует обращаться с плазменной горелкой.

— Передохни, — сказала кузина. Я только поморщился:

— Наши так и не ответили?

— Нет. Инверторы постоянно на закрутке. Пыталась связаться с Лантиллисом и Шалстайном – тоже глухо.

— Тогда какой, к ревеням, отдых?

Залить композитом прокол в днище, явно сделанный мощным энергетическим оружием, тоже оказалось нетрудно. Работать в пустоте возле кораблей и даже на поверхности астероидов мне уже доводилось, а здесь требовалось всего лишь пройти снаружи по днищу от стыковочного узла до трюма и закрепиться на броне. Ремонтные материалы специально выпускаются в такой упаковке и снабжаются такими инструкциями, чтобы и владелец частной яхты справился. Бескаровые плитки в запасе есть, потом ребята обточат по месту пробку, забьют и закалят, как надо. Теперь нужно закрыть створки донного люка, состоящие из складных половинок – как в трамвае, только крупнее, девять метров в длину и метр с лишним в ширину каждая. После попадания в днище от привода осталась груда металла, наверное, поэтому здесь злоумышленники тоже обрезали тяги. Не обращая внимания на всё более грозное ворчание Падме в наушниках, я прикрепил к одной из створок полиспаст и принялся крутить его катушку гидроключом, наматывая тросик. Ещё, ещё… Отлично! Теперь вторую. Дольше всего мне не удавалось закрепить люк. Под действием упругих сил в уплотнителях створки всё время расползались то с одной то с другой стороны, и сквозь щель между ними начинали ехидно проглядывать звёзды. Чертыхаясь про себя, я нашёл в нише за облицовкой болт подлиннее, и, наконец, навернул гайку в центральной проушине. Оставалось стянуть створки с помощью гидроключа и добавить по краям ещё два болта для верности.

— Есть датчик герметичности! — раздался в наушниках голос кузины.

— Воздух давай, — прохрипел я, плюхаясь на край фальшпола. — Жарко в этом шлеме, ужас.

— Даю-даю. Сейчас я тебе воды принесу.

— И хлеба… — как студент из анекдота, добавил я.

После сытного обеда – а по корабельному времени, скорее, ужина – я почувствовал, что глаза у меня слипаются. Однако, едва «Амидала», завершив короткий прыжок, вышла на досвет в системе Онатос, сон слетел с меня, как и не было. Подключившись к Голонету, ни я, ни Падме не смогли войти в почтовые ящики! «Имя не опознано», отвечали почтовые серверы трёх разных провайдеров.

— Что за чёрт? — сказал я. Набрал в обозревателе адрес корпоративного сайта… и вытаращил глаза, увидев вместо привычной страницы, нарисованной Фарлоном Геко, логотип поисковой системы «Огр» и сообщение: «Извините, по Вашему запросу ничего не найдено. Посмотреть похожие слова?»

— Не понимаю. Мы, что, так долго отсутствовали, что компанию закрыли?

— Нас не было двое суток, — возразила Падме и в подтверждение своих слов указала ногтем мизинца на дату в верхнем правом углу окна. Действительно, шёл всего лишь третий день с последней даты, которую я помнил.

— Тогда что?

— Алекс, я тоже не понимаю. Погоди. Поищем по персоналиям.

Лучше бы она этого не делала! Потому что страница, которую выдал нам поисковик на следующий запрос, повергла нас в шок. На первый взгляд, в ней не было ничего особенного, обычные краткие биографические данные:

Чучи, Рийо

4 BrS – 27:1:32

Пол: женский

Раса: человек

Планета происхождения: Пантора

занимаемые должности:

Имперский Сенатор
Старший Администратор ЗТ «Румелия»
Директор ЗТ «Румелия»

Мы оба с ужасом смотрели на даты под именем. **Две** даты… Двадцать седьмой год Ресинхронизации, то есть, 992-й по Руусану. Умерла три года назад. Буквально накануне того дня, когда я с ней познакомился.

Падме первой пришла в себя. В окне Голонета высветился новый запрос, ещё, ещё. Дочерние фирмы – не существовали. Истребитель «Бритва» – неизвестен Галактическому Регистру. Система Гилаттер – покинута в 994 году Руусана. Пираты системы Араг…

— Как будто ничего не было… — прошептала Падме.

Я поймал себя на том, что судорожно сжимаю её запястье.

— Как не было? — спросил я. — Мы же помним. Есть голографии, записи. И меч Айлы, вот он, у меня…

— Алекс, может оказаться так, что, кроме меня, нигде таких записей и доказательств не осталось.

— Может быть, это какая-то имперская акция? Как стёрли информацию о джедаях…

— Не за два дня. Особенно с учётом сотен кораблей, построенных нашей компанией за последнее время. Погоди-ка, — она подалась вперёд, и, повинуясь её мысленным приказам, на экране промелькнули ещё несколько запросов. С такой скоростью, что я едва успел схватить глазами заголовки. Сенатор Органа и его дочь Лейя. Джобель Наберри, мама Падме, а моя тётя, остальная их семья. Здесь всё, вроде бы, было так же, как и прежде, даже избрание Сенатором от Набу нашей племянницы Пуджи Наберри.

— Запроси «Тано», — тихо сказал я.

— Нет, — твёрдо ответила Падме. — Это не Библиотека. В Голонете любой запрос – круги по воде.

Зачем привлекать внимание к Ирис? Осоку мы тем более так не найдём. И Эрдени тоже, она уже окончила университет и может быть где угодно. Под любой фамилией.

— Права, как всегда, — вздохнул я. — Надо слетать и аккуратно проверить. В первую очередь, базу на Орто Плутонии и терминал, благо мы сравнительно недалеко.

— И лучше всего будет, если мы заявимся на «Румелию» прямо так, без ремонта, а?

— Все такие потрёпанные и несчастные, — подхватил я. — И цель прибытия придумывать не надо…

3. «Румелия» – Корусант

Аварийная команда на «Румелии» сработала быстро и чётко. Узнав, что у нас повреждена одна из опор, они вывели в ангар подъёмник и, когда «Амидала» оказалась на отведённой стоянке, два его домкрата упёрлись в днище перед створками люка, принимая на себя вес. А вот ремонтников нам пришлось подождать. Наконец, явился мордатый бригадир и, ковыряя в зубах, принялся торговаться. То есть, сразу, не взглянув на неисправности. Подобных персонажей я встречал несколько раз и прекрасно понимал причину такого поведения. Он знал, что является монополистом, и других механиков мне здесь не найти, поэтому чувствовал себя хозяином положения. Что ж, попробуем сыграть на качестве, обычно присущем таким людям. Жадности.

— Нет, мистер, всё-таки, это дороговато, — покачал я головой. — Боюсь, трюмный люк мне придётся ремонтировать в другом месте. Хотя, есть и более заманчивое предложение. Вы делаете мне скидку, скажем, тридцать процентов, а я за срочность доплачиваю **Вам** сверху четыреста.

— Нравитесь Вы мне, сэр, — расплылся в ухмылке бригадир. — Только ради Вас, и даже не тридцать, а

тридцать пять процентов. Две шестьсот плюс то, что за срочность.

— По рукам, — сказал я. С учётом взятки, бригадир вместо четырёхсот клал в карман шестьсот шестьдесят, а я экономил целую тысячу. — Приступайте.

— Вижу, вы договорились, — произнесла Падме, входя в гостиную.

— Да. Можешь проследить за этими гавриками, чтобы не халтурили? Я пока выясню обстановку на станции.

— Конечно, сходи, посмотри.

Вновь перейдя на *базик*, я пояснил бригадиру, что по всем вопросам он и его люди могут обращаться к моей сестре. Спрашивать об Иане Кудре и Базили Вране у него смысла не имело. Я и так не сомневался, что с этим жлобом они на одном поле бы завтракать не сели.

— Чуть не забыл! — спохватился я, когда бригадир вышел. — Что проба?

Автоматический зонд мы запустили сразу же, как приблизились к «Румелии». С его помощью Падме рассчитывала обследовать космическую свалку, расположенную на той же орбите чуть «сзади» по направлению вращения.

— По данным пробы, «Хелси» на старом месте, «Наследник» тоже, оборонительные системы работают. Как будто и не улетали никуда.

— Значит, не улетали, — вздохнул я.

Вот так. На месте фрегат и «вспомогательный авианосец», набитый «грифами», никогда не распечатывались базы-закладки на Орд Мантелле и в системе Орд Пардрона… Хоть бери и начинай всё сначала. Но с кем? Обойдя станцию, я быстро убедился: того коллектива, что был когда-то, больше не существует. То, что пограничников расформировали, понятно, так собирался поступить имперский представитель ещё тогда. Ликвидировали имперцы и Карантинную службу доктора

Дэи. На «Румелии», вообще, осталось совсем мало знакомых лиц. Ни полицейских, ни инженеров и техников, ни фоллинки Натуа Хисс, на встречу с которой я надеялся в глубине души… Из известных мне диспетчеров я нашёл лишь Ливэ Онитанти, местную уроженку. Она не узнала меня, да и не могла, мы ведь, получается, никогда с ней не знакомились, тем не менее, именно у неё я выяснил главное. Рийо, нашу Рийо, казнил тот самый наместник! Обвинив в государственной измене. Правда, потом на станцию прибыл специальный эмиссар Инквизиции и без долгих разговоров отрубил наместнику голову за самоуправство, а что толку? Рийо больше нет, нет даже могилы, куда можно прийти в память о ней. Несколько месяцев назад, когда её похитили работорговцы, мы тоже опасались, что не сможем её разыскать, но тогда всё обошлось. И вот теперь, всё же, случилось непоправимое… С этими мрачными мыслями я брёл по коридору, когда меня окликнули:

— Эй, мистер! Что это ты шляешься по моей станции, высматриваешь, вынюхиваешь, расспрашиваешь?

Голос был женский и принадлежал стройной молодой особе в костюме первопроходца и широкополой шляпе. На поясе у неё висела пара бластеров, к одной из кобур была пристёгнута нейронная плеть. Судя по голубоватой коже и ярким жёлтым глазам, особа принадлежала к местной панторанской расе, так же, как Ливэ и Рийо.

— Простите? — не сразу включился я. — В смысле, *сорри, мэм*. Вашей станции? Вы администратор?

— Я Фанона Сич, шериф. Слежу за порядком на этом куске железа.

— Ещё раз простите, не знал. Раньше здесь была обычная полиция. В форме.

— Давно ты, видимо, здесь не бывал. Полицию ещё года три назад перевели, кого во флот, кого в штурмовики. Потому Администратор Зауль нанял меня.

— Ясно. Да, многое здесь изменилось…

— Не уходи от ответа, чужак. Что тебе надо на станции?

— Ремонт. Вчера с пиратами неудачно повстречались, получили заряд в днище. Вот, пока ваши ребята шасси чинят, решил пройтись. Думал, кого из знакомых встречу…

— И как, встретил? — заинтересовалась Фанона. Подозрительность её явно пошла на убыль.

— Нет. Тут, наверное, девять из десяти работников поменялись.

— Около того, — кивнула она. — После смерти прежнего директора началась страшная текучка. Когда я сюда прилетела, народ увольнялся пачками. Похоже, здешняя начальница очень не любила Империю и вокруг себя собрала таких же.

Я только неопределённо пожал плечами. Объяснять что-либо этой самоуверенной девице, чем-то неуловимо напоминающей дуросского киллера времён Войны Клонов – как же его звали? – было бы глупо. И неосторожно.

— Ты охотник? — спросила Фанона.

— Нет… То есть, теперь, наверное, да. Видите ли, миледи, мы с сестрой работали в компании, а теперь остались сами по себе. Скорее всего, придётся стать охотниками.

— Тогда вам лучше лететь на Сокорро или Льяник, там шансов больше.

— Мы и собираемся, — соврал я. — После ремонта.

— И, мой совет, тебе и сестре твоей. Не ходите без оружия, дольше проживёте.

Забавно. Я-то до сегодняшнего дня наивно полагал, что в местах, где размещены имперские гарнизоны, оружие, наоборот, напоказ выставлять не следует, дабы не нарываться на ненужные проверки.

— За совет спасибо, мэм. Всего доброго, — откланялся я, сдержав усмешку. Отсутствие оружия на

виду ещё не означает, что его нет вовсе. Мисс Сич об этом позабыла, а зря. И стояла так близко тоже напрасно. Надеюсь, она никогда не станет пытаться арестовать какого-нибудь джедая в бегах, при подобных повадках это может кончиться для неё плачевно.

Больше на станции делать было нечего. Как только механизм передней лапы был отремонтирован, а разрушенный привод люка заменён новым, «Амидала» немедленно стартовала. Я сделал крюк, чтобы ввести в заблуждение операторов систем слежения, а как только между нами и «Румелией» оказался край мусорного поля, включил маскировку и направил корабль прямиком к Орто Плутонии. Через полтора часа мы с Падме созерцали заброшенную республиканскую базу. Она выглядела совершенно иначе, чем в нашей «прошлой жизни». Было совершенно очевидно, что ни Библиотекарь Джин-Ло Рэйсс, ни кто-либо ещё не жил здесь с самой войны. Ещё одна оборванная связь… Перед уходом я задержался и на скале за первыми гермоворотами вырезал световым мечом надпись по-русски:

Генеральный Директор Рийо Чучи
961 – 992 РР
Невосполнимая утрата

К этому импровизированному памятнику мы положили букет из четырёх «вечных» орхидей Панторы. Золотые, как глаза нашей подруги, эти цветы способны десятилетиями сохраняться среди льда и снега точь-в-точь такими же, как только что сорванные.

— Что дальше, брат? — спросила Падме.

— Вот, в раздумьях. Ситуация аховая. Хоть к Сопротивлению подавайся.

— Ну, ну, не настолько всё плохо. У нас пока есть и деньги, и топливо. Есть коды и координаты республиканских закладок…

— Для того, чтобы ими воспользоваться, нужны люди, — возразил я.

— Правильно. Хотя, кое-что мы могли бы сделать и сами. Чертежи солнечной установки для перегонки энергоносителя у меня остались, заказать несколько комплектов…

— И топливом сможем хоть на базаре торговать. Отличная идея. И всё-таки, с помощниками будет легче.

— Тогда, для начала, нам потребуется хороший хакер. Отыскать следы тех, кого мы знали раньше – задача не из простых. А, возможно, обнаружатся какие-то выходы на Службу, что было бы совсем хорошо.

— Да уж, тебе-то Служба поможет однозначно. Помнишь, как на тебя отреагировал Т'рандак?

— Ещё бы!

— Значит, хакер, — задумчиво сказал я. — Сакиса Тамитриати нам самим не найти, что-что, а прятаться такие спецы умеют знатно. Но есть ещё один, местонахождение которого мы знаем. Белый Админ.

— Ввожу координаты Корусанта?

— Да, будь так добра.

На крышу Храма джедаев мы приземлились незадолго до рассвета. По предыдущему опыту я знал, что это безопасно, тем не менее, осторожная Падме настояла сделать круг, держась к зиккурату Храма носом, и внимательно осмотреть всё при помощи сенсоров. Не обнаружив датчиков, сели таким образом, чтобы максимально заслонить «Амидалу» от любопытных глаз одной из башен и технологическими надстройками.

— Как здесь легко находиться! — воскликнула Падме, спускаясь рядом со мной по лестнице вниз, в лабиринт верхних этажей.

— В каком смысле?

— Сложно объяснить. Обычно вне корабля я ощущаю… какое-то напряжение, нет, лучше сказать,

«натяжение». Как резиновый жгут, который растягивается, растягивается и в какой-то момент мешает идти дальше. Здесь этого нет, — она оттолкнулась от ступеньки, и её светящаяся в темноте фигура с лёгкостью перепорхнула целый пролёт.

— Не спеши, я, в отличие от тебя, летать не умею.

— Сюда?

— Да, за лифтовые шахты. Вот она, Старая Читальня, — я включил меч, сделал движение ритуального салюта. — Приветствую великих мастеров прошлого! Простите, что тревожим ваш покой, у нас важное дело.

Никто из тех, чьи мечи были свалены беспорядочной грудой на полу Читальни, не отозвался. Там, где они пребывали теперь, до мирских забот нет никакого дела. Ах, если бы откликнулась Айла Секура, меч которой я сейчас держал в руках! В той, прошлой жизни она появлялась у нас в виде призрака, сперва редко, потом чаще. Давала советы, была не прочь и просто поговорить. Здесь, похоже, Айла **вернуться** так и не смогла.

— Брат, — окликнула меня Падме. Она стояла в дальнем углу читальни. — Тот тайник, где вы нашли голокрон, был вот здесь?

— Да, примерно там.

— Я что-то чувствую. Видно, здесь он до сих пор в тайнике.

— Ну, нам-то с тобой он без надобности. Пойдём дальше, — я выключил лезвие и двинулся дальше, к тяжёлой двери запасного выхода и по лестнице вверх, в Великую Библиотеку. Падме беззвучно шла следом.

То, что ждало нас в каморке Старшего Инженера по вычислительным машинам, повергло меня в ещё большее уныние. Разгромленная стойка, вывороченная панель в тумбе рабочего стола, где скрывался ещё один компьютер, перерубленная наискось спинка кресла. Бурое пятно крови на сиденье. И эта нить оборвалась тоже. Проклятый Вейдер!

— Интересно, обыск тут был? — задумчиво сказал я.

— Непохоже. Что ты хочешь найти?

— А что-нибудь. Вдруг он оставил весточку тому, кто придёт следом? Ну-ка, где наш человек обычно прячет ключ?

— Под ковриком, ты сам всегда так говоришь.

— А за неимением коврика… — я провёл рукой по притолоке двери, и у меня в руке оказался цилиндрический кристалл памяти. — Вот!

— В деку не вставишь, — вздохнула Падме, — не тот формат.

— В зале два десятка терминалов, работает же хоть один.

Исправный терминал обнаружился рядом с тайным проходом, ведущим в каморку Белого Админа. Он опознал кристалл как видеозапись, никаких других файлов на накопителе не было. Включив воспроизведение, я увидел на экране знакомое лицо. Длинные выцветшие волосы, большие глубоко посаженные добрые глаза, тонкий нос, небольшие усики, только бороды тогда ещё не было.

— Рад тебя видеть, кто бы ты ни был, — сказало изображение по-русски. — Если ты это нашёл и понимаешь меня, значит, наш. У меня мало времени, поэтому слушай внимательно. Один из мастеров-джедаев, похоже, решил устроить переворот. Пригнал сюда тучу солдат-клонов, они убивают всех, кто им попадётся. Но. Знания Храма им не уничтожить. После атаки на Корусант я перелил большинство архивов в Голонет, ну, что успел. Они кочуют с сервера на сервер, и найти их теперь может только мой управляющий модуль. Адрес его тоже плавающий, вот формула, перепиши… — на экране появилось длинное выражение и пояснение подстановочных переменных, коих было четыре: год, месяц, число, время суток.

Я потянулся за декой, Падме остановила меня:

— Запомнила уже.

Формула продолжала висеть на экране, а Белый Админ продолжал:

— Он же будет собирать и сортировать последние новости, пока не работает Большая Машина. Для доступа нужны будут пароли, ну, ты догадаешься, по крайней мере, первый уровень. Используй во благо. А когда джедаи вернутся – передай им. Да, если жалко комп – вынь кристалл из разъёма. И да пребудет с тобой Сила.

Я торопливо дёрнул накопитель, и кристалл рассыпался в пыль у меня в пальцах, оставив после себя пустую металлическую гильзу.

— Управляющий модуль в Голонете я нашла, — сообщила Падме. — Дублирую изображение тебе на деку.

— Так, — я снял датапад с пояса, повернул экраном к себе. Страница приглашения выглядела незамысловато. Ни логотипов, ни заглавия, одна красная надпись аурбешем «Только для авторизованного персонала» и ниже поле ввода.

— Остаётся понять, какой пароль нужно ввести, — кузина потёрла левую бровь. — Что может… вернее, обязан знать любой землянин? Диаметр планеты? Ускорение свободного падения? Число дней в году?

— По-моему, всё проще. «Землянин». Это и есть пароль.

— Не подходит.

— Ты не так написала. Не надо транслитерировать, замени «я» на «квек», как в сообщениях пишем.

Экран мигнул, и на нём высветилось – по-русски:

Салам, бача!
Что ты хочешь найти?
(можно своими словами)

— Как говорил кот Матроскин – ура, заработало, — констатировал я. — Сейчас попробуем сделать запрос…

— Подожди, — остановила Падме. — Тебе что-то ещё здесь нужно?

— Нет.

— Тогда улетаем. Скоро начнёт светать, при свете дня меня не заметит на крыше только ленивый.

— Ты права, не подумал, извини. Предлагаю обосноваться в башне «ЛиМердж», как в прошлый раз.

— Не лучше ли на орбите захоронения?

— Нет. У нас ещё дело на поверхности.

— Имеешь в виду университет? Всё-таки, хочешь попробовать найти «жемчужину»?

Я кивнул. На борту «Амидалы» среди накопленных нашими механиками запасов имелось почти всё: стандартные оптоэлектронные процессоры для компьютеров и датападов, крупные, со спичечный коробок, голографические кристаллы видеообработки, урезанные «четвертушки», используемые в дверных замках и бластерах. Не было только комбинированного процессора, разработанного больше четырёх тысяч лет назад и являющегося основой дройда типа «Стражник». Поэтому Бета, наш кибернетический референт, умелый боец и большая умница, до сих пор оставалась единственной на корабле машиной, которую мы так и не смогли восстановить.

По совету кузины, в Корусантский Университет я отправился к половине одиннадцатого утра. Предварительно мы уточнили в Сети данные на нескольких профессоров, знакомых Падме по прошлой жизни, которые могли бы нам помочь, и расписание занятий факультета кибернетики. Сложенный спидербайк я спрятал неподалёку от станции «магнитки» – без номеров по Сенатскому кварталу и Фобоси долго не налетаешься, остановят и арестуют – и дальше поехал общественным транспортом. «Хрустальный» магнитопоезд, потрёпанный и исцарапанный местными графитчиками, но

ещё не утративший окончательно первоначального лоска, доставил меня на станцию, которая так и называлась «Университет», прямо как в Москве. Только, в отличие от Родины, здесь все три выхода со станции выводили непосредственно к учебным корпусам. Мне нужен был дальний, у первого вагона, к нему я и направился. Стоп! А что там делает патруль имперских штурмовиков? У других выходов «белых кастрюль» не наблюдалось. Ну, уж нет, выйду через средний, бережёного бог бережёт, а не бережёного конвой стережёт, здесь эта истина была как нельзя более к месту. Однако, несколько патрулей, также по три головы каждый, обнаружились и на площади перед университетским комплексом. К добрым людям они, вроде бы, не цеплялись, просто стояли, но я удвоил бдительность. И заметил ещё одну странность: стоянка для спидеров перед одним из корпусов выглядела какой-то невостребованной. Все соседние буквально битком набиты, а на этой полно свободных мест. Занимать их отчего-то не спешили. Я увидел, как сначала одна, затем другая машина, снизившись, вроде бы, для посадки, вдруг пролетела мимо. Возможно, дело вон в том чёрном лимузине орбитального класса, что стоит у самого входа? Прилетела какая-то важная шишка? Пожалуй, лучше обойти по дальнему краю стоянки. Хорошо, что мне нужно не это, а соседнее здание!

Я почти поравнялся с местом, где стоял чёрный «орбитальный прыгун», когда тротуар перед корпусом как-то враз опустел. Людей и других существ никто не останавливал, они сами замедляли шаг или сворачивали в мою сторону, те же, кто оказался перед входом, наоборот, старались поскорее миновать большой спидер. Внезапно раздвинулись транспаристиловые двери, и на тротуар шагнула высокая чёрная, как смоль, фигура. Тусклый блеск шлема, длинный, до пят, плащ. Да это же Вейдер! Я остановился, разглядывая Лорда сита с безопасной

дистанции, как вдруг оцепенел. Вместе с Вейдером, на шаг позади него, из здания вышла женщина в таком же зловещем чёрном плаще. Будь она обычным человеком, на таком расстоянии я, возможно, решил бы, что обознался. Но эти рожки, их форма, лёгкий изгиб кончиков, знакомые до мельчайших деталей полоски… Рассчитывая в один прекрасный день отыскать здесь Осоку Тано, я в самом жутком кошмаре не мог представить, что увижу её **так**. Похоже, в отличие от знакомой мне исторической линии, здесь события развивались по наихудшему сценарию.

4. Знакомство на грани фола

Медленно, как сомнамбула, я согнул руку, ткнул пальцем в сенсоры комлинка.

— Да? — моментально откликнулась Падме.

— Сестра… Я её нашёл, — сказал я. — Она с Вейдером.

— Ох… — ей не потребовалось пояснять, **кого именно** я нашёл. — Уходи оттуда!

Я покачал головой, забыв, что она не может меня видеть, потом произнёс вслух:

— Нет. Они прощаются, он улетает, а она идёт к метро. Я за ней.

— Хорошо. Но будь предельно осторожен. Помни – это уже не она.

— Да, да, всё, я перезвоню.

Сесть в тот же поезд, что и Осока, я успел в последнюю секунду. Мне было абсолютно всё равно, в какую сторону он идёт, и до какой станции она на нём едет. Хотелось просто на неё посмотреть. Аккуратно, чтобы не привлекать к себе внимания, я прошёл по вагону, приблизившись настолько, чтобы видеть её лицо. И стал изучать новую помощницу Дарта Вейдера «правильным», чуть размазанным взглядом, чтобы не порождать потока

внимания. Этой методике в прошлой жизни учила меня сама Осока, после того, как я неудачно попытался вести слежку за командой клонов и получил по голове от капитана Рекса. Совсем недавно это было, и вот как теперь приходится применять науку… Внешне Осока изменилась не сильно и, в то же время, заметно. У неё прежней никогда не бывало такого привычно-хмурого выражения лица, опущенных уголков губ, отсутствующего взгляда в никуда. Когда она о чём-то глубоко задумывалась, это выглядело совсем иначе, а подолгу грустить прежняя Осока не умела вообще. Плащ наподобие бурки, то есть, с жёстким каркасом в плечах, частично скрывал её одежду, но, кажется, вместо любимых с детства туник на Осоке была чёрная военная форма, во всяком случае, я разглядел уставные сапоги, брюки и блестящую пряжку ремня. Бедняжка, до чего её довёл Вейдер! Она не замечала того, что пассажиры в вагоне стараются не приближаться к ней ближе двух метров, одна пожилая женщина даже поднялась и пересела на другое место, подальше. А может быть, для этой Осоки такая реакция давно привычна? На шестой или седьмой станции от университета, так же не поднимая головы, тогрута пересекла площадку и вышла на платформу. Я вышел в соседнюю дверь и последовал за ней наверх. Глупо? Может, и глупо. Но заставить себя остаться, позволив ей уйти, было выше моих сил.

Район, где мы очутились, был гораздо менее фешенебельным и значительно более обшарпанным, чем лощёный Фобоси. Улицы – более узкие, здания – не такие блестящие, публика – победнее. Несколько раз Осока сворачивала с одной улицы на другую, прохожих вокруг становилось всё меньше, а я всё шёл следом на почтительном расстоянии, с болью подмечая, как тяжело ступает тогрута, как опущены её плечи. И надеясь, что, погружённая в себя, она не обращает на меня внимания. Ну, да, размечтался! В какой-то момент я обнаружил, что

мы совершенно одни в переулке между высокими домами, куда никогда не заглядывает солнце. Тут она и остановилась. Резко развернулась ко мне и потребовала тоном, не терпящим возражений:

— Подойди!

Ну, не бежать же от неё? Я подошёл.

— Зачем ты следуешь за мной? — спросила Осока. — Только не говори, что влюблён в меня до беспамятства.

— Хорошо, не буду, — послушно кивнул я. И поинтересовался, уже на словиоски: — А что, часто говорят именно так?

— Регулярно, — ответила она на том же языке. — Ещё – что я такая прекрасная, сильная, грозная, что всю жизнь готовы быть моим рабом и лежать у моих ног. Противно.

— Да уж, такие признания – на любителя.

— Ты не ответил на мой вопрос. Зачем?

— Скажем так, захотелось вблизи посмотреть на легендарную Тано, героя войны, правую руку Известно Кого… — я помолчал и добавил: — И, возможно, будущую Тёмную Леди.

— Не говори ерунды. С лордом Вейдером нас связывают чисто деловые отношения. Ясно тебе? — брови её грозно сдвинулись.

— Ясно, чего ж тут неясного, — сказал я. — *Подельники*. Вот уж чего я в самом страшном кошмаре не мог представить. Лорд-предатель и ты рука об руку.

— Попридержи язык! Никому не позволено безнаказанно оскорблять Повелителя! Это великий человек…

— Да-да, разумеется. Даже, можно сказать, величайший, со времён самого Иуды Искариота. Убить всех своих друзей, соратников только для того, чтобы возвыситься. Неважно кому служить, хоть самому сатане, но быть при нём **первым**. С неплохой перспективой свергнуть когда-нибудь и его.

— Ты не смеешь так говорить! — она угрожающе подалась вперёд. — Он уничтожил не только джедаев, но и главарей сепаратистов, вычеркнул их, для того, чтобы остановить войну! Он принёс мир в Галактику! — пафос в её голосе звучал всё надрывнее. — И эти малые жертвы были оправданы во имя высокой цели!!

— А смерть моей сестры? — не выдержав, огрызнулся я. — Тоже необходимая жертва? Тоже во имя высокой цели?? Он клялся ей в любви, а на деле с каждым годом доставлял всё больше мучений, пока не толкнул к смерти. И даже потом, мёртвую, не оставил в покое в угоду своей гордыне…

Вот тут Осока немного растерялась. А когда поняла, о чём речь, спросила совсем другим тоном:

— Сенатор Амидала была твоей сестрой?

— Кузиной, если точнее. И она ничем не заслужила того, что с ней сделали.

— Не заслужила, — эхом ответила Осока. — Мне очень жаль её, поверь.

Она говорила искренне, я чувствовал это. И так захотелось надеяться, что не всё так плохо. Но чёрный плащ и униформа личной гвардии Тёмного лорда не позволяли забыть, как далеко зашла та, что была – или уже не была – рядом со мной три последних года. Поэтому я не ответил ничего, лишь кивнул молча. Повисла неловкая пауза. А затем она задала новый вопрос:

— Тебя гложет что-то ещё. Что?

— Так, сущие пустяки. Больно видеть, во что превратилась одна замечательная девушка. Прекрасная, сильная, а ещё весёлая и добрая… когда-то.

Она наморщила лоб:

— Говоришь так, будто мы были с тобой знакомы раньше.

— Не знаю, — покачал я головой. — Мне казалось, что да. А теперь получается, что всего этого не было. И ты

– не ты, а кто-то совсем другая. Простите, Госпожа, что отнял у Вас время.

Сказав так, я повернулся и пошёл прочь. В тот момент у меня не было никаких далеко идущих замыслов, всё зависело от реакции самой тогруты. Пойдёт своей дорогой – значит, всё, моей Осоки больше нет, вместо неё холодное злобное создание, говорить с которым – пустая трата сил. Если же остановит… Вот тогда, быть может, будет смысл попытаться.

— Постой…

Я пока не реагировал и продолжал идти. И добился именно такой реакции, на какую рассчитывал. Она догнала меня, схватила за плечо:

— Стоять, я сказала!

— Госпожа желает что-то ещё? — смиренно осведомился я.

— Не веди себя, как обиженный ребёнок! — раздражённо сказала Осока. — Да, я тебя не могу узнать. Но, хотя бы, напомни! Где мы встречались? Когда?

— С тобой мы не встречались, — правдиво ответил я, ведь с **этой** Осокой знаком не был. Врать было нельзя, она моментально почувствует. Поэтому дальше я сказал опять-таки чистую правду, хотя снова не всю: — Я видел военные репортажи о тебе. Мне многое рассказывала Падме. И ещё один Сенатор…

— Чучи, — тихо подсказала она.

— Да. Она так тебя любила, наша Рийо.

— Негодяя, приказавшего её казнить, я обезглавила вот этой рукой, — мрачно сообщила Осока.

— Слабое утешение для неё, — вздохнул я.

— Последние годы мы не общались практически.

— Думаю, ей, как и мне, было не сахар видеть тебя такой.

— Вот только не надо читать мне мораль! — вновь завелась она с пол-оборота. — У каждого свой путь, и

каждый его выбирает. У неё были убеждения, но она предпочла не отстаивать их в Сенате, а слиться в тень, стать администратором захолустной пересадочной станции. А у меня убеждений вообще не было. После того, как меня предали и вышвырнули вон по первому же подозрению.

— Так ты от обиды на них выбрала Тёмную сторону? Или для разнообразия? Мол, не получилось с одной стороной, попробуем другую?

— Послушай, ты! Не знаю, как тебя звать…

— Алекс, — спокойно, в противовес её возбуждённому тону, подсказал я.

— Да, Алекс, так вот, ты меня начинаешь бесить!

— Хороший признак. Безразличие было бы хуже.

— Счас как двину! Тоже мне, нашлась «служба психического здоровья»! Тёмная сторона, Светлая… Оперируешь словами, будто всё об этом знаешь! Книжек умных начитался?? А я видела всё изнутри. Светлая сторона джедайского Совета, если хочешь знать, была сплошным лицемерием и борьбой за власть! Они в глаза тебе улыбались, а за пазухой держали камень. Один Кеноби был порядочный, да и тот не смел вякнуть поперёк. Чем такой Свет, лучше уж Тьма. Она, по крайней мере, честно признаёт: цель – могущество и власть, всё остальное – средства, и все они хороши для достижения.

— Ты сердишься, — всё так же мягко заметил я, — значит, ты неправа.

— Заткнись! Говоришь точь-в-точь как магистры! Всё это мы уже проходили, хватит! Ничего не чувствовать, не иметь собственных мыслей…

— Это у тебя не осталось ни одной собственной мысли, одни ситские догмы, — криво усмехнулся я. — Да, здорово тебе промыли мозги наставничек и его желтоглазый хозяин! Может, в качестве решающего аргумента

возьмёшь меня за горло и задушишь так же, как Вейдер – мою сестру??

Никогда в прошлой жизни я не видел Осоку в такой ярости. Она только что не шипела сквозь сжатые губы, как разъярённая кошка. И тогда я достал из-за пазухи меч Айлы и включил его, приняв исходную стойку. Осока качнулась назад, в руках её в мгновение ока вспыхнули два рубиновых лезвия. Я знал, что шансов у меня нет. Один удар я ещё смогу отразить, в лучшем случае, два, и то лишь потому, что очень хорошо знаю её приёмы и предпочтения. А потом она меня убьёт. Если, конечно, я окажусь неправ…

Осока застыла в готовности защищаться или атаковать. Я не двигался тоже. И она не нанесла удара. Вместо этого попросила напряжённым голосом:

— Выключи.

Без возражений я нажал кнопку, изо всех сил стараясь, чтобы она не ощутила моих эмоций. Прав! Я оказался прав!

— Никогда больше так не делай, — сказала она, убирая на пояс свои мечи. — Что за дурь взбрела тебе в голову? Ты же не владеешь Силой, я могла тебя убить!

— Извини меня, пожалуйста, — опустив голову, произнёс я. — Я не придумал лучшего способа заставить тебя взять себя в руки.

— Ладно, проехали. Дай-ка.

Я протянул ей меч.

— Мне знакомо это оружие, — медленно произнесла Осока, осмотрев рукоять. — Откуда он у тебя?

— В Храме нашёл. Там же, где лежат все остальные.

— Надеюсь, ты понимаешь, что признался ещё в одном серьёзном правонарушении?

— Что ж, зачитай мне мои права, — развёл руками я.

— Идиот… — почти простонала она, воздевая глаза к небу. — Права – это когда в полиции. У арестованных

нами прав не бывает. Как и будущего… чаще всего, — Осока неожиданно сунула меч обратно мне в руки: — На. Убери подальше, чтобы никто не видел. Знаешь хоть, кому он принадлежал?

— Одной очень красивой женщине из одного очень влиятельного клана. Возможно, мне не стоило его брать…

— Не стоило бы – не взял бы, — перебила она. — Раз взял, значит, теперь это твоё оружие и твоя ответственность. Кто учил тебя пользоваться им?

— Сейчас не скажу, — я покачал головой. — Как-нибудь в другой раз.

— Поразительное нахальство! За последние пять минут я собиралась тебя наказать, потом зарубить, потом арестовать… и не сделала ни того, ни другого, ни третьего. Почему, интересно знать?

— Возможно, пообщаться захотелось? Ну, просто, по-людски, а не в камере допросов, — я пожал плечами. — Для разнообразия. В конце концов, либо одно, либо другое, либо третье ты всегда успеешь.

— Возможно, возможно. Между прочим, из-за тебя я опаздываю на важную встречу.

— Ну, так иди, раз встреча важная. Скажи мне только, когда и где мы увидимся в следующий раз.

— С чего ты вообще взял, что увидимся?? — вспыхнула она.

— Не знаю. Что-то в Силе, наверное, — сделал я невинные глаза.

— Вот только не надо воображать, что тебе всё позволено только потому, что ты чей-то брат и был знаком с Чучи!

— Ну, уж точно не поэтому, — вздохнул я. — Просто ситуация у меня отчаянная. И терять мне нечего.

— Даже собственную жизнь?

— На планете, где я родился, однажды сказаны такие слова:

От боя до боя ни долго,
Ни коротко, лишь бы не вспять.
А что нам терять, кроме долга?
Нам нечего больше терять.

И пусть на пространствах державы
Весь фронт наш – незримая пядь.
А что нам терять, кроме славы?
Нам нечего больше терять.

Пилотки и волосы серы,
Но выбилась белая прядь.
А что нам терять, кроме веры?
Нам нечего больше терять.

Звезда из некрашеной жести
Восходит над нами опять.
А что нам терять, кроме чести?
Нам нечего больше терять.

В короткую песню не верьте,
Нам вечная песня под стать.
Ведь что нам терять, кроме смерти?
Нам нечего больше терять.[1]

— Мне незнаком этот диалект, — сказала, помолчав, Осока, — но общий смысл я поняла. Когда-то я была в точно таком же положении.

— Знаю. Так когда и где?

— Девять вечера по Сенатскому меридиану, клуб «Иноземец», знаешь, где это?

— Его, по-моему, вся Галактика знает.

— Отлично. И не вздумай опоздать, уйду тотчас же.

С этими словами она развернулась и отправилась по своим ситским делам.

— Эй, — окликнул я. — Да пребудет с тобой Сила.

---

[1] Стихи Виктора Верстакова

Она не обернулась, только кивнула и подняла над плечом раскрытую ладонь. Лишь когда Осока скрылась за углом, я огляделся, пытаясь понять, где нахожусь. Раньше мне пару раз снилось, что я, будто бы, жил на Корусанте и неплохо ориентировался в Сенатском и соседних районах. Наяву, увы, это было не так. Ну-ка, где тут название улицы? На таких табличках, кроме собственно названия, всегда наносились координатные данные, цифрами и штрих-кодом. Отыскав указатель, не разрисованный любителями настенных росписей, я снова вызвал Падме.

— Ты, наконец, её потерял? — поинтересовалась кузина.

— Нет, почему? Поговорили, она пошла по своим делам.

— Та-ак… Давай-ка возвращайся на борт, расскажешь.

— Я, как раз, и собираюсь. Подсказывай. Нахожусь на нулевом подуровне, координаты… — я продиктовал цифры. — Как вернуться к линии «магнитки»?

— Не нужно никакой «магнитки». Я в полукилометре на север – северо-восток, нашла отличную прочную крышу. Иди в широтном направлении в плюс, скажу, где повернуть.

— Понял. Ты, значит, нас вела? А как?

— По базовым станциям комлинка, как же ещё? Некоторые наши коды доступа прекрасно работают и здесь, слава звёздам.

— Хакерша ты, а не королева. Зачем искать кого-то ещё, если ты сама всё умеешь?

Повернув на перекрёстке на север, я, наконец, отыскал нужный дом-монстр, поднялся на верхний этаж. Оставалось только вырезать мечом чердачный люк.

— И о чём же вы говорили? — спросила с порога Падме.

— О разном. Я толком не запомнил. Сначала я высказал, что думаю о ситах, потом она – о магистрах. Потом я угрожал ей мечом, а она мне арестом. Потом стихи ей прочёл…

— М-да-а…

— Да, а в конце напросился на свидание.

— Талант. Самородок! — Падме произнесла это таким тоном, как если бы сказала: «О, мсье знает толк в извращениях».

— У меня хорошая наследственность, сестра из простых школьниц в королевы выбилась, — парировал я. — Но это не главное, главное, я предположил и оказался прав! Тёмной стороной от неё и не пахнет. Представь, она на меня орала, казалось, разорвать готова была, а стоило обратиться к Силе – вдруг **успокоилась**! А ситы ведь, наоборот, используют негативные эмоции, верно?

— Верно. Сама имела возможность наблюдать, — печально кивнула она. Спросила: — Что собираешься делать дальше?

— По её методике. То есть, как пойдёт. Хорошо бы закрепить успех, но что-то планировать, когда замешана Осока Тано – напрасный труд.

— Кто бы спорил. В общем, поешь, а потом иди, выспись, и со свежими силами в бой.

5. Второе свидание

К дверям клуба «Иноземец» я подошёл без четверти девять. Расположение его я знал прекрасно: в прошлом году, во время вылазки на Корусант, мы собирались в соседнем заведении «Щёлкающий септоид». Тогда я видел клуб только издали, однако, из рассказов ребят знал, что и во времена Республики настоящих экзотических инопланетян здесь можно было встретить нечасто. В «Иноземце» тусила, преимущественно, «золотая молодёжь»

нескольких ближайших к человеку видов. Понятно, что при Империи с её хомоцентризмом ситуация почти не изменилась, ну, возможно, *хуманов* стало ещё меньше. Пока я ждал, ко мне дважды подкатывались хорошо одетые девицы, на вид и не скажешь, что проститутки. Выдавало поведение: ну, кто бы ещё мог обратиться к такому увальню, как я, «красавчик»? Подходил и вертлявый тип, то ли сутенёр, то ли клубный торговец наркотой, а, возможно, то и другое одновременно, спрашивал, не хочу ли я развлечься.

— Иди, иди, добрый человек, предложи кому-нибудь другому, — отмахнулся я. Тип ошибочно принял мою вежливость за проявление слабости и, отходя, грубо обругал меня вполголоса. И тебе всего хорошего, урод, подумал я.

— Ждёшь свою судьбу? — послышался ещё один голос.

— Надеюсь, что так, — ответил я, вежливо наклоняя голову. Передо мной стояла женщина, которую я неплохо знал раньше. Фиолетовая твилека Лунаэ'минкс, ровесница Осоки. Небольшого роста, пухленькая, если не сказать – толстушка, что среди женщин этой расы нечастое явление. В клуб она приходила не ради развлечения: благодаря связи с Силой у неё случались озарения, и Лунаэ сделала предсказания своей профессией. Она любила напускать на себя ореол таинственности, как и положено по роду занятий, однако, с теми, с кем общалась помимо работы, держалась запросто.

— Старайся не сомневаться в правильности своих поступков, — продолжала она. — Действуй интуитивно, и всё получится. А ко мне заходи в любое время, всегда буду рада. Такое чувство, что мы уже были знакомы когда-то. Или где-то…

— Возможно, в другой жизни, — ответил я. — Благодарю за совет, госпожа прорицательница.

Ровно за минуту до назначенного времени слева, там, где широкий балкон перед клубом пересекал пешеходный мостик, я увидел знакомые полосатые рожки. И поспешил навстречу. С улыбкой сказал:

— Привет… — и язык присох у меня к нёбу.

— Привет. Всё хорошо? — спросила она.

— Х-хорошо. Только мне немного плохо, — пробормотал я.

Осока улыбнулась, довольная эффектом. На ней было недлинное чёрное платье с очень оригинальной отделкой: за счёт полоски прозрачного материала казалось, что торс девушки обвивает красновато-коричневая в золотых блёстках змея. Полоса начиналась на плече, уходила за спину, вновь появлялась на груди, шла наискось под грудь, снова выныривала на талии, потом ещё раз пониже и на бедре изгибом вниз переходила в разрез. Левую руку Осоки полностью закрывал рукав, правое плечо было открыто, только от локтя начиналась перчатка без пальцев. По ней вилась такая же прозрачная полоска, только более узкая. Ноги тогруты переливались бликами полифиброна, почти бесцветного, но принимающего оттенок всего, что видно сквозь его нити, в данном случае – красновато-смуглой кожи. Обувь напоминала то, что на Земле называют ботильонами, на толстенной платформе и убийственной высоты шпильках, которые добавляли Осоке сантиметров пятнадцать роста. Это привело меня в окончательный восторг. Не потому, что «все мужики фетишисты», как заявили бы сейчас многие женщины, просто девушка, добровольно забравшаяся на такие каблуки, явно желает произвести впечатление. В данном случае – на меня. То есть, заинтересовать её мне, всё же, удалось!

— Выпьешь что-нибудь? — предложил я, кивая в направлении бара.

— Алкоголь не хочу, — покачала головой Осока. — Фруктовую смесь можно.

— Сейчас, — я протиснулся к стойке, обратил на себя внимание бармена и сделал заказ. Расплачиваться тут было принято сразу, это я знал от Падме и сразу выложил на стол крупную кредитку – разменять на дальнейший вечер. Осока попробовала то, что я ей принёс, и удивлённо приподняла бровь:

— Ещё один балл в твою копилку. Хотя, если ты знал Чучи, она могла тебе говорить. Присядем где-нибудь? Например, вот сюда, этим двоим уже явно хватит… — она подошла к одному из диванов, упёрла руки в боки и угрожающе наклонилась: — А ну, кыш отсюда! Идите, проспитесь!

М-да, это явно не моя Осока. Она вела себя, скорее, как…

— Слушай, у тебя, случайно, нет старшей подруги по имени Асаж? — поинтересовался я.

— Вентресс, что ли?? Ты с ума сошёл! Мы бы на второй день друг друга поубивали. А то и на первый. Правда, лорд Вейдер вначале пытался её разыскивать, планировал предложить работать на него, но она как в чёрную дыру провалилась.

— Жаль, — вздохнул я. — В сущности, она не так уж плоха.

— Безволосая Фурия??

— Ну, да. Ты не слышала, что с ней однажды случилось на планете Кварцит?

— Нет.

Я рассказал ей историю с похищением «петухами» невесты одного из предводителей расы *кейджей*.

— Однако… — протянула Осока. — Не удивлюсь, если Боба Фетт её нашёл и поквитался. Он подобных обид не забывает.

— В этом случае, ногами вперёд, скорее, вынесли бы его, — усмехнулся я. — И он, думаю, прекрасно это понимает.

— Ты очень высокого мнения об этой Вентресс. Ладно, что мы всё о ней, будто тем других нет! Расскажи лучше о себе, Принц-с-окраины-Галактики, — Осока закинула ногу на ногу, внимательно посмотрела на меня.

— Не знаю, что и рассказать. Ну, родился, учился, потом неожиданно узнал, что у меня сестра королева.

— Неожиданно?

— Абсолютно.

— В армии служил?

— Считай, что нет. Обязательный ценз офицера запаса.

— И не воевал, — скорее, констатировала, чем спросила, Осока. — А сейчас чем занимаешься?

— Считай, ничем. Безработный, фактически. Была у нас компания, а теперь нет. Всё, что у меня осталось – корабль, правда, очень хороший. Вот, думаю, может, податься в охотники за наградой?

— Попробовать всегда можно, главное – головой вертеть чаще, чтобы корабля не лишиться.

— Напарник нужен, вот что. Боец. Я-то в ближнем бою полный ноль.

— Меч, однако же, ты держал вполне уверенно.

— Тренировки. Дрался я им всего два раза в жизни, и противники были средненькие.

— Полагаю, ты оба раза победил, раз руки-ноги целы, — улыбнулась она. — Значит, всё не так уж плохо.

— Может, ты согласилась бы меня немного потренировать? — забросил я пробный шар.

— Соображаешь, о чём просишь? — нахмурилась Осока, но вдруг глаза её озорно блеснули: — Впрочем, возможно, ты обратился по адресу. Люблю нарушать запреты. Подумаю.

Я отметил про себя её реакцию и счёл за благо перевести разговор на более безопасную тему. Какое-то время мы мило беседовали, будто сидели в самом

обыкновенном кафе на Земле. Рассказывали друг другу какие-то истории из жизни, шутили. В клубе было довольно шумно. Недалеко от нас на стенах размещались голографические экраны, на них велась трансляция всевозможных спортивных состязаний. Болельщики комментировали происходящее громкими возгласами и аплодисментами, тут же суетились букмекеры, «на коленке» принимая ставки. Чтобы не повышать голоса, Осока придвинулась ко мне ближе. Мне нестерпимо хотелось до неё дотронуться, приходилось напоминать себе: это не она, мы знакомы всего несколько часов, и вообще, она сит… То есть, конечно, не сит в строгом понимании этого слова, однако, она служила у Вейдера, и даже не в Инквизиции, а в личной канцелярии. Рука Тёмного Лорда, та, кого в прошлой жизни она однажды изображала, спасая из тюрьмы свою мать. Горькая ирония судьбы! Изменился у неё и характер. Эта Осока была более властной, резкой, заносчивой. Достаточно послушать, как пренебрежительно она отзывалась о своих теперешних знакомых: сплошь бездари, неумёхи, лентяи, дуры… В то же самое время в ней появилась некая «светскость», игривое дамское кокетство, прежней Осоке совсем не свойственное. Вот это, пожалуй, было неплохо: умение «стрелять глазками» не портило ещё ни одну женщину. И всё же, всё же… Сквозь пелену новых черт я узнавал её, Осоку Тано, ту самую девушку, которую любил. Это давало некоторую надежду. Пока шансов у меня было, прямо скажем, немного. Я отчётливо понимал, что представляю для неё некий интерес, скорее всего – только как родственник Падме. Ну, возможно, ещё из-за проявленной дерзости и напора да подозрительной осведомлённости в некоторых вопросах. Точно. Вот и вопрос, который её интересует, заданный превосходно разыгранным небрежным тоном:

— Скажи, Алекс, а откуда ты знаешь насчёт Вейдера?

— Что именно? — прикинулся я дурачком.

— Кто он есть.

— Ах, это… Несколько лет назад, кажется, в девяносто втором, повстречал нескольких отставных клонов из Пятьсот Первого легиона, они и рассказали.

— Понятно, — кивнула Осока. — К слову, клоны не уходят в отставку, это, должно быть, были дезертиры.

— Таких тонкостей я не знаю.

— Ты, вот что, не распространяйся особенно о Вейдере, — предупредила она. — За такое могут запросто арестовать. Я бы точно арестовала, не будь ты братом кое-кого.

— Спасибо за честность. На самом деле, я за всё это время тебе первой и обмолвился. И то в сердцах.

— *Obmolvilsa. V sercah*… — повторила она. — Интересные слова. Такой ёмкий смысл… Запомню. Ой, извини, у меня вызов.

Осока извлекла из сумочки миниатюрный голопроектор, повернула левую руку ладонью вверх. На рукаве выше запястья обнаружилась закруглённая пластина комлинка. Она нажала сенсор. Проектор высветил крохотную фигурку в чёрном мундире.

— Госпожа, докладываю, как Вы приказали, — отрапортовал военный. — Двадцать минут назад засечён корабль, зарегистрированный на лицо восемь дробь три. Покинул систему Корусант в направлении…

— Принято, — она выключила комлинк. — Ну, вот, так всегда. Придётся прервать наш вечер.

— Опасный бунтовщик? — поинтересовался я.

— Обычный казнокрад, правда, из крупных, — говоря это, Осока уже двигалась к выходу, лавируя между посетителями так ловко, что я едва за ней поспевал. — Проклятье! Ненавижу ждать и догонять.

— А обгонять любишь?

— Что? — она остановилась на выходе. — Не поняла.

— Обгонять, спрашиваю, любишь? У меня очень хороший корабль. Мы могли бы опередить этого 8/3 в гиперпространстве и встретить с распростёртыми объятиями.

— У него тоже неплохой корабль, быстрый.

— Между «неплохой» и «очень хороший» иногда целая пропасть.

— Философ, тоже мне! Летим! Где он стоит, твой «очень хороший»? — она перемахнула через борт небольшого спидера, припаркованного среди других у края балкона.

— Башню «ЛиМердж» в Заводском районе знаешь? — я уселся рядом, пристегнулся, хорошо зная, как «аккуратно» она водит летающие машины.

— Алекс, ты ещё больший наглец, чем я думала! — в голосе её прозвучали нотки восхищения.

— А что, а что? — сделал я невинное лицо. — Место тихое, стоянка бесплатная, а у меня как раз средства на исходе.

Спидер мчался на максимальной скорости сквозь лабиринт небоскрёбов Фобоси.

— Всё же, почему ты решил мне помочь? — спросила Осока. — Ты ведь не жалуешь ситов, я вижу.

— Друг моей сестры – и мой друг тоже, — просто ответил я.

— Друг… — повторила она дрогнувшим голосом. — Да она бы прокляла меня, если бы увидела сейчас!

— Нет, неправда. Огорчилась – да, прокляла – нет. Она и сама приняла немало решений, которые одобряли далеко не все.

— Хотелось бы верить, — грустно сказала Осока. — Впрочем, кому, как не тебе об этом судить, ты знал её с детства, так ведь?

«Лишь во сне», — едва не ляпнул я. Вместо этого сказал: — Не совсем. Я, кажется, говорил уже. Какое-то

время мы даже не подозревали о существовании друг друга. И во время войны практически не общались.

— Это я догадалась. Иначе ты и я были бы, как минимум, знакомы.

Я подавил вздох: кому-кому, а уж мне было хорошо известно, **как** это могло быть![1] Не говоря уже обо всём остальном. Сейчас она увидит корабль…

Глаза у Осоки расширились от изумления.

— Тип «Мгла»?? — ахнула она. — Ничего себе живёт нынче коммерция! Их во флоте-то пока дефицит, а у какой-то фирмы – пожалуйста.

— Так она не серийная, прототип. Флот бы её всё равно не взял. Таких построено всего две. «Буран» Райта Сиенского и… моя «Амидала».

— О… — имя произвело на неё впечатление. — Ты так и назвал?

— Ну, да, — сказал я. Знала бы ты, Осока Тано, что **сама** это предложила на заброшенной станции «Эксис»!

— И башенки от «сотки». Хм. Чем, ты говорил, занималась ваша фирма?

— Я ещё не говорил. Частной охраной.

— А, ну, тогда многоцелевой штурмовик, конечно, оправдан, — в голосе Осоки прозвучала лёгкая ирония.

— Мы особенно не выбирали, знаешь ли. Брали то, что могли достать. «Амидала» – единственный наш боевой корабль такого класса. Ещё было несколько ракетоносцев «иртега 4400», а остальное – обычные грузовые «тарелки», «Барлозы» и один «Херст VI».

— О, а ты говоришь «один». Вооружили хоть нормально?

— Где там! При вашей замечательной власти хороший обвес разве купишь? Проходи, добро пожаловать на борт.

---

[1] «Сны о Республике»

Она поднялась по пандусу, с любопытством разглядывая убранство коридоров, лифта… При нормальном освещении я обнаружил, что ткань Осокиного платья, оказывается, не совсем чёрная, а, скорее, тёмно-фиолетовая.

— Какой план полёта? — спросил я

— Я думала, план есть у тебя, — Осока покосилась на меня через плечо синим глазом. — Ты же предложил.

— Хорошо. С учётом того, что мы быстрее…

— Не быстрее, — мотнула головой Осока. — У него перестроенный республиканский малый охотник, тот же класс 0.7, что и у «Мглы».

— Мы не простая «Мгла», — поправил я. — У нас меньше 0.5.

— Да? А станция связи здесь штатная?

— Даже лучше.

— Тогда всё просто. Дай-ка мне внешнюю связь…

Через ретранслятор «Амидалы» она вызвала уже знакомого мне офицера – на большом голопроекторе можно было разглядеть, что он носит планку коммодора – и распорядилась отслеживать перемещения беглеца, незамедлительно транслируя результаты на заданной гиперволне. Так мы могли лететь точно по следу, когда же обгоним, двигаться короткими прыжками, устраивая засады в возможных конечных пунктах.

— Надеюсь, нам потребуется меньше пятнадцати прыжков, — заметил я, направляя «Амидалу» в зенит. — На большее топлива не хватит.

— Вызовем заправщик, в крайнем случае, — беспечно махнула рукой Осока, усаживаясь в правое кресло на подиуме. — А после поимки мистера Баки зальём тебе полные цистерны на ближайшей базе.

— Бака – это имя беглеца?

— Фамилия. Полностью – Френц Бака, заместитель имперского министра. Почему ты спросил?

— На одном из языков «бака» означает «придурок».

— Любому имени можно подобрать смысл на каком-нибудь языке, — без тени улыбки отозвалась она. — Моему, наверное, тоже.

— Ну, твоё имя, скорее всего, означает растение. Речная трава, мягкая и сочная, а тронешь за края – порежешься до крови.

— А что, мне нравится, — теперь Осока улыбнулась. — Буду знать. Но Френц Бака отнюдь не придурок, он умён и хитёр.

— Ты его просчитаешь, — уверенно ответил я. — С тобой Сила.

Она посмотрела на меня долгим взглядом. Сказала:

— Приятно, когда в тебя так верят…

— Разве твой учитель не верит в тебя? И твои… — я чуть было не сказал «дружки», но вовремя поправился: — сослуживцы?

— Сослуживцы завидуют чужим успехам и радуются неудачам. Так у нас заведено. Всегда готовы подставить ногу, так у вас говорят, кажется? А Повелитель… Он, конечно, меня ценит, заботится. Постольку поскольку я эффективный инструмент исполнения его замыслов. Самому всю Галактику не проконтролировать. Но он всегда держит в уме вероятность того, что я не справлюсь, и придётся меня заменить. Элементарный прагматизм.

— М-да, не хотел бы я работать среди такого коллектива… и с таким начальником, извини, конечно.

— Всё лучше, чем быть совершенно одной. И потом, для *фосера* сейчас не так уж много возможностей устроиться. Либо Имперская канцелярия, либо ведомство Вейдера, либо бегать и прятаться.

— Тоже аргумент, — согласился я. В той, прежней жизни император Палпатин приказал уничтожить Осоку сразу по возвращении из Неизвестных территорий. Здесь, по всей видимости, не случилась сама эта экспедиция, и

Вейдер разыскал тогруту раньше, лишив шефа возможности с ней расправиться под благовидным предлогом.

6. Охота на казнокрада

Погоня в гиперпространстве – занятие вовсе не увлекательное, не в пример гонкам в обычном космосе. Белая муть за стёклами блистера, и никакой информации о преследуемом, пока имперские посты контроля не засекут его выход на досвет в какой-нибудь системе. Зато мы с Осокой вновь оказались вдвоём на корабле, почти как тогда, на Льянском пути. Да что почти, временами ситуация напоминала те дни один в один. Осока заново знакомилась со мной, я был ей интересен, пока что. Я понимал, что ожидать от неё – **такой** неё – симпатии или дружеских чувств глупо. По крайней мере, так скоро. Рассчитывать сейчас можно было только на любопытство и, как бы это назвать, комфортность общения, что ли. Ситы ведь эгоисты, собственные эмоции у них всегда на первом месте. К счастью, у меня в рукаве имелись два роскошных туза: я знал всё или почти всё о её прошлом и очень многое о характере, привычках, вкусах. Кое-что изменилось, но не так уж сильно. Помогала мне и Падме, оставаясь невидимой и неслышимой для гостьи. Осоку сильно впечатлил накрытый в гостиной обед из её самых любимых блюд. Наверное, пользоваться подобным преимуществом против бедной беззащитной девушки нехорошо, только… кто это здесь беззащитная? Она при желании могла уничтожить меня одним щелчком, как муху. В глубине души мне было страшно с ней спорить, очень страшно. А что делать? Раз приняв подобную линию поведения, следовало её придерживаться, тем более, что она принесла успех. Осока не отказалась со мной встретиться, что уже было немало…

— Ты думаешь о ком-то, о ком тебе больно вспоминать, — заметила вдруг Осока. Ох. Наивно было рассчитывать, что она не почует мои эмоции.

— Ну… да, — не стал отрицать я.

— Она умерла?

— Возможно, да, возможно, нет. Не хочу обсуждать.

— Тогда забудь. К чему тратить силы на пустые рефлексии? Этим ты только выводишь себя из формы.

— Что же, по-твоему, вообще ничего не помнить и не чувствовать?

— То, что не можешь вспоминать с лёгкостью, следует отбросить, — уверенно сказала она. — Иначе только увязнешь в самокопаниях. А её ты этим не вернёшь.

— Одним этим – нет. Но приложу все усилия и найду способ. Именно потому, что не могу вспоминать о ней так… — я покрутил пальцами в воздухе, — легко.

— Упрямец.

— Кто бы говорил!

— Да, у меня тоже это есть, — кивнула она. — Поэтому желаю тебе справиться.

Сигнал даталинка привлёк наше внимание. Служба слежения прислала информацию. Корабль Френца Баки вынырнул в системе Центарес, провёл коррекцию и ушёл на путь Триллус.

— Тривиально, — констатировала Осока. — Хочет затеряться в пространстве хаттов.

— Или наталкивает нас на такие рассуждения. А сам возьмёт и из района Сай Мирта повернёт на Мёрхану и Тионский кластер.

— Там нет проверенных путей… хотя, кого это останавливало? Вполне, вполне. На какое время он нас опережает?

— Час или около того, — назвал я завышенную цифру. В этот момент на куполе блистера прямо за головой моей визави возникла светящаяся надпись:

Можем срезать по местному без выхода. Абьин, Ганзик.

«Спасибо, сестрёнка», — улыбнулся я про себя. Вызвал на малый проектор карту сектора, отыскал нужные звёзды, показал Осоке: — Есть идея. Вот тут, от Абьина, идёт местная трасса на Ганзик, на неё можно скорректироваться, не выходя на досвет. Сэкономим время.

— Бывал здесь? Что ж, действуй. Главное не влететь в аномалию или тень пылевого облака.

Поскольку в гиперпространстве не существует «нормальных» трёх измерений, поворот здесь – не просто «право на борт», а весьма сложная операция, требующая тонких манипуляций мощностью и фазами инверторов гиперпривода. Откровенно говоря, без Падме я бы на такое не отважился, по мне проще выскочить в нормальные измерения и пожертвовать двумя тоннами энергоносителя на новый вход, уже в правильном направлении. Кузине, наоборот, нравились такие манёвры, как и ювелирные выныривания в заданной точке, да и странно было бы, если бы она, будучи кораблём, боялась летать. Сама Падме описывала это как стремительный подводный заплыв сквозь быстрое течение, намного приятнее, чем «купание» в затхлой атмосфере какой-нибудь планеты. Пока она производила вторую коррекцию, переходя с местной трассы на Триллусский путь, я подсчитал время. Прошу меня извинить, а ведь мы его обгоняем!

— Где выходим? На Сай Мирт? — спросил я.

— Подожди-подожди… — вяло помахала рукой Осока, глаза её были прикрыты, тело расслаблено в кресле. Я затаил дыхание, чтобы не мешать ей советоваться с Силой. Наконец, она глубоко вздохнула и произнесла: — Чад! Выйти надо в системе Чад. Ты был прав, он держит путь на Мёрхану.

— Не долетит, — сказал я.

В системе Чад, той самой, откуда происходил похожий на летучих мышей разумный вид *чадра-фэн*, я незаметно для Осоки включил маскировку и запустил на пульте обратный отсчёт. Сорок три минуты с секундами.

— Мне почему-то кажется, что класс твоего гиперпривода не 0.5, а ближе к 0.4, — заметила Осока.

— Никому не рассказывай, хорошо?

— Ну, раз ты просишь… — отозвалась она и заговорила о другом.

Силуэт малого охотника, напоминающий перевёрнутое корыто с тремя цилиндрами досветовых двигателей на «ласточкином хвосте» кормового кронштейна возник из гипера на четыре минуты позже расчётного времени: должно быть, при коррекции мистер Бака замешкался с повторным прыжком.

— Не упусти! — предупредила Осока. Я только фыркнул: интегральная рукоять управления двигателями уже была на переднем упоре, стебельки плазменных двигателей сами сдвинулись следом. Ускорение в три с половиной тысячи единиц, максимальное на такой заправке. Расстояние стремительно сокращалось. Сенсоры беглого чиновника засекли наш ионный след, он развернулся и тоже дал форсаж. Насколько я помнил, генератор охотника заряжал накопители для прыжка примерно за шесть минут. Работа досветовых двигателей увеличивала это время… как и включённые Френцем Бакой дефлекторные щиты.

— Живьём? — спросил я.

— Желательно.

— Тогда ракетами не будем, шкурку можно попортить.

С десяти тысяч метров я открыл огонь из крыльевых установок. В электронно-оптическом увеличении было видно, как вспыхивает радужными бликами защитное поле от ударов плазмы и искрит при попадании из ионных

пушек. В обычных боестолкновениях мы редко пользовались «ионками», разрушая щиты при помощи ракет и добивая плазмопушками, сейчас – требовалась некоторая осторожность. Когда щит лопнул, я аккуратно вывел из строя сначала гиперпривод – его местонахождение на этом типе корабля мне было известно точно – потом один за другим досветовые двигатели. Осока дважды щёлкнула кнопкой управления комлинка:

— Сдавайтесь, Френц Бака!

— Чтобы быть казнённым? — долетел в ответ нервный тенор. — Лучше добивайте сразу, **мадам**.

— Не дурите, Френц! Вы же знаете, что можете избежать казни. Вернёте украденное – останетесь живы.

— И подохну на рудниках Безнадёги? Какая добрая ситская женщина!

— Стыкуйся с ним, — велела Осока уже мне. Я дал тягу, разворачивая «Амидалу» таким образом, чтобы подойти к посудине Баки «валетом», только так её можно было схватить всеми лапами. Беглец попытался вывернуться, давая импульсы уцелевшими двигателями ориентации, но наш корабль, хоть и превышал охотник размерами и массой, был способен на гораздо более быстрые эволюции.

«Внимание! Генератор объекта выведен на критический режим!» — загорелась надпись на центральной секции пульта.

— Быстрее! — Осока сбросила ботильоны, извлекла из сумочки мечи и тонкий металлический поясок, застегнула на талии. — Вернусь на борт – немедленно уходи на полной тяге!

— Такая же чумовая, как и раньше, — вздохнула Падме, когда дверь рубки сомкнулась за тогрутой. — Штурмовать корабль босиком…

— Лишнее свидетельство того, что изменилась она не так уж сильно, — я придавил кнопку на ручке управления

двигателем, заставляя систему стабилизации уравнять нашу скорость с кораблём беглеца, зажал ориентацию, плавно и быстро двинул «Амидалу» вправо, затем вниз. Сухой стук двенадцати замков передался по корпусу.

— Молодец. Я ахнуть не успела, — улыбнулась голограмма.

— И зайца можно научить курить. Успеем?

— Судя по фону генератора, у нас не больше двух минут.

В окне голокамеры хвостового отсека я увидел, как в «стакан» нижнего шлюза из стыковочного узла, как пробка из бутылки, вылетел мужчина в светлом сюртуке и брюках в крапинку. Следом впрыгнула Осока. Она потянулась к панели интеркома, я, не дожидаясь сигнала, перекрыл диафрагму люка и расцепил замки. Фонтан ударившего из люка воздуха оттолкнул корабли друг от друга, а спустя секунду малый охотник остался далеко за нашей кормой. Вовремя. Выведенный на «прыжковый» режим генератор начал плавиться и взорвался, оставив от охотника облако обломков причудливой конфигурации.

— Ты просто молния! — сказал я в интерком.

— Ага, спасибо, — откликнулась Осока, глядя прямо в глазок объектива. — Этого где можно запереть?

— Подними его на центральную палубу и посади в каюту налево.

— Ну, вот так, примерно, и приходится работать, — сказала она, входя в рубку. — Включи дальнюю связь, будь добр. Я доложу начальству.

Я наблюдал, как она становится в фокус передатчика напротив большого голопроектора, преклоняет колено перед возникшей над линзой зловещей чёрной фигурой в шлеме.

— Задание выполнено, Повелитель.

— Ты справилась, — прогудел в ответ Вейдер. Видимо, это у него означало похвалу. Продолжил: —

Беглеца сдай на ближайшую базу флота, пусть доставят ко мне **срочно**.

— Да, Повелитель.

— Сама отправляйся на Бонадан, по прибытии свяжись со мной, — распорядился Вейдер. И внезапно спросил: — На чём ты летела?

— Наняла частника, Повелитель. Подвернулся быстрый корабль.

— Если нравится корабль – забирай его себе. От частника избавься удобным тебе способом.

— Да, Повелитель.

Чёрная фигура исчезла. Я смотрел на Осоку. Она выпрямилась, повернула голову, наши взгляды встретились. Пауза. Потом она махнула рукой:

— Ой, слушай его больше! Он же сит.

— А ты – его ученица, — сказал я.

— Никакая я не ученица!! Наши наставнические отношения закончились ещё в Храме, когда меня выкинули под зад коленом! И вообще, ему нельзя иметь учеников, пока он сам ученик Императора. Правило Дарта Бэйна.

— Вот именно, что пока. Когда он прикончит Старого Лиса, ему потребуется собственная ученица. А кандидатура – под рукой. Так какой способ более удобен для Вас, Госпожа? Отправите на Кессель или проявите милосердие и придушите прямо здесь?

— Дурак!! — выкрикнула она и почти бегом покинула рубочный зал.

— Ещё один хороший признак, — тихо произнёс я. — Не выполнила прямой приказ хозяина.

— А ты не был уверен в этом, — заметила Падме, возникая рядом. — Ты испугался, я чувствую.

— Чувствует она! — фыркнул я. — Ещё одна домашняя джедайка выискалась на мою голову.

— Я, на минуточку, порождение Силы. А с тобой мы родственники, к тому же. Что, скажешь, не испугался?

— Ну, да, да! Ещё бы нет, она здесь почти пятнадцать лет ему служит! Запросто могла и подчиниться.

— На самом деле, с формальной точки зрения, прямого приказа не было, — заметила юридически образованная Падме. — Вейдер оставил ей лазейку. Всегда можно сказать, что корабль не очень-то и понравился.

— Пусть так, — кивнул я. — Но решение, всё же, приняла она. Где она там, что делает?

— В каюте, дуется.

— Ага, — как Вовка в тридевятом царстве, сказал я. Подошёл к двери каюты, сенсор на ней горел жёлтым. Заперто. Осока, разумеется, не знала, что на моё-то нажатие дверь откроется всё равно, как её ни запирай. Я поднёс палец… и нажал соседний сенсор, звонка.

— Что? — донеслось из репродуктора.

— Госпожа. К какой базе держим курс?

— Васкиро.

— Да, Госпожа, — я убрал с сенсора палец, повернулся и двинулся в сторону рубки.

Сзади прошуршала открываемая дверь.

— Почему ты постоянно пытаешься меня уколоть, поддеть? — сердито спросила Осока.

— Не знаю, — оборачиваясь, пожал я плечами. — Может, потому, что ты мне непараллельна? Меня бесит, что такая замечательная девушка служит этим…

— Бесит? — не дала мне закончить Осока. — В таком случае, тебе прямая дорога к нам.

— Ну, не бесит, огорчает до такой степени, что выводит из равновесия, — поправился я. — Ты-то тоже к словам не цепляйся.

— В подобных материях терминология очень важна. Словами «гнев» и «бешенство» бросаться не следует.

— Твоя правда, — согласился я. И, повинуясь внезапному порыву, протянул ей руку, не для пожатия, а ладонью вверх: — Мир?

— Мир! — она хлопнула легонько по подставленной ладони. Войдя в рубку, взглянула в блистер и удивлённо покосилась на меня: — Мы уже в гиперпространстве?

Ох уж мне эти самостоятельные корабли и сестрицы-голограммы! Не могла повременить с прыжком! Нужно было как-то выкручиваться.

— Можно подумать, здесь ближайших баз мильон, — небрежно произнёс я. — Столица сектора от нас гораздо дальше.

— Зачем же спрашивал??

— Мало ли… — выдержав взгляд серо-голубых глаз, я добавил, словно капитулируя: — Откровенно говоря, надеялся как-то прекратить нашу размолвку.

— Тебе удалось, — она взошла на подиум, опустилась в правое кресло. — Сделай мне каф. И покажи, как добраться до функции видеонаблюдения. Пожалуйста.

— Видеонаблюдение у нас вот здесь, — показал я курсором, про себя отметив, что пункты «Апартаменты 1» и «Апартаменты 2» Падме из списка убрала заблаговременно. Спустившись вниз, я сунулся было в служебную комнату правого борта, где располагались санузел, умывальник и вход в одну из спасательных капсул, намереваясь готовить напиток, но оказалось, что в этом нет необходимости. Вездесущая кузина сунула мне в руки поднос-лоток с двумя дымящимися чашками, одними губами произнесла: «Иди, иди» и растаяла.

— Так быстро? — удивилась Осока. Вдохнула аромат, попробовала и пришла в ещё большее удивление: — Что за чудо?

Я только улыбнулся. Настоящий кофе, в том числе, растворимый, у жителей освоенной Галактики всегда вызывает такую реакцию. Тот «Ячменный колос»,[1] что

[1] В советское время так называлось не только пиво, но и кофезаменитель

здесь называют *каф*, только пахнет похоже, а вкусом отличается разительно.

— Что поделывает арестованный? — спросил я.

— Завалился на койку в сапогах, как последний уголовник. А ещё замминистра!

Падме, наверняка, была возмущена поведением пленника – она за меньшие прегрешения, бывало, читала нам нотации – а поделать с мерзавцем не могла ничего. То есть, это я так полагал. Минуты летели, казнокрад уснул, а мы с Осокой увлеклись философским разговором.

— Ты снова рассуждаешь о вещах, о которых мало что знаешь! — горячилась тогрута. — Или понимаешь абсолютно неверно.

— Так объясни мне, — попросил я. — Подоходчивее.

— Попытаюсь. Вот ты говоришь о Силе, как о чём-то почти одушевлённом. Добро, зло… Оно существует для нас, личностей, а для Силы эти понятия неприменимы. Это стихия, она – как… огонь. Помню, в детстве, ещё до Храма, мать пела мне одну древнюю балладу:

Из заоблачных высей и трещин глубоких,
Из разверзшихся гор приходили к вам боги.
Было с неба на землю похищено пламя,
Но до этого долго я жил под ногами.

Я – огонь, я огонь, но среди пустоты,
Это я, это я – свет далёкой звезды.

Разрывая хребты, что стояли веками,
Бьёт стеною о стены подземное пламя.
Но костры, что в ночи собирали вас вместе,
Выводили из мрачных пещер на поверхность.

Словно сердце, пылает в пурпурных глубинах
Пламя светлых алмазов и тёмных рубинов.
Но подгорные гномы у жарких печей
Красоту их вплавляют в рукояти мечей.

Затянула полнеба гарь лесного пожара,
И застывшая лава под ногами дрожала.
Но свечою горит моё пламя в оконце,
И огромным костром поднимается солнце.

Я – огонь, я огонь, но среди пустоты,
Это я, это я – свет далёкой звезды.[1]

Она помолчала и добавила:

— Вот и спрашивается…

— Я понял. Теперь понял. Очень образно. Кстати, не знал, что у профессора Ирис есть и музыкальный талант.

— Есть, в отличие от меня. Погоди, а ты и её знал?

— Совсем немного. Злишься на неё? — зная ответ, который дала на этот вопрос другая, прежняя Осока, я специально задал его.

— За что? — сказала она. — Мать продукт своей эпохи, она считала, что Орден для меня – благо. Может быть, и к лучшему, что я не пошла по её стопам. Она, похоже, готовила меня к научной карьере.

— Почему ты так думаешь?

— К четырём годам я знала арифметику, три языка и три алфавита, ничего так? — усмехнулась она. — Пло Кун буквально выпал в осадок, когда меня тестировал. В Ордене мне это здорово помогло. Между прочим, твой язык я стала учить именно потому, что знала Храмовый, довольно много общего.

— Он не совсем мой, я тебе уже говорил.

— Правильно, правильно, стандартом считается то, как говорят на Бреге, Батаеве и Ильмене, а на других планетах свои диалекты. Странно, столько раз бывала у вас на Набу и ни разу не слышала, чтобы на нём говорили.

— Так я же не набуанец, — улыбнулся я. — И мама Падме тоже.

---

[1] Стихи Светланы Никифоровой

— А откуда вы? Какой сектор?

— Это вне секторов, далеко за Илумом.

— В пространстве *чиссов*, что ли?

— Да, примерно тот район. Ха-ха, погляди на своего арестанта!

— А? Что? — она оглянулась на окно голокамеры, отображаемое на одной из секций экран-пульта и тоже засмеялась, увидев поднимающегося с пола Баку: — Ну, звёзды наказали за *гаморрство*!

— Не иначе, — поддакнул я, хотя сам-то краем глаза успел увидеть, как арестант на секунду воспарил над койкой. Падме, всё же, нашла способ: дождавшись, пока наша спутница отвлеклась, отключила гравитацию в каюте, а когда упругие силы подняли мистера Баку в воздух, снова подала напряжение на линии искусственного тяготения. И он, упав на край койки, грохнулся вниз. Выражение лица арестанта было какое-то… странное. Присев на койку, он неожиданно принялся стаскивать обувь. И лишь после этого осторожно лёг снова. Интересно. Возможно, он услышал голос во сне? Ну, сестрица, ну, хитрунья!

7. Фальшивый командир

Орбитальная станция, в очертаниях которой без труда можно было угадать перестроенный старый звездолёт, встретила нас образцовым порядком, чистотой и тишиной. В огромном, как грот, ангаре, где сорокапятиметровая «Амидала» терялась, словно одинокая легковушка на пустынной стоянке закрытого торгового центра, было намного меньше кораблей, чем он мог вместить. Висели на своих кронштейнах стандартные имперские истребители в количестве одной эскадрильи, с дальней стороны от них выстроились «лесенкой» четыре «скипрэя», да совсем вдалеке, у стены, стояли два

небольших кореллианских грузовика, там происходило какое-то движение. Я не стал разворачивать корабль кормой, посадил как есть, потому что от дверей, ведущих внутрь станции, к нам спешил, поправляя ремень, флотский офицер высокого ранга. Его сопровождали молодой лейтенант и некто в шлеме и тактическом жилете поверх комбинезона. У этого человека была бледная, почти серая кожа, живо напомнившая мне Асаж Вентресс, узкое скуластое лицо и внимательные тёмные глаза под густой чёлкой чёрных волос почти до самых бровей.

— Заместитель начальника терминала гранд-капитан Вугол! — отрекомендовался старший чистым, почти оперным тенором. Представил и загадочного спутника: — Агент Фартман, разведывательная служба. Мы к Вашим услугам, леди.

— Хорошо, — ответила Осока. — У меня заключённый, требуется доставить его на Корусант. Когда уходит очередной транспорт с минералами?

— Гражданские рудовозы отправляются каждые два часа, но прямо с планеты. Транспорт со стратегическим сырьём должен стартовать по графику… через шесть часов одиннадцать минут.

— Им и воспользуемся.

— Прошу в офис, оформим акт передачи. Сал! — Вугол покосился на лейтенанта. — Конвоиров для арестованного!

Четверо штурмовиков, гремя бронёй, рысью подбежали к нам, будто ждали команды прямо у дверей. Взяли Френца Баку в коробочку и во главе с Салом двинулись вперёд, в коридор.

— Бывали раньше у нас? — осведомился гранд.

— Не приходилось, — сказала Осока.

— Ничего не потеряли. Рудничная планета, маленькая станция, сплошная рутина. Ничего не происходит месяцами.

— Совсем ничего? — переспросила тогрута.

— Ах, вы о тех двух грузовиках, мэм? Отправляем вниз оборудование для устройства новых застав. Территория рудников постоянно меняется по причине выработки пластов, приходится сдвигать периметр охраны.

Он стал разглагольствовать о бандах, состоящих из нищебродов и тунеядцев, о воровстве в жилых блоках в рабочее время и хищениях оборудования из карьеров в нерабочее, как банду пытаешься схватить за хвост, а она растворяется, планета велика, всю не прочешешь. Осока слушала многословные излияния, кивала, но я заметил, что она забеспокоилась. Мне ли не знать этот прищур глаз и непроизвольное движение пальцев, будто она собирается сжать кулак и никак не может решить, нужно это делать или нет.

— Подождите, капитан, — Осока отмахнулась от Вугола и резко остановилась. — Совсем забыла! Пилот, — она повернулась ко мне и продолжала всё так же на базик, максимально деловым тоном: — Вам вовсе не обязательно идти с нами. Контракт Ваш завершён, Вы можете следовать прежним курсом.

Я опешил. На мгновение. Потому что глаза Осоки быстрым движением указали: уходи! немедленно! Увы, было слишком поздно.

— Последует. Обязательно, — произнёс гранд. В руке его появился миниатюрный бластер, простовато-добродушное выражение на лице сменилось глумливой ухмылкой: — Только придётся делать это пешком.

Дальнейшие события произошли за считанные секунды, гораздо быстрее, чем можно их описать словами. Пока Осока говорила, Вугол успел сделать целых четыре шага, оказавшись вне непосредственной досягаемости её мечей. Видимо, поэтому он так и ухмылялся, наивный чукотский юноша. Фартман, наоборот, с последним словом

шефа вдруг очутился рядом со мной. Я осознал это лишь тогда, когда он выдернул у меня из кобуры мореллийский пистолет и тем же скользящим движением опытного единоборца отступил, взяв меня на прицел бластера. В следующее мгновение один из штурмовиков умелым ударом рукояти бластера оглушил Френца Баку, тот рухнул на пол, не успев до конца оглянуться на странную фразу гранд-капитана. Одновременно под ноги нам с Осокой полетел круглый предмет. Шоковая граната! Тогрута отреагировала молниеносно. Лёгкий взмах кисти, и граната, расколов панель облицовки, исчезла в кабельном стояке. А что это за лязг? Краем глаза я увидел, как из рукавов лейтенанта Сала выскочили два тонких тросика с захватами на конце и сорвали с пояса Осоки мечи. Граната была всего лишь отвлекающим манёвром, чтобы сконцентрировать внимание тогруты на очевидной угрозе и не дать помешать Салу выполнить свой цирковой трюк. Вот вы на что рассчитывали, запоздало понял я.

Шесть бластерных стволов смотрели на нас с расстояния трёх-пяти метров. А сзади послышался топот многих ног: приближалась подмога.

— Что, сучка ситская? — почти без паузы издевательски продолжал Вугол. — Может, попробуешь отразить плазму голыми руками?

— Э, э, ребята! — сказал я, поднимая повыше руки. — Если у вас счёты с ней, какие претензии ко мне?

— Помолчи, коммерс! Ты подписал себе приговор, когда согласился её везти. Да и корабль у тебя хороший…

— То есть, вы просто хаттовы бандюки? — я сделал полшага назад, к Осоке. Дотянется? Должна!

— Зачем сквернословишь перед смертью? — покачал головой Вугол. И щёлкнул пальцами, разрешая открыть огонь.

Время растянулось, как вязкий кисель. Спица синего огня описала сложную траекторию, отбив четыре

выстрела. Два из них угодили в цель – в лицо Вуголу и в колено фальшивому штурмовику. Второй взмах, падает ещё один человек в белой броне и разрубленный наискось липовый лейтенант, отскакивает назад и в сторону ловкий, как мангуст, Фартман. И тут же – болезненный вскрик. Это Осока попыталась выдернуть из мёртвой руки «лейтенанта» свои мечи, а её ударило разрядом: рукоятки оказались схвачены вместе чем-то вроде браслета. Ну, да, браслет от силовых наручников! Не зря «циркач» был в перчатках из такой щегольской блестящей ткани. Не делая больше попыток вернуть себе оружие, тогрута отбила ещё два выстрела, повредив ружьё одного из «штурмовиков», походя добила раненного в ногу и атаковала Фартмана. Тот снова уклонился, выпустив в неё два заряда плазмы, которые Осока расшвыряла синим лезвием в стороны. Я не верил своим глазам: по скорости реакции фальшивый флотский разведчик почти не уступал джедайке! Прямо вампир какой-то. Последний из конвоиров лихорадочно пытался взять тогруту на прицел, дал очередь… и угодил точно в спину своему напарнику, тому, у которого был сожжён бластер. Подхватить вместо него с пола оружие покойного Вугола бандит в броне успел, а вот выпрямился зря, схлопотав не меньше трёх зарядов с расстояния полтора метра. Конечно, спинная пластина не выдержала. А что же в это время делал я, спрашивается? Без ложной скромности скажу: догадался пригнуться, чтобы не попасть под горячую руку Осоки и ещё более горячую плазму наших противников. На полу мне попался чужой бластер, я оттолкнул его: связываться с оружием незнакомой модели может быть небезопасно. Перевалился через конвоира, дотянулся до брошенного Фартманом пистолета – фальшивый разведчик тоже не стал пользоваться чужим оружием и бросил его, освобождая руку для второго бластера. В данном случае – зря, он явно был не в курсе, что пулю меч отразить неспособен.

«*Что у вас там происходит?*» — зазвенел в гарнитуре взволнованный голос Падме.

— На нас немножко напали, — ответил я.

«*А какого ты молчишь??*»

— По-моему, это пираты, — я дважды выстрелил в бегущих на нас молодцов уголовного вида, прицелился точнее, пальнул ещё и свалил одного из них.

«*Мне хоть пираты, хоть импы, хоть реблы!*» — прошипела «хозяйка» корабля, и тотчас же блеснула яркая вспышка. Далёкий проём входа в ангар заволокло дымом. Следующий выстрел угодил в спину одного из атакующих. Что стало с бандитом, лучше не описывать. Энергия болта крыльевой установки равна выстрелу земной танковой пушки. Жуткая смерть, хорошо, что мгновенная. Разлетевшимися остатками плазмы зацепило ещё четырёх человек. Пятого нашла моя пуля. И тут на оставшихся налетела Осока. Бой превратился в резню. Бандиты ещё рассчитывали задавить тогруту плотностью огня… две или три секунды, пока плотность эта не упала за безвозвратным выбытием стрелков. Тут всё было ясно. Я оглянулся. Дополнительных подкреплений из глубины станции, вроде бы, не было. А где же мистер Фартман? Он сидел, прислонившись к стене, будто спящий. Шлем слетел с его головы, обнажив жёсткую шевелюру и острые, как у *сефи*, уши. Можно было подумать, что он без сознания, если бы не растёкшаяся под ним тёмно-красная лужа. Из груди его жутким подобием осинового кола торчал обломок трубы, оттуда лениво вытекала струйка беловатого газа. Осока, перепрыгнув через убитых, склонилась над пленником. Сделала резкий жест, будто собиралась ударить ладонью ему в переносицу. Френц Бака дёрнулся и открыл мутные глаза. Схватив его за грудки, тогрута с лёгкостью поставила его на ноги, произнесла жутким замогильным голосом:

— Туда! Беги!

Он побежал на подгибающихся ногах, повизгивая, как перепуганный щенок. Мы – следом.

— Быстрее! — Осока обращалась уже ко мне. — Их здесь ещё полно!

«*Что вы там возитесь, скорее, улетаем!*» — вторила в ухо Падме.

— Да вы сговорились обе! — буркнул я, стараясь, чтобы не услышала Осока. — Трапом – к двери!

«*Не учи учёную. Уже развернулась*».

«Амидала» стояла – нет, висела с убранными опорами – почти упираясь в стену реверсными механизмами плазменных движков. Едва мы миновали заднюю турель, плазмопушки открыли огонь вдоль коридора: похоже, там кто-то появился в пределах видимости. Ангар справа от нас горел. Валялись сорванные с кронштейнов истребители, чадили обломки «Скипрэев», а в грузовиках у дальней стены что-то отрывисто трещало и взрывалось. Знатно порезвилась здесь моя кузина, нечего сказать! Рампа, должно быть, закрылась за нами за мгновение до того, как корабль проколол силовую стенку и оказался в вакууме.

— Какой смышлёный у тебя корабль, — покачала головой Осока. — Не ожидала.

— Ага. И с характером. Чуть что не по ней, может и за борт выставить.

Осока решила, что я шучу, засмеялась… и поморщилась. Только тут я увидел, что платье на её бедре расползлось от бластерного выстрела, и в прорехе размером с ладонь чернеет ожог.

— Ты ранена? И молчишь?

— Да пустяки, заживёт, как на джедае. Этот Фартман, он *нагаи*, они телепаты, с ними непросто… Ты что? Пусти!

Последнее было вызвано тем, что, пинком втолкнув бывшего замминистра в кладовку левого борта – много

чести снова позволять ему свинячить в каюте – я подхватил её на руки и понёс в медотсек.

— И не подумаю! — твёрдо сказал я.

— Надо, хотя бы, посмотреть, куда мы летим!

— Нормально летим. А осмотреть сначала нужно тебя.

Осока притихла, но лишь до медкапсулы.

— Я сама, — заявила она медицинскому дройду, когда тот протянул манипуляторы, собираясь убрать с краёв раны остатки одежды.

— У Вас нет медицинского образования, — отвечал дройд Герхард, не менее самостоятельный, чем корабль. — Поэтому лежите, пациентка, и делайте то, что говорит врач.

— Что-о?? Да я тебя счас вообще выключу!

— Выключить меня может лишь командир или госпожа Падме. Обрабатываю рану.

— Спасибо, я почувствовала, — язвительно сказала Осока. И спросила меня: — Он знал её при жизни?

Что тут ответить? Лгать нельзя, почувствует, поэтому я просто развёл руками, и понимай, как хочешь. Осока и поняла по-своему, проворчав:

— Оно и видно.

— Пойду, задам координаты для прыжка, — сказал я. — Идём в столицу сектора?

— Да, на Кайл. Переключи сюда связь, я отправлю сообщение о захвате базы.

— Хорошо, если только они не грохнули гипербакен.

Как в воду глядел. Бакен, обеспечивающий соединение с Голонетом и военными коммуникациями, был в системе один, на запросы он отвечал исправно, а передать ничего не мог: скорее всего, пираты – или, всё-таки, отряд Сопротивления? – потрудились над ним, сымитировав банальный отказ, чтобы не переполошить раньше времени местное население. Пока связисты

вышлют ремонтную бригаду, да она долетит на своей внутрисистемной колымаге, станция будет обчищена, а пиратов простынет след.

— Жаль, — отозвалась Осока, услышав о повреждении бакена. — Вектор их прыжка мы не отследим?

— Не-а, — покачал головой я. — У нас и измерителей нет, зазор между инверторами маловат.

— Жаль, — повторила она. — Тогда не будем тратить время на переговоры с Кайлом отсюда. Уходи за свет.

В медицинском отсеке Осока пробыла недолго. Поднялась на рубочный подиум, осторожно уселась в кресло. В обожжённой прорехе платья белела повязка. Некоторое время девушка молчала, молчал и я.

— Возьми свой меч, — произнесла, она, наконец. — А скажи, неплохо мы с тобой отбились?

— Я бы сказал, чудом, — ответил я. — Хорошо, что этот их телепат не догадался пощупать в пенале.

— Собирался. Но я тоже кое-что умею в этом плане, — она постучала по лбу согнутым пальцем. Помявшись, добавила: — Алекс… ты не согласился бы работать со мной постоянно? У нас намечается неплохая команда. Знаю, знаю, все Наберри – люди с принципами…

— Хотя я не совсем Наберри, принципы у меня есть, — подтвердил я.

— Гарантирую, что тебе не придётся участвовать ни в чём, что противоречит твоим моральным нормам.

— А как же Сопротивление, другие недовольные, за которыми вы охотитесь?

— На такие задания готова летать одна, на других кораблях, — быстро сказала Осока. — Ты не будешь замешан ни в чём подобном, даю слово. Да и нечасто я выполняю подобные задачи, я не Инквизитор.

Как же мне хотелось согласиться! Серые с оттенком светлой синевы глаза глядели доброжелательно и чуточку испытующе: дескать, предлагаю тебе руку, слабо её принять? Шанс? Или нет? И в этот миг на блистере позади вспыхнули жёлтые буквы:

Ситы могут быть очень убедительны.
Но они всегда лгут, не забывай.

Последняя фраза словно глаза мне промыла. Падме права. Готова ли сейчас Осока в самом деле считаться с моими принципами или, наоборот, хочет продемонстрировать мне, что на вещи стоит смотреть «шире»? Что-то похожее уже происходило когда-то, с Ферусом Олином, он рассказывал нам об этом во дворцовом парке Альдераана. Там Вейдер применил прямой шантаж, здесь, думаю, всё будет мягче и тоньше. Во-первых, она и вправду не хочет мне зла, во-вторых, ей даже слабости у меня выявлять не надо – Осока сама и есть одна большая моя слабость. Одна сомнительная миссия, другая… а затем «вот видишь, и что тут такого?» Ферусу удалось вывернуться, у меня задача потруднее: не уйти самому – забрать с собой её. Нет, нельзя переоценивать свои силы. Инициатива не на моей стороне. Если я сейчас пойду с ученицей лорда Вейдера, я стану её последователем. Рано или поздно, вольно или невольно. И, хотя вот это её «идём со мной» дорогого стоило, ответ может быть только один. Взяв себя в руки, я начал подбирать правильные слова:

— Я бы и рад согласиться, но… Твой повелитель явно не хочет, чтобы у тебя появился напарник. Не даром он сказал «корабль возьми, от владельца избавься».

— Сколько раз тебе повторять! — нахмурилась Осока. — Я далеко не всегда выполняю его приказы… дословно. Особенно в том, что касается меня лично!

Я развёл руками:

— Значит, убрать меня будет поручено кому-то ещё. А обставят всё так, что ты ещё больше озлобишься, но не на Лорда, а, примеру, на реблов.

— Кого?

— Сопротивление. Внутренняя терминология, извини.

— Хорошее словечко. Реблы. Надо запомнить.

— Не обольщайся, ваших мы называли *импами*, на одном из древних языков это бесы, прислужники злого колдуна.

— Тоже смачно. Колдун у нас колоритный, это правда, — сказала Осока с усмешкой. Помолчав немного, добавила грустно: — Насчёт Лорда ты прав, наверное. Может случиться и так. Что ж, придётся выждать, пока его приказ забудется, а там поглядим.

Поняла. Не обиделась. Превосходно.

— Но видеться с тобой нам это не помешает? — нейтральным тоном произнёс я.

— Разумеется, нет! Ты не преступник и не враг государства, остальное – моё личное дело. Поступим вот как: с Кайла я лечу в Корпоративный сектор, разберусь там с делами и с тобой свяжусь, подбросишь меня до Корусанта, — тут она спохватилась, что это звучит как распоряжение начальницы подчинённому, и спросила: — Не возражаешь?

— Нисколько. Я пока тоже сделаю кое-какие дела.

— Вот и отлично!

Корабль слегка вздрогнул при выходе на досвет. Прямо по курсу сиял тусклым отражённым светом шарик планеты Кайл-два. Здесь находился космодром Анклав, когда-то единственное республиканское поселение на независимой планете, перешедшее затем к Империи. Сейчас вокруг старого космодрома шли интенсивные строительные работы: расширялась база военного флота, монтировались сооружения ремонтных доков, заводы по производству деталей и узлов, несколько узлов связи,

оборонительные системы. Осока связалась с командующим флотом системы, сообщила о пиратском налёте на станцию Васкиро и распорядилась выслать туда эскадру. К тому времени, как «Амидала» опустилась на пермакрит лётного поля, возле стоянки уже ждал спидер и конвой для арестованного.

— Сколько топлива можешь принять? — спросила Осока, когда бывшего замминистра увезли, и мы остались у пандуса одни.

— Да мне не нужно, — махнул я рукой.

— Послушай, — она взяла меня за грудки, встряхнула. — Будешь капризничать, я тебя побью! Сколько?

— Ну, если основные цистерны по горловину, то почти четырнадцать тонн.

— А если дополнительные тоже? В глаза смотри!

— Тогда пятьдесят четыре, — признался я. Вообще-то, скуловые цистерны изначально предназначались для *инерта*, то есть, реактивной массы, но не так давно механики переделали их под двойное назначение на случай длительных автономных рейдов, чтобы не занимать «сардельками» дополнительных баков узлы подвески под крыльями.

— Распоряжусь, зальют пятьдесят. Из оружия что-нибудь надо?

— Не надо, честно, в трюме все стеллажи заполнены. Разве что, будешь в Корпоративном, закажи патроны к моему пистолету. В центре их трудно найти, а там Мореллия рядом.

— Одной упаковки хватит? Возьму.

— И не суй там голову в пекло. Помни, я жду твоего письма.

— Это уж как получится. Напишу, сказала же.

Она повернулась, неловко зацепилась носком ботинка о край пандуса и почти бегом направилась к ожидающей её машине.

— Совсем заморочил голову бедной девочке, — покачала головой Падме, кладя руку мне на плечо. — Споткнувшийся джедай – это, знаешь ли, зрелище.

— Не зубоскаль, сестра, — тяжело вздохнул я, провожая взглядом имперский спидер, увозящий Осоку. — Знаешь, как трудно…

— Очень тебя понимаю. Мне тоже дико хотелось ей показаться и, хотя бы, поговорить.

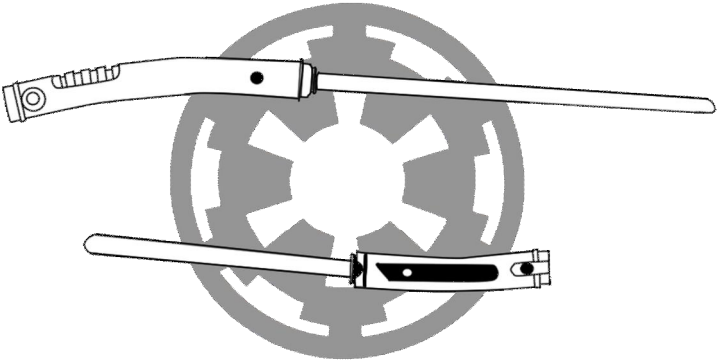
— Сэр? Мэм? — возник рядом с нами пожилой техник в имперской форме. Он подошёл настолько бесшумно, что я на миг подумал, не голограмма ли это тоже. — Приказано залить пятьдесят тонн энергона.

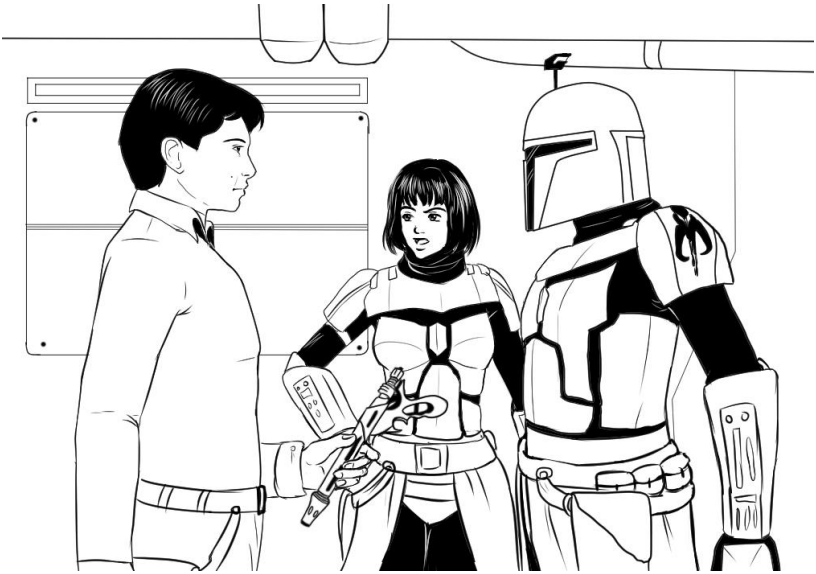
— Заправляйте по двадцать в скуловые, горловины два и три, остальное на корму, в девятую, — распорядилась Падме.

— Слушаюсь!

Я снова взглянул в небо, но спидер успел скрыться из виду. Что ж, до свидания, Осока Тано. Теперь-то мы обязательно встретимся вновь. И вот тогда уже поспорим с твоими боссами, поглядим, по-ихнему выйдет или, всё же, по-нашему.

Занавес. Антракт.





Действие второе
ТАНЕЦ НА ЛЕЗВИИ

Можно легко вывезти девушку из деревни,
гораздо труднее – вывести деревню из девушки
Родривар Тихера

1. Королева на заработках

Система Лантиллис являла собой печальное зрелище. Нет, внешне всё выглядело почти как раньше: на куполе рубки и экран-пульте вспыхивали отметки прибывающих и отправляющихся кораблей, на стационарной орбите переливались огнями терминалы, базы-склады и прочие служебные станции… Но чего-то не хватало. Чего – становилось ясно, стоило отойти подальше от транспортных узлов, где, освещённые лишь лучами центрального светила, плыли по орбите мёртвые верфи Братства. Беспощадный имперский монстр, всё же, сомкнул пальцы на горле ещё одного независимого производителя. Специалисты разбежались – кто в сферу услуг, кто к конкурентам, в другие системы. Ремонт, все предлагали только ремонт и запчасти. С большим трудом мне удалось разыскать мастерскую, где имелось нужное оборудование для изготовления солнечного «самогонного аппарата». За три экземпляра они запросили удивительно дёшево, видно, дела у крохотного заводика шли совсем плохо. Я хотел здесь же изготовить и секции зеркал-энергосборников, однако, осмотрительная Падме отговорила, предложив разместить вторую часть заказа на Батаеве, так, чтобы никто не связал одно с другим и не смог повторить разработку покойного профессора-отшельника.

— Ну, вот, — удовлетворённо сказал я, закончив переговоры по Голонету с батаевскими мастерскими. — Через две недели соберём установки, а ещё через месяц можем открывать маленькую керосиновую лавочку.

— На полтора месяца не хватит денег на еду, — напомнила Падме.

— Да-да, мы уже считали, — покивал я. — Не страшно, загоним несколько тонн имперского топлива. Всё равно скоро своё появится, хоть залейся.

— Чем думаешь заниматься, пока делают энергостанции?

— Хм. Спроси чего полегче.

— Не слетать ли нам к тебе домой?

— Это лучше потом. Когда у нас будут перегонные установки. Одну сразу развернём в окрестностях Земли.

— Да, так, пожалуй, будет разумнее. Интересно, что у вас там за история теперь? Вдруг тебя никто не похищал, и ты встретишься с самим собой?

— Вот уж вряд ли, — усомнился я. — Раз не изменилась биография твоей мамы и твоя, с чего бы настолько измениться моей? Нет, скорее, мои косточки давно заросли травой на второй планете системы Таркения. Спасти-то меня было некому.

— Либо ты вместе с остальными попал к Орре Синг.

— А вот это, кстати, возможно. Всё же, мне почему-то кажется, что ни тебя, ни меня здесь давно уже нет.

— Насчёт себя согласна, — вздохнула Падме. — Здесь у Вейдера есть другая игрушка, вполне живая.

— Может, полетим на Набу? — предложил, в свою очередь, я. Тут уже Падме покачала головой:

— Тоже лучше не сейчас. К повторному объяснению со своими я несколько не готова.

— Казино, бордели отпадают по очевидным причинам, — усмехнулся я. — Тогда предлагаю поиграть в рудокопов. Например, в системе Нентан три жирных астероидных пояса, а худо-бедно разрабатывался до нас только один внутренний.

— Вот это идея! Правда, там, скорее всего, нет гипербакена, можем пропустить сообщение от нашей ситки.

— Тогда сначала на Орд Пардрон, возьмём на складе какого-нибудь разрушителя, — сказал я, пропуская мимо ушей эпитет, которым сестра наградила здешнюю Осоку. Что говорить, если это чистая правда?

— Можно взять два, про запас, в трюм поместятся, — заметила Падме. Увидев выражение моего лица, она улыбнулась: — Чего, чего? Да, да, меня тоже проняло, можешь быть доволен. Если бы не запасливость наших ребят, болтались бы мы с тобой до сих пор в секторе Онатоса.

Проходческий лазер и портативный генератор тракционного луча отыскались там же, среди планетарных комплектов в кладовых разрушителя «Верный». Мы закрепили их на кормовой турели, прихватив к кожухам орудий, так было удобнее всего управлять. Перед отлётом я залез в энергосистему «Верного» и совершил небольшое хулиганство: перерубил линии питания, идущие от резервных топливных элементов. Смысл был прост. Управляющий компьютер, повинуясь программе, расконсервировал вспомогательный реактор, а даже в минимальном режиме он является источником некоторого количества энергоносителя, подобно тому, как в ядерном реакторе-размножителе рождается плутоний. Да, жидкость получается слабонасыщенной и довольно грязной. Кормить этой бурдой наши собственные генераторы или лить её в топливные элементы я бы не согласился ни в жизнь – отчищай их потом. Но для всеядных флотских челноков и «двустволок» годится и такая. После этого я поменял на «Верном» директивы на случай появления «гостей». Отныне разрушитель принимал лишь того, кто в ответ на запрошенное число от одного до тридцати двух сообщит соответствующий джедайский код из списка. По предъявителям флотских кодов указания стали иными: не стрелять, но и шлюзов не открывать, обойдутся, вон сколько других кораблей вокруг.

— Хочешь застолбить базу? — спросила Падме.

— Разумеется, — сказал я. — Это наша корова, и мы её доим.[1]

Ту же операцию я проделал на всех трёх «Радугах», а потом, используя в качестве буксира «Амидалу», попрятал корветы за крупными астероидами в стороне от кладбища кораблей. Зная, насколько хороша «сотка» в дуэли с другим корветом, а тем паче против своры истребителей, отдавать их кому попало я не собирался.

Через пол-Галактики на Нентан решили не возвращаться: в соседнем Абрионском секторе имелась не менее богатая минералами система Хайшийм. В прошлой жизни «Индесел» начал разрабатывать её внешний пояс после создания базы Карес, и у Падме имелась подробная карта одного участка с размеченными месторождениями.

Наверное, я никогда не устану восхищаться разносторонностью нашего корабля. Сконструированная для чисто военного применения – правда, довольно разнообразного, надо отметить – «Амидала» могла выполнять и гражданские функции. Пассажирский рейс, перевозка груза, буксировка… А теперь ещё и добыча минералов. Изогнутая плита из прозрачного транспаристила, вмонтированная в корпус между нижними плазменными двигателями, даёт возможность совершать ювелирные манёвры кормой вперёд, управляя кораблём с нижнего турельного поста даже в случае отказа внешних сенсоров. Отсюда же очень удобно заниматься астероидными раскопками: весь шурф как на ладони. Я повесил под потолком переносные лампы, чтобы получше осветить рабочее поле, благо транспаристил почти не бликует от светового луча.

— Недодумали мои разработчики, — вздохнула Падме. — Будем на какой-нибудь базе – надо навесить

[1] «Убойная сила», реж. А. Рогожкин, 2000-2005

ещё прожекторов по бокам каземата. В трюме на полках есть, я видела.

— Обязательно. Не помнишь, какая здесь ширина рамы?

— По наружным стенкам – два пятнадцать, а что?

— Как раз влезут по две секции световой линии сверху и снизу. А хочешь, купим сюда манипуляторы? По бокам полно места.

— Было бы неплохо. Трюмные слишком грубы для мелких работ… Но сейчас у нас нет денег!

Я пожал плечами:

— Камней наломаем, продадим, вот и деньги.

Лазер плавил породу, отсекая кусок за куском. Если глыба выходила слишком большой, я останавливался и, перейдя в импульсный режим, обкалывал лишнее. Затем Падме с помощью тракционных лучей переправляла очередной «полуфабрикат» в трюм. Мелкий мусор, что накапливался в пространстве от наших карьерных разработок, она время от времени сдувала коротким выдохом ионных двигателей, удерживая себя на месте с помощью реверса плазменных. Как только трюм заполнился, я надел маску от пыли и отправился туда. Теперь требовалось раздробить породу и выбрать из неё то, что представляло ценность. Падме, уменьшив искусственное тяготение, чтобы легче было ворочать куски камня, помогала мне. Сосредоточившись на работе, мы почти не разговаривали – честно говоря, не было желания. После всего, что свалилось на нас за последние дни, наступила какая-то вязкая апатия. Накануне, во время ночного перелёта на Орд Пардрон мне было совсем худо. Я ворочался на кровати, слишком просторной для одного, и в голову лезли мысли одна мрачнее другой. Насилу дождался корабельного утра, чтобы встать и заняться хоть чем-то. Работа немного отвлекала, но где-то далеко, фоном, всё равно вертелось: где сейчас Осока, какую

очередную гадость заставил её делать Дарт Вейдер? Пригодных для продажи кристаллов в сумме набралось полтора небольших ящика – на две трети крупных и почти столько же дешёвой мелочи. Выбросив из трюма пустую породу в стороне от места добычи, Падме возвратилась к астероиду, но продолжить работу не позволила, пока я не поем. Покорно впихнув в себя то, что она мне дала, я снова сел за управление, и так до позднего вечера.

Ночью усталость, всё же, взяла своё, и я заснул, первый раз за трое суток. Снилась какая-то мура, и слава богу, что большинство из этого бреда мозг просто не запомнил. А потом снова день, снова работа до одури, наполнять кристаллами очередные контейнеры. Дня через четыре Падме стала просить, а затем и требовать, чтобы я отдохнул. Как скажешь, Твоё Величество. Что там у нас лучший отдых? Перемена деятельности. Я переключился на обслуживание корабля – тех систем, до которых мог добраться изнутри.

— Будешь так усердствовать – меня на Земле вороны по винтику растащат, — подтрунивала кузина, наблюдая, как я отчищаю до блеска очередной механизм.

— Ну, народ! — фыркнул я. — Особенно разные королевы. Всё им нехорошо. То не так сидишь, то не так свистишь…[1]

— Нет, почему же, делаешь ты всё правильно. Мне только немного страшно представить, что будет, если в один прекрасный день ты протрёшь мне броню до дырки. Помогает хоть?

— Э-э… От чего?

— От мыслей.

— Вроде бы.

Сглазил. В ту же ночь в мой сон явились несколько чёрных фигур в плащах. Они вышли из зыбкого тумана

[1] Приписывается Соловью-Разбойнику

видений и картинно, как в третьесортном голливудском «кине», откидывали по очереди свои капюшоны, чтобы высокопарно изречь нечто глубокомысленное… и гадкое, кто бы сомневался.

«Помнишь меня? — произнёс Инквизитор по имени Пробус Тесла. — Я жив! И за это время принёс много пользы моей Империи, прирезав несколько лживых джедайских ублюдков!»

«А меня помнишь? — осклабился размалёванный забрак, косящий под Дарт Мола. — Я тоже жив! А хвостоголовая книжная крыса – сдохла! И от моей руки сдохнут ещё многие твои дружки!»

«Как видишь, я стою на своих ногах, — подключилась к разговору зеленокожая изменница с синими, как океанская глубина, глазами. — И так должно быть, потому что я права! А она была слаба и сбита с толку джедайскими бреднями. Но теперь она поняла, и она – на нашей стороне!»

Откинул капюшон ещё один Тёмный, и я увидел… Вейдера. Без маски, с развевающимися светлыми волосами и жёлтыми от ненависти глазами, такого, каким я запомнил его в другом, давнем сне.

«Тьма – естественное состояние материи, — заявил он. — Пора бы тебе это понять. Пространство рождено во тьме, во тьме оно пребывает от века. И жалкие потуги вашей семейки вытянуть кого-то на Свет – пустая трата сил, бесполезное упрямство, достойное лучшего применения».

— В прошлый раз – получилось… — прошептал я, вспомнив Вентресс.

«То недоразумение стёрто с лика Вселенной и больше не повторится!» — на миг мне показалось, что сквозь нордическое лицо Тёмного Лорда проглянул другой облик: крупный нос, короткая бородка, больше похожая на недельную щетину, застиранная рубаха… И

ковбойская шляпа, совершенно неуместная в освоенной Галактике. Блин, привидится же такое!

«Тьма победила, как и всегда», — продолжал Вейдер-Скайуокер.

— И во тьме светят звёзды… — возразил я.

«Звёзды! — он криво усмехнулся. — Ты подобрал очень верное сравнение! Жалкие крупинки в сравнении с бесконечностью космоса, неспособные обогреть даже расстояние от одной до другой. Вот и вы так же жалки и беспомощны. Посмотри на себя, как ты смешон в своих попытках спорить с очевидным!»

Улыбка Вейдера стала шире, белозубее. Вслед за хозяином угодливо засмеялись шестёрки. Особенно усердствовал Пробус, он даже откинулся назад в приступе веселья… Как вдруг верхняя половина его тела отделилась и упала, а Инквизитор продолжал хохотать лёжа, не замечая, как ноги бессмысленно топчутся на месте отдельно от него. Торопливо запахнула плащ изменница, но я успел увидеть, что кожа на её бедре отслоилась, и под ней блестит металл.

«Опять вы лжёте!» — хотел сказать я и проснулся.

В каюте занимался рассвет. Ещё недавно мне нравилась эта мягкая постепенно разгорающаяся подсветка, так похожая на свет земного утра. Сейчас я, морщась, встал и переключился на нормальное освещение. Нет, так больше нельзя, надо с этим что-то делать. Взгляд мой упал на меч, лежащий в изголовье. Если бы Айла была здесь… Но, как видно, не судьба. Я взял меч, вышел в гостиную, встал в центре помещения и включил лезвие. Стойка, медленный взмах, стойка, два движения и снова стойка. От простого к сложному, от медленного к быстрому, как от края к центру и от центра к краю. Ровное гудение синего пламени и правильные, чистые шипящие звуки во время взмахов действовали успокаивающе. И как я до сих пор не вспомнил об этом способе? Первое время,

держа в руках включённый меч, я немного нервничал, да что там «немного», очень сильно. Огненное лезвие с лёгкостью режет почти любое вещество, отхватить себе конечность или обстругать бок – как нечего делать. Слова призрачной Айлы о том, что упражнения с оружием приводят в порядок мысли и чувства, я воспринимал тогда как одну из древних догм, применимую не всегда и не ко всем, не ко мне уж точно. Лишь тогда, когда я научился в любой момент точно чувствовать положение клинка, нервозность постепенно ушла. Осока – не эта, полузнакомая, а моя – говорила, что с этого момента я и в фехтовании изрядно прибавил. Так. А вот в эти мысли углубляться не надо. Для пущей концентрации я закрыл глаза, сосредоточившись только на контроле движения лезвия. Проделал так основные фехтовальные связки, что показывали в прежней жизни Осока и другие, с кем я тренировался. В заключение потренировал развороты и короткие удары вдоль собственного корпуса – довольно опасные для исполнителя, но очень эффективные при «отступлении вперёд». Так же не глядя, выключил лезвие и повесил рукоятку на пояс. Вот. Немного отпустило. Надо, кстати, будет напомнить Осоке, она обещала подумать насчёт тренировок. Возможно, с этого всё и начнётся. А может быть, с чего-то другого. Главное, чтобы обстоятельства дали нам побольше времени на общение.

— Завтрак не помешает? — в проёме двери, соединяющей гостиную и рубку, стояла Падме.

— Да уж, — сказал я.

— Тогда иди, умойся.

— Сейчас, — я подошёл к ней, взял мягко за плечи. — Ты сама-то как?

— Получше, — улыбнулась кузина. — Тем более, теперь. А у тебя был неприятный сон.

— Под утро, — кивнул я. — Причём, сегодня какой-то особенно поганый.

— Расскажешь?

— Попозже, ладно? Я думаю, нам сегодня надо закругляться и лететь сдавать, что нарыли. Вот в полёте и поговорим, всё равно, времени будет хоть отбавляй.

Как ни странно, услышав подробности моего сна, сестра расценила его вполне позитивно.

— Во-первых, — заявила она, — то, что они живы-здоровы, вовсе не значит, что они победили. Сон ясно дал тебе это понять. А во-вторых, скажи мне, не было ли там ещё одной знакомой фигуры?

— Ты имеешь в виду…

— Её. Ведь не было же?

— Нет. Не было.

— Вот видишь! Это говорит о многом. Допустим даже, это не подсказка извне, тогда ты сам подсознательно уверен, что мы справимся, и Осока будет с нами, а не с ними.

— Ещё бы мне сознательно такую уверенность, — вздохнул я.

— Увы, увы. Только законченный дурак абсолютно уверен во всём, умный человек размышляет, следовательно, ему свойственно сомневаться.

— Ты уверена? — прищурился я.

— Абсолютно, а что? — тоном профессиональной блондинки ответила Падме и для большей убедительности похлопала ресницами.

— Не верю, — сдерживая смех, сказал я. — Во-первых, ты забыла перекраситься в белый, а во-вторых, тебя выдают глаза.

— Карие?

— Нет, умные.

— Вот таким ты мне гораздо больше нравишься, — уже без шутовства заявила она.

— Да, что-то я в последние дни совсем раскис…

— Очень хотелось тебя пожалеть, — призналась Падме, обнимая меня, — но решила просто не трогать.

Я ткнулся носом и щекой в её пахнущие озоном волосы:

— И правильно, а то ещё хуже было бы.

— Сделать тебе пару бутербродов? Через двадцать три минуты выходим на досвет.

— Не надо. Закончу с торговлей, тогда сразу поужинаем.

2. Военная хитрость

Решение продать нарытые кристаллы на рынке в системе Филве – столице сектора, к которому относился Орд Пардрон – оказалось разумным. Во-первых, лететь недалеко, во-вторых, неплохие закупочные цены. Зайдя в Голонет, я сначала даже удивился цифрам. Всё встало на свои места, когда Падме посоветовала соотнести их с самой стабильной из галактических валют – жидкой, то есть, энергоносителем. По нашим подсчётам получилось, что имперский кредит здесь дешевле примерно на треть. Перекупщик-*нимбанел* долго вздыхал, чмокал, шевелил бакенбардами, глядел грустными глазами побитой собаки то на меня, то на лежащие перед ним образцы. Давил на жалость, в общем. На меня это впечатления не произвело, я-то знал, что скупка кристаллического сырья – один из самых выгодных промыслов в Галактике, и этот «скромный торговец, живущий на жалкие три процента» имеет отличный навар. Даже с учётом того, что платит процент одному из хаттских криминальных боссов, раса нимбанелов испокон веков у них в услужении. Услышав его цену, я с чистой совестью принялся торговаться. Он повысил, но недостаточно. Я встал, чтобы поискать более сговорчивого. Перекупщик меня вернул. Мы снова торговались. Потом вместе пошли посмотреть всю партию. Нимбанел рылся в контейнерах, щупал кристаллы, снова долго вздыхал и, наконец, выдал цифру, которая меня устроила.

— Я понимаю, — бубнил он, отсчитывая кредиты, — Вам нужно расплатиться с шахтёрами и ещё себе что-то оставить…

— Вообще-то, кристаллы я добывал сам, — сказал я.

— Что, **на этом**??? — тёмные, без зрачков, глаза его вылезли из орбит.

— Другого у меня нет, — я развёл руками.

Нимбанел покачал головой и занялся погрузочной тележкой, бормоча что-то себе под нос.

— Это на хаттском, — прокомментировала по-русски Падме. — Ворчит, что люди ещё более безумны, чем он думал. Заниматься шахтёрским ремеслом на скоростном курьере, когда можно продать его и купить **нормальный** корабль, плюс получить неплохую разницу.

— Хм. Неужели он серьёзно полагает, что я мог бы продать такую прелесть, будь она даже обычной серийной? — удивился я.

— Вы с ним по-разному мыслите. Он торгаш, его не интересуют ни ходовые качества, ни красота, только целесообразность. А ты – пилот.

— Скажешь тоже!

— Вот и скажу. Кому, как не мне, чувствовать твой стиль вождения?

Вырученные деньги с лихвой конвертировали в наличность израсходованный нами энергоноситель, хватило и на продукты, и на обещанные манипуляторы. Правда, установить оборудование я не успел, хорошо ещё, что начал с освещения! Закрепив световые линии, я как раз приваривал к стенке каземата задней турели кронштейн для первого прожектора, когда меня позвала Падме:

— Брат, у нас сообщение. От неё.

— Что пишет?

— Спрашивает, можем ли мы забрать её через тридцать шесть часов в системе Дернатайн.

— Успеваем?

— Смотря как лететь. По Триллусскому – не успеем. Но можно пройти по одной из Старых Дорог. Попадаем на Крюк Спандо, коррекция на Холластине, потом на Ланте. Тогда чистое время получится около тридцати четырёх.

— Холластин… Это в пространстве хаттов?

— Да, мы и проколем всю их вотчину по длинной оси. Иначе не успеть.

— Отлично. Отвечай, что будем к сроку.

Стартовать удалось лишь через двадцать пять минут – пропустили несколько кораблей, которые запросили вылет раньше нас, затем пережидали стыковку лайнера. Ругательства на меланхоличного местного диспетчера не действовали, он лишь повторял, как заведённый: «Лайнер опаздывает, пассажиры недовольны». Собственно говоря, так всегда и бывает, когда очень спешишь. Зато в системе Холластина скорректировались без сучка и задоринки. Дальше предстоял полёт по трассе, именуемой Пабол Хатта – то есть, «путь хаттов» – длительностью почти в сутки.

Выскочив на досвет в системе Лант, мы сначала увидели громадный контейнеровоз, неторопливо следующий от одной точки выхода к другой, именно той, что была нужна нам.

— Ну, вот, снова-здорово, — вздохнул я.

— Уже недолго, — успокоила Падме. — Заряжает накопители для прыжка.

Как же, недолго! Зарядка у этого монстра заняла больше четверти часа, и всё это время он висел, раскорячившись в пространстве и загораживая «удобную точку». Экипажи «Транспортных систем Шезора» и в прошлой жизни отличались пренебрежением к окружающим: они прекрасно знали, что за ними стоит не просто богатая и влиятельная корпорация, а криминальная империя фоллинов.

— Наконец-то, — сказал я, увидев, что контейнеровоз рванулся с места и исчез на сверхсветовых скоростях.

Положил руку на РУД… И тут «Амидала» вздрогнула. По корпусу передался звук, будто провели о металл наждачной бумагой.

— Ай, моё покрытие! — вскрикнула Падме, и только затем сообщила: — Нас атакуют. «Бабочка».

Ручка под моими пальцами резко передвинулась вперёд, красная подсветка ползуна показала, что «баян» из четырнадцати главных двигателей выведен на форсажный режим. Падме разрывала дистанцию – первый и совершенно правильный ход в ситуации «нам зашли в хвост, но мы быстрее». Попаданий больше не было, скорее всего, мандалор выстрелил с предельной дистанции, и сейчас уже не доставал. РУД на центр, выводя двигатели в ноль, главную рукоятку от себя. Кувырок. Ещё до того, как «бабочка» появилась в поле зрения основного экрана, прозвучал короткий посвист: прицелы спарок вцепились в противника. Я надавил внутреннюю клавишу спуска, давая длинную очередь. Ничего, что за предельной дальностью, пусть пока думает, что и я его не достаю. «Бабочка» сокращала дистанцию, очередь мандалорского пилота разбилась о дефлекторный щит. На такой дистанции не страшно. Большой палец лёг на неприметную чёрную кнопку. Приплыл ты, *верд*.[1] С пяти тысяч метров два плазмоида снесут ему щиты, а остальное доделают пушки.

— Нет! — выдохнула Падме. — Это «Ревнитель»!

Чёрт! Я убрал палец и резким рывком вправо ушёл от новой очереди. Корки, Лагос, Амис и Сони, как с ними драться? Надавив кнопку передатчика, я вышел в эфир на общепринятой «переговорной» частоте:

— Эй, на мандалорце! Прекратите огонь! Есть ко мне вопросы – давайте переговорим!

— Нам не о чем разговаривать! — долетел ответ. — Сдавайся или умри!

---

[1] солдат, вояка (*мандо'а*)

— Уверены, что адресом не ошиблись?

— Сдавайся или умри! — повторил холодный голос Сони.

Вслед за этим – ещё одна длинная очередь. Первый выстрел чиркнул по нашим щитам, остальные прошли мимо. У меня было два небольших преимущества. Во-первых, для ухода в любую сторону «Амидале» не обязательно поворачиваться корпусом – реверс-моторы и маневровые блоки в скулах обеспечивают довольно высокие перпендикулярные скорости. Во-вторых, я-то мог предположить, что дальше сделает Лагос, не зря мы с ней столько раз летали на тренировочные дуэли, а вот она здесь со мной знакома не была.

— Давай сдадимся? — сказала вдруг Падме.

— Что? — от неожиданности я пропустил несколько попаданий в щит.

— Сдадимся и поговорим.

— Уверена?

Она кивнула. Что ж, ладно.

— Эй, на мандалорце! Слышишь? — снова вышел я в эфир.

— Решил капитулировать?

— Да, я сдаюсь, — нарочно по-русски ответил я. — Голос у тебя красивый.

В динамике комлинка мне послышался слабый звук, не то «хм», не то просто короткий вздох, вслед за этим Сони сказала ещё более холодным – **слишком** холодным голосом:

— Ложись в дрейф и готовь переходник. И без глупостей!

— Договорились, — я отключил микрофон. Падме улыбалась:

— Молодец! Отличный ход. Она сбита с толку.

— Ты тоже услышала? Значит, я снова прав. Собственно говоря, именно Сони нам нужна больше всего.

Она программист, владеет хакерскими навыками, знает сообщество…

— Мы поставим вопрос чуть иначе, — глаза кузины озорно блеснули. — Берём всю компанию.

— У тебя есть план?

— Есть, — и она изложила мне свою задумку, в полном соответствии с заповедями «бить своей полнотой по пустоте противника» и «удивил – победил».

— Что ж, так и будем действовать, — сказал я. Вынул меч из пенала, повесил на пояс.

— Не перебор? — усомнилась Падме. — Могут начать палить… раньше времени.

— Ну, нет, — возразил я. — Я верю, что нервы у них тут такие же крепкие, как были у нас.

— Смотри. В случае чего, я их положу насмерть.

— Я буду осторожен. Ни один мандалор не пострадает, — улыбнулся я. Через силу улыбнулся, поскольку вовсе не был уверен, что всё пройдёт гладко. Нервы у них, конечно, крепкие, главное, чтобы Амис не решил, что я представляю угрозу. Иначе будут жертвы. Вот если только подстраховаться…

— Мысль, — одобрила сестра. — Как раз, успеем.

На экране видеостены я видел, как «Ревнитель» разворачивается кормой, подставляя выдвинутой галерее «Амидалы» свой горизонтальный переходник. Лязгнули замки, одновременно сработал силовой захват левого крыла, фиксируя состыкованные корабли ещё в одной точке. Распахнулся люк… в следующую секунду в лицо мне смотрели четыре ствола – пистолеты Корки Мерел-Крайза и Сони Даалы и бластерный карабин Амиса Гева.

— Шевельнёшься – умрёшь! — предупредил Корки, несмотря на то, что руки мои были подняты. Амис, переместившись таким образом, чтобы не находиться на линии огня, сорвал с моего ремня меч и отступил.

— *Он ещё и аколит*, — сказал он своим по связи. Теоретически, я не должен был этого услышать, ведь наружный вокодер шлема не работал, однако, для станции связи «Амидалы» перехват сообщений комлинка сродни детской забаве, и сестра тут же транслировала перевод с *мандо'а* в мини-динамик за моим левым ухом.

— Что ж вы мне постоянно смертью-то грозите? — с точно дозированной ноткой обиды в голосе произнёс я. — Может быть, объясните, в чём дело? У меня, всё-таки, предположение, что это ошибка. Вы меня с кем-то спутали…

— Кончай заговаривать нам зубы! — уже на базик перебил меня Амис. — Знаем мы ваши аколитские фокусы!

— А вот оскорблять не надо, — покачал головой я. — У меня тоже честь имеется.

— Мы хорошо знаем, кто носит вот такие мечи, — вставил Корки, движением ствола указывая в сторону Амиса, у которого из кармана торчала рукоятка моего оружия.

— *Командир*, — вновь выключив вокодер, обратился к Корки Амис, — *он же нас просто убалтывает, не видишь*?

— *Погоди, братан. Он явно задет, это становится ин…*

— *Ты уже под его контролем*!! — выкрикнул Гев. И, без дальнейших колебаний, нажал спуск карабина.

Треск выстрела слился с сухим шуршанием электрических разрядов. Полицейский шокер, зажатый передней частью между двумя полукруглыми металлическими пластинами, мы закрепили над дверным проёмом переходника ещё до стыковки, приподняв одну из панелей потолка. Мандалоры не могли его видеть, всё их внимание было сосредоточено на мне. Как только Падме поняла, что ситуация критическая, привела его в действие.

— Забери у них стволы! — передала она мне через громкоговоритель.

— Сейчас. Что там Лагос?

— Получила свой укол и спит.

Я склонился над Амисом, подбирая его карабин… и почувствовал запах гари. Чёрт! Перестарались! Выведенный на максимум шокер должен был гарантированно оглушить мандалоров через броню, да мы не учли, что выстрел будет с задней проекции. Мощность оказалась достаточной, чтобы повредить воздушные насосы в основании шлемов. Забыв про мужчин, я кинулся к Сони, ногой отшвырнул её оружие, расстегнул и снял с неё шлем. Подтащил к стене, устраивая в полусидячем положении. Затем вернулся, начал снимать шлем с маркиза Мерел-Крайза.

— Оставь его! — ствол ещё одного миниатюрного бластерного пистолета смотрел мне в голову. Девушка, которой досталось меньше остальных, пришла в себя и незамедлительно взяла инициативу в свои руки.

— Стреляй, — устало сказал я. — А потом сними с них шлемы сама, пока не задохнулись.

— Э-э… Ладно, снимай, — разрешила она. — И не вздумай тронуть меч, убью!

— Что ты заладила, «умри», «убью»? Все остальные слова позабыла? Не буду я его трогать. Я ведь не драться, я поговорить хотел. Специально для этого сдался. А кое-кто сразу палить. Потолок, вон, попортил.

— Как же, специально, — с кривой усмешкой передразнила она. — Ты просто не мог ни отбиться, ни удрать!

— Послушай, — борясь с желанием назвать её по имени, ответил я. — У нас в крыльях две «эс-цэ-шесть», помнишь их дальность в вакууме?

— Одиннадцать тысяч, и… Вот *шебс*, ты мог разбирать нас на гайки, даже не входя в зону поражения! Разве что, ракеты…

— Против ракет есть спарки и ложные цели. Не хотел я драться, повторяю. Вот нанял бы вас охотно.

— Мы не работаем на ситов! — повысила голос Сони.

— Как просто швыряться словами, не видя цвета меча…

— Уж не хочешь ли ты сказать, что ты **джедай**? — фыркнула она.

— Нет. Я немножко умею обращаться с мечом, но нет. Это наследство одной моей хорошей знакомой. Она погибла в день Резни.

— С чего бы это джедайка стала оставлять свой меч именно тебе? — недоверчиво спросила Сони.

— Кто её знает. Вас, женщин, временами бывает чрезвычайно трудно понять. А когда она ещё и твилека…

— Ну, будем считать, убедил, — медленно произнесла Сони, чуть опуская бластер. — Откуда у тебя имперский военный корабль?

— Угнал. С консервации на полигоне «Сиенар Флит системз».

— Как узнал, что я говорю на словиоски?

— Трудно объяснить. Видимо, что-то в произношении. Соотечественника я на слух всегда определю, — прихвастнул я и решил, что можно переходить к делу: — Помоги мне поговорить с твоими ребятами без скандала. Пожалуйста. Мне, действительно, очень нужна ваша помощь.

— Ничего не гарантирую, — качнула головой Сони, убирая, наконец, бластер в скрытый кармашек на голени. — Наши мальчики упрямы и самолюбивы… Стоп! Лагос! Она…

— Крепко спит, — улыбнулся я. — Я успел немного подготовиться к абордажу.

Уточнять, что укол Лагос Ордо сделал голографический призрак моей кузины, я, конечно же, не

стал: зачем раскрывать все карты? А спустя четверть часа четверо мандалоров сидели со мной за столом в той же корабельной гостиной, где произошла первая встреча. Места было достаточно, однако, Сони, осознанно или нет, расположилась с торца, как бы в роли посредника. Она же представила нас друг другу.

— Итак, задание сложное? — задал первый вопрос Корки.

— Можно считать его невыполнимым, — сказал я.

— Уровень сложности мне нравится, — заметил Амис. — Что требуется сделать? Убить Дарта Вейдера?

— Ещё сложнее, — не принял я шутки. — Вытащить с Тёмной стороны одну девушку. Мою девушку.

— *Он псих, этот твой потенциальный наниматель*, — на *мандо'а* произнесла Лагос, обращаясь к Сони.

— *Любовь – это всегда немножко безумие*, — улыбнулась Сони. Падме любезно перевела мне и эту фразу. Я понял, что один союзник у меня уже есть.

— Как зовут девушку? — спросила Лагос у меня.

— Все вы её прекрасно знаете, — ответил я. — Или знали когда-то.

— Осока Тано, Рука лорда Вейдера, — сообразил Корки.

— Верно, — подтвердил я. — Мне галактически повезло, что я встретил именно вашу команду. Голографию Осоки вместе с вами я видел в архиве у моей двоюродной сестры, — я врал, естественно, но в данной компании можно было не опасаться, что раскусят. — Она, в свою очередь, была хорошо знакома и с Вашей тётей, маркиз.

— Сенатор Амидала, — догадалась Лагос. — Видимо, всё это у вас в крови.

— Имеете в виду галактическую упёртость и привычку совать голову в пекло? Да, фамильное, — усмехнулся я.

— Что ж, суть задачи нам ясна, — подытожил Корки. Обвёл взглядом напарников, получил от них одобрительные знаки, продолжал: — Мы готовы взяться за эту работу, однако… Сначала нам необходимо выполнить предыдущие обязательства. Это может занять примерно стандартную неделю. Надеюсь, такая отсрочка Вас не стеснит?

— Вполне, — сказал я и спросил: — Всё-таки, курьер?

— Правильнее будет назвать его тайным эмиссаром, — поправил мандалор. — Есть подозрение, что некто у нас ведёт нечестную игру. А страдают, как водится, все жители системы. Необходимо добыть веские доказательства.

— Понимаю. Моя помощь нужна?

При этих моих словах Сони выразительно посмотрела на своего командира, мол, что я тебе говорила? Он показал глазами «да» и ответил:

— Нет, благодарю Вас, справимся сами.

— Хорошо, в таком случае, решим вопрос с задатком? Топливом возьмёте? Хороший энергоноситель, имперский.

— Тонн десять я бы взяла, — отозвалась Лагос.

— Перестань! — укоризненно произнёс Корки.

— Нет-нет, — улыбнулся я. — Как говорят у нас, «заднее слово сказано». Десять так десять. Тяните трубопровод, распределитель в переходнике направо.

Пока мужчины собирали из секций магистраль для перекачки энергоносителя, а Лагос перепроверяла герметичность соединений, я отозвал в сторону Сони и вручил ей кодовый цилиндр с ключевыми файлами для шифрованной связи. Предупредил:

— Если вдруг *рехен* не будет тянуть, уменьшай частоту кадров.

— Высокая стойкость? — уточнила она.

— Два века, — кивнул я. — Да, там в разделе «Alarm» записано кое-что ещё, будет нужда – объясню дополнительно.

— Поняла.

В системе Дернатайн, на планете Бунта, меня встретили, так сказать, с распростёртыми объятиями. Иными словами, Осока вместо «здрасте» попыталась устроить мне выволочку. Встряхнув нарукавный комлинк, чтобы высветить время, она ткнула перстом сквозь голографические цифры и раздражённо сказала:

— Ты опоздал почти на два часа! Может быть, ты вообразил, что у меня цистерна свободного времени? Я ведь не на свиданку тебя звала, а по делу!

— Извини, мы… — развёл руками я.

— Да не «извини», — перебила она, — а раз видел, что можешь не успеть, написал бы «не успеваю», я бы ещё утром другой транспорт поискала! То, что тебе хотелось непременно меня увидеть, не значит, что надо срывать мне задание!

Столь безосновательного обвинения я терпеть не стал и возмутился:

— А может быть, прекратишь повышать голос и хотя бы из вежливости спросишь, не случилось ли у меня чего?

— Да что могло слу… — начала она, осеклась, внимательно посмотрела на меня, спросила другим тоном: — У тебя поломка была, что ли?

— Нет, не поломка.

— Что же тогда?

— А то, что в вашей замечательной Империи прохода нет от пиратов! Выныриваешь на минуточку сделать коррекцию, а тебе уже заходят в хвост… Хорошо, нашу броню так просто не прошибёшь.

— Корабль цел?

— Цел. Но, сама понимаешь, некоторое время они у меня отняли.

— Сразу нельзя было объяснить?

— А ты мне дала вставить больше двух слов кряду??

— М-м… да. Ну, была неправа.

— Ты до сих пор не сказала, куда летим.

— Лотал.

— Это где? — поинтересовался я больше у Падме, нежели у Осоки.

Кузина поняла меня правильно, и на большом голопроекторе высветилась карта Галактики, повернулась к нам нужным боком. Да, Осока-то была в чём-то права, можно было не мчаться сквозь регион хаттов, а встретиться уже там.

— Ясно, стартуем, — сказал я.

— Собственно говоря, мне сначала нужно было не сюда, а на Ръен Вар, — объясняла Осока, пока я пробивал атмосферу и выводил «Амидалу» в открытый космос. — Но, ты же должен понимать, что у меня за служба… Вызвал Повелитель, бросай всё и срочно, там то ли теракт, то ли диверсия мятежников, в общем, разобраться. А ты опаз… то есть, задерживаешься. Я и… психанула.

— Ну, я тоже хорош, честно говоря, — сказал я. — Надо было оторваться и сразу за свет, а мне захотелось с ними разобраться.

— И как?

— Получили, сколько заслуживали, — двусмысленно, но правдиво ответил я. — Будут знать, как путать меня не пойми с кем.

— Приняли за жирного торговца? Это «Мглу»-то? — не поверила она.

— За курьера… с грузом драгоценных камней.

— Дураков надо учить, — сказала Осока. — Алекс, не возражаешь, я пока посмотрю кое-какие файлы по планете?

— Конечно. Кресло вертится, вон, выводи на боковую секцию пульта, и смотри.

— Лучше спущусь туда, — она кивком указала на пульты в нижней части рубки. Секретничаем, значит, подумал я. Ладно. Не очень-то и хотелось, Падме всё равно все открываемые файлы сохранит у себя, вечером изучим. Я выдвинул из подголовника рамку наушников, пристроил к голове. Сейчас уйдём в гиперпространство, послушаю музыку. Не тут-то было. Не успел я передвинуть рычажок гиперпривода и понаблюдать, как схлопываются в светлый кокон растянувшиеся в линии звёзды, а Осока уже вернулась на подиум.

— Быстро ты читаешь, — заметил я.

— Да ну, везде одно и то же, — отмахнулась она. — Всю обстановку можно выразить двумя словами: «Бардак. Крадут».

— Разрушитель-то нашёлся, нет? — невинным тоном спросил я.

— Ты откуда знаешь? — подозрительно уставилась на меня тогрута.

— Живу давно, летаю много, — уклончиво ответил я.

— Твоя осведомлённость в деликатных имперских делах настораживает.

— Брось. Об этом болтают в каждой второй кантине, — отмахнулся я. — И все под страхом смертной казни.

3. Старая башня

Несмотря на расположение в отдалённом районе Внешнего Кольца, Лотал дремучим захолустьем не был. С орбиты виднелись обширные возделанные поля, населённые пункты, крупный завод явно космического назначения, так как прямо на его территории имелись размеченные линиями и буквенными обозначениями посадочные площадки. В то же время, некоторые признаки заставляли предположить, что планета пережила период упадка. Расположенный на морском берегу главный город,

так и названный без лишних мудрствований «Централь», был тому ярким свидетельством. Трущоб как таковых в нём не наблюдалось, однако, удалённые от побережья кварталы, раньше, несомненно, промышленные, сейчас не были заняты заводами, и местная беднота приспособила пустующие корпуса под жилища. Красноречивее всего была широкая магистраль, ведущая из Централи прямо в степь. Оснащённая фонарями ночного освещения и высокими отбойниками, она внезапно обрывалась круглой площадкой перекрёстка, от которой других дорог не было, а дальше расстилалась давно нетронутая степь. Посреди неё ввысь вздымался тонкий шпиль башни наведения и связи, такой же заброшенной, как и бывшее поле космодрома. Лишь сверху можно было угадать контуры фундаментов других портовых зданий, когда-то стоявших вдоль лётного поля.

— Садись на трассу за последним перекрёстком, всё равно ей никто не пользуется, — велела Осока.

— Как скажешь. Ты у нас Госпожа, — отозвался я. — Но тебе не кажется, что тут кого-то недавно подстрелили? Видишь, обожжённое пятно, обломки. И вот там…

— Наземные машины. От кораблей обломков было бы гораздо больше. Мы, как раз, по этому поводу и здесь. Комендант сообщил о нападении на гарнизон.

— Почему тогда бой был чёрт-те где?

— Вот-вот, мне тоже интересно, какого хатта забыли здесь вояки.

— Связаться с ними? — предложил я.

— Не надо. Повелитель любит говорить, что чем внезапнее проверка, тем объективнее картина. Там у тебя внизу складные байки стоят, вот и прокатимся.

— Хочешь, чтобы я ехал с тобой?

— Обязательно. Тебе будет полезно посмотреть изнутри. А то в некоторых вопросах ты наивен до ужаса.

— Мой статус? — переключился я на деловой тон.

— Неопределённый. Будут вопросы – отсылай всех ко мне, я их живо отучу совать нос куда не следует. Можешь хоть меч на пояс повесить.

— Ну, нет, это перебор. Вот ствол повешу, как раз, чтобы вопросов не было.

Вместо привычных штанов и гражданских ботинок я надел флотские брюки с сапогами, Осока, увидев это, одобрительно кивнула. В прошлой жизни она предпочитала сама садиться за руль всевозможных летающих машин, и мы временами спорили на эту тему, сейчас – уступила эту привилегию мне. Я, разумеется, вовсе не возражал, что её руки сцеплены у меня на солнечном сплетении, а подбородок лежит на плече, совсем как раньше.

— Пока прямо, — командовала она. — За энергостанцией – налево…

— Бывала здесь?

— Нет, глянула план города. Здесь правее… Теперь опять прямо, и упрёмся в гарнизон. Сначала облети его по кругу, потом остановись у главных ворот. Пожалуйста.

— Как мило, что ты не забываешь об этом слове, — не удержался я.

— Сейчас посмотришь, с кем приходится иметь дело, поймёшь, почему я отвыкла его произносить, — не обиделась Осока.

Перед воротами стандартной гарнизонной базы тогрута спешилась, вышла на середину проезда. Плаща на ней не было, однако, чёрная с красным униформа и световые мечи на поясе достаточно прозрачно намекали на место службы. И капрал на КПП оказался достаточно умён, чтобы не задерживать на пороге столь опасную гостью. Едва приоткрылись ворота, в проёме возникла безликая белая фигура штурмовика.

— Мэм, сержант-мажор 1083, начальник караула! — отрапортовал он.

— Тано, Рука Повелителя Вейдера, — представилась Осока. — Проводите к коменданту, Десять восемьдесят три.

Заметив за воротами нишу, где были припаркованы длинные скоростные спидербайки базы, я толкнул туда же наш и нажатием на ручку сложил его, а тросик безопасности закрепил замком в специально предназначенном для этого стенном пазу. Как бы не упёрли, учитывая по-карамзински лаконичную характеристику, данную Осокой местным воякам. Сержанта и тогруту я нагнал почти у входа в штабное здание. Дежурный офицер, прижав к уху гарнитуру, куда-то звонил, при виде Осоки на его лице промелькнула досада. Ясно, начальство трубочку не берёт, ехидно подумал я. Ну, мы не гордые, сейчас сами в дверь стукнем. Однако, прежде чем войти в кабинет, нужно было миновать ещё приёмную, где находился белый от волнения адъютант. Надо отдать ему должное, при всём ужасе, что он испытывал перед Рукой Вейдера, этот лейтенант держался достойно.

— У господина коменданта совещание, — выдавил он. — Секретное…

Осока, не обратив на парня ни малейшего внимания, тронула внутреннюю дверь. Заперто. Я уже догадывался, что может произойти дальше, и не ошибся. Росчерк двух красных лезвий наискось вверх, и треугольные куски створок гермодвери с громким скрежетом провалились внутрь, выворачиваясь из пазов, и глухо шмякнулись о палас внутри кабинета.

Внутри происходило вовсе не совещание, а приём пищи, ещё точнее – кормление двух господ имперских офицеров. Оба, судя по планкам, носили капитанский чин. Не маловато ли, удивился я про себя. Колония, конечно, невелика, но… Помимо офицеров, в кабинете находились ещё две особы противоположного пола. Одна, в довольно рискованно расстёгнутом сером мундире и короткой

форменной юбке, как раз накладывала из большого блюда в тарелку одного из офицеров какое-то кушанье, наклонившись над столом. Вторая, судя по одежде, к имперской армии вообще отношения не имеющая, кормила с рук другого капитана, моложе и намного габаритнее первого.

— Что за… — преисполненный благородного гнева, привстал с места сухопарый. Поперхнулся. Сел. В тишине неожиданно громко пискнул из приёмной лейтенант:

— Сэр, Вы не отвечали на вызовы…

Осока, меж тем, покосилась на штатскую девицу, произнесла безразлично:

— Брысь.

Та опрометью бросилась вон.

— Капрал, Ваша должность? — обратилась тогрута к грудастой служащей.

— Ш-шифровальщик, сэр… мэм.

— Надеюсь, Вы ещё не забыли специальность за исполнением **других** обязанностей? Сообщение в канцелярию лорда Вейдера: «На месте. Приступила к работе. Выявлены недочёты в несении службы гарнизоном. Тано». Всё, свободна!

Капральша, очевидно, была чемпионкой гарнизона в спринте, потому что вылетела из кабинета ещё быстрее штатской шалавы, причём, высокие каблуки ей в этом нисколько не помешали.

— Теперь с вами… — Осока шевельнула пальцами, в стене за моим плечом что-то щёлкнуло, и в проём раскуроченной двери рухнула плита аварийного гермозатвора. Тогрута подошла к столу, за которым сидели пожилой комендант – ни жив, ни мёртв – и его шкафоподобный коллега, угрюмо взиравший на нас из-под низких бровей. Я решил ей подыграть, взял один из освободившихся стульев, демонстративно протёр сиденье ладонью и подвинул Осоке.

— Вы очень любезны, — чуть наклонила она рогатую голову и продолжала, обращаясь к офицерам: — Судя по Вашему рапорту, комендант, на имперский гарнизон было совершено нападение. Однако, подъезжая к базе, я не обнаружила никаких следов боя. Потрудитесь предельно точно доложить, что произошло в действительности. И откуда следы свежего боестолкновения на дороге в старый космопорт. От Вашей откровенности зависит многое.

Сухопарый капитан тяжело поднялся на ноги и начал докладывать, сперва оправдываясь, но чем дальше, тем уверенней и чётче становились его фразы. По его словам, в сообщение закралась неточность из-за стандартных формулировок. На самом деле, нападение произошло на технической площадке в процессе перегрузки с челнока партии карабинов для первого курса военной школы. Злоумышленники подорвали один из спидербайков и, воспользовавшись суматохой – комендант сформулировал это как «отвлечение части сил на прочёсывание квартала» – попытались похитить контейнеры с оружием. Организована погоня, привлечены истребители крыла противокосмической обороны. В результате захваченные машины и груз были уничтожены, есть потери, предположительно, с обеих сторон. Уцелевшие бандиты скрылись на космическом корабле.

— Иными словами, у вас под носом длительное время действовала организованная законспирированная банда мятежников, — подытожила Осока.

— Никак нет, мэм! — возразил комендант. — Мы уверены, что это «гастролёры», пользуясь терминологией криминальной полиции. Они прибыли недавно на том самом частном грузовике, на котором впоследствии бежали с планеты.

— В таком случае, откуда у них информация о ваших телодвижениях?

— Вероятно, осведомитель, мэм. С ними замечен местный мальчишка-беспризорник, он уже не первый раз попадает в поле на…

— Беспризорник… — тихо-тихо и очень задумчиво произнесла Осока, но было в её голосе что-то, заставившее содрогнуться даже меня, а коменданта – поперхнуться и замолчать. — Не первый раз… То есть, ваш гарнизон в полном составе неспособен изловить одного-единственного уличного *вомпа*, регулярно доставляющего неприятности. Причём, этот субъект даже не достиг совершеннолетия, я правильно Вас поняла?

Тёмные глаза коменданта расширились, лицо побледнело ещё больше, худые пальцы потянулись к воротнику.

— Нет, капитан. Это всего лишь Ваше воображение, **пока**, — сказала Осока снисходительно. — На первый раз получите тридцать суток ареста за халатность.

— Слушаюсь.

— Да, прежде чем отправиться на гауптвахту, подготовьте список участников этой… «операции». Стоимость разбитых машин и уничтоженного оружия будет удержана из жалования.

— Мэм, — подал голос второй капитан. — Осмелюсь доложить…

— Да, надзиратель?

— Мои ребята нашли логово этого уличного вора.

— Прекрасно. Где оно?

— В башне старого космопорта, мэм.

Видимо, я всё-таки не удержал саркастический смешок, потому что Осока чуть повернула голову и покосилась на меня. Затем сказала:

— Полностью согласна с командиром моего корабля. Объект, с которого просматривается и простреливается значительная часть города, не только имеет охранной сигнализации, а служит прибежищем для маргиналов. Ещё

десять суток ареста, комендант. При таких косяках я прекрасно понимаю, почему Вы до сих пор не гранд. Дальше так пойдёт – о четвёртом камне на грудь вообще можете забыть, вам ясно?

— Так точно.

— Надзиратель, примите временно дела. Я съезжу, взгляну на это, с позволения сказать, «тайное» логово. А Вы позаботьтесь, чтобы наш корабль был дозаправлен.

— Слушаюсь, моя Госпожа.

— Извольте использовать уставное обращение! — одёрнула его Осока.

— Виноват, мэм! — шкафоподобный втянул живот и щёлкнул каблуками.

— Вот именно – виноваты. Оба. Надеюсь, выводы вы сделаете, и мне не придётся посещать вас вторично. Столь снисходительна я бываю лишь при первом знакомстве.

Величаво поднявшись, она согнула в локте руку с растопыренными пальцами, и плита гермозатвора с натужным скрипом поползла вверх, что-то хрустнуло – должно быть, сломался привод – и серая гильотина зависла в проёме двери выше человеческого роста. Едва мы миновали её, тогрута резко расслабила руку. Плита обрушилась обратно прямо перед носом коменданта и надзирателя.

— Не провожайте, — усмехнулась Осока, явно обращаясь к оставшимся за дверью, а не к полумёртвому от ужаса адъютанту, который не нашёл в себе сил даже встать.

— Извини, конечно, но это не чересчур? — спросил я в лифте, везущем нас вниз.

— Ой, молчи, Алекс, самой противно, — вздохнула Осока. — Увы, театральные эффекты у нас в ассортименте. Повелитель Вейдер требует от нас внушать почтение и трепет, а мне это особенно сложно. Я ведь не очень-то жутко выгляжу.

— Временами мороз по коже.

— Одна из техник Страха. Да, со стулом спасибо, отлично подыграл.

— Я почувствовал, что нужно что-то сделать, будет уместно.

— Почувствовал? — заинтересованно переспросила Осока. — А уровень мидихлорианов, случайно…

— Совершенно случайно измеряли, — быстро ответил я. — Чуть выше нормы, но недостаточно. И слава богу.

— Как знать, как знать. А в какого бога ты веришь?

— Что? А, нет, это всего лишь фигура речи.

Проезжая мимо «Амидалы», мы обнаружили возле неё цистерну заправщика и техников в защитных костюмах, они заливали энергоноситель. Руководивший ими более высокий чин в зелёном флотском мундире, завидев нас, поднёс руку в перчатке к козырьку, да так и проводил спидербайк, поворачиваясь всем корпусом.

— Видел? — прокомментировала Осока, сидя сзади меня в седле. — А ты про «пожалуйста». На них пока не гавкнешь…

— Ну, да, ну, да. «Участковый птица гордая, пока не пнёшь – не полетит»,[1] — согласился я. — Тебе не позавидуешь.

Я почувствовал, как она пожала плечами. Сказала:

— Уж привыкла. Бывают задания намного хуже.

Разогнавшись, я попробовал сразу поднять спидербайк до верха башни, но не получилось – полуторный вес он банально не потянул. Пришлось нам карабкаться наверх по бесконечной винтовой лестнице, обвивающей шахты давно не работающих турболифтов.

— Устал? Передохнём? — предложила спутница. Зная, что бравировать своей выносливостью перед

[1] «Улицы разбитых фонарей», автор сценария А.Кивинов, 1998 – н.в.

адептом Силы просто глупо, я кивнул: сил говорить уже не было. И плюхнулся на ближайшую ступеньку. Осока просто прислонилась к наружной стене.

— Обратил внимание? — сказала она. — В прихожей у пацана и тёплая одежда имеется, и байк складной, такой же, как наш. Что наводит на размышления…

— М?

— Не связан ли он, в самом деле, с мятежниками. А что, прекрасная маскировка.

— Байк мог… на помойке найти… — заметил я, фразы пока давались с трудом из-за сбитого дыхания. — Их с производства сняли… лет десять назад?

— Побольше, наверное. Я на таких ещё в войну каталась. Сейчас посмотрим на его жилище, может быть, появятся какие-то зацепки.

— Да, идём, — я попытался подняться с места, но Осока удержала, сама усевшись рядом:

— Посиди ещё пару минут. Спешка нужна при ловле *флеас*, и когда трое едят из одной миски. Нам торопиться некуда.

«Логово», как назвал его капитан-надзиратель, воришка устроил не в центральном зале башни, а в одном из технических помещений, вход в которое был только с кольцевого балкона, опоясывающего «бульбу» верхнего этажа. Я распахнул дверь и сунулся внутрь. Осока схватила меня за плечо:

— Дурной, что ли?? Вдруг заминировано?

— Если и было, должны были подорваться хлопцы того капитана, — резонно заметил я.

— Твоя правда, — согласилась она. Вздохнула: — Это паранойя, не иначе. Слышала я, все Тёмные рано или поздно становятся параноиками.

Свет я пробовать включать не стал: импы при обыске, скорее всего, воспользовались своим осветителем, а к выключателю вполне могла быть подсоединена какая-

нибудь бяка в расчёте на машинальную реакцию вошедшего чужака. Передвинул клавишу фонаря на постоянный режим, обвёл помещение лучом, хмыкнул. Впечатлила меня не спартанская кровать, не рекламные плакаты на стенах и не верстак с инструментами, а пара шкафчиков возле верстака, сверху которых стояли в ряд имперские шлемы.

— Нормально. Это у него вроде скальпов, что ли? — задумчиво произнёс я.

— В смысле, что? — не поняла тогрута.

— Ну, у меня дома в древности некоторые племена срезали с убитых врагов волосы вместе с кожей. Трофеи.

Осока дотронулась до одного шлема, другого…

— Нет, — сказала она. — Снято не с мёртвых. Скорее, он просто крал эти шлемы, забавлялся. Мальчишка.

— Распорядишься оставить здесь засаду?

— Смысл? Он ушёл. И вряд ли уже возвратится, — рассеянно отозвалась Осока. Взгляд её блуждал по комнате, словно искал что-то, чего в ней больше нет.

— Ты… что-то чувствуешь?

— Возможно. Как будто здесь побывал кто-то знакомый. Не так чтобы очень близко, но знакомый.

Я незаметно вздохнул. Эти мне *фосеры*, всё у них через… связь с Силой, а не как у людей. Тогрута, тем временем, вышла на балкон. Положила руки на ограждение. Сказала задумчиво:

— А может быть, я и ошибаюсь… Эта планета вообще навевает воспоминания.

— Здешняя степь очень похожа на Шили, — вырвалось у меня.

— Да, только там несколько жарче. Бывал у нас?

— Однажды.

— Я почти не помню, какая она, моя планета. Иногда только вспыхнет что-то, как кадр. Звук, запах… Или вот эта степь, — она вздохнула.

— Ты бы согласилась жить здесь, как этот парень? Над степью, на ветрах, выше всех? Или не на этой планете, а дома?

— Не знаю. Скорее, нет. Я странница по натуре. Если бы ты видел мою конуру на Корусанте, ты бы не спрашивал.

— Ну, а корабль? Корабль мог бы быть тебе домом?

Ответить она не успела, нас прервала трель комлинка. Мечтательное выражение, такое знакомое мне по прежним временам, исчезло с лица Осоки. В тот миг, когда она дотронулась до сенсора, передо мной снова была деловая функционерша на очень ответственной должности. А мини-проектор высветил фигурку дежурного офицера базы.

— Мэм, — отрапортовал он, — пришло оповещение по каналу Имперской службы безопасности. В системе Кессель агентом ИСБ обнаружен человек, пользующийся световым мечом. Капитан Гринт приказал известить Вас.

— Принято. Передайте капитану, его старание оценено… по достоинству.

— Есть, — ухмыльнулся офицер, он, как и я, отлично уловил иронию в голосе тогруты. Изображение погасло.

— Летим на Кессель? — спросил я.

Осока лениво махнула рукой:

— Да ну, вот ещё не хватало! За каждым джедаем гоняться – только вспотеешь. Нет у меня таких распоряжений. К тому же, не только джедай может иметь при себе меч… как выясняется, — Осока покосилась на меня.

Я только руками развёл: что тут скажешь, чистая правда!

— Погоди-ка… — оживилась она. — Ты сказал «летим»? Неужели ты хотел помочь мне в поимке…

— Нет, не хотел. Но и ронять твой авторитет перед **этими** не имею ни малейшего желания. Довезти довезу, а там уж ты сама.

— В таком случае, полетим лучше на Ръен Вар. Там работа тоже довольно противная, а делать надо. Приказ Самого. Подождёшь меня в порту?

— Подожду, — сказал я. И мысленно добавил: куда ж я денусь-то?

4. За кулисами следствия

Я рассчитывал, что во время перелёта на Ръен Вар, как и в прошлый раз, мы спокойно послушаем музыку и пообщаемся с Осокой. Не тут-то было! Тогрута вспомнила разговор о тренировке на световых мечах и решила выполнить мою просьбу. Задвинув цилиндр гипербакена из трюма в нижний холл, мы получили просторную площадку шесть на девять метров, которую и в прошлой жизни иногда использовали для этой цели.

— Ну, показывай, что умеешь, — сказала Осока.

Ладно. Зная, насколько превосходит меня тогрута в искусстве боя за счёт манипуляций с Силой, я не осторожничал и рубился в полную силу. Осока вначале вела бой пассивно, лишь отражая удары, явно хотела посмотреть, что я предприму дальше. Затем ринулась в атаку сама. Моя оборона, разумеется, продержалась ровно столько, сколько позволила тогрута, а затем я оказался опрокинут на спину и с трудом удерживал синим лезвием Осокино красное у своего лица. Второй свой меч она даже не снимала с пояса.

— Молодец! — произнесла она таким тоном, будто это я уселся на неё верхом, подавив попытки сопротивления. Выключила меч, перевернулась и развалилась рядом со мной на покрытом упругой изоляцией полу, подсунув ладонь под щёку. Продолжала: — Так чему ты хочешь, чтобы я тебя научила? Ты и так умеешь всё, что под силу обычному человеку, даже немного больше. Сверх этого требуется серьёзный Дар, которого у тебя, извини, нет.

— Я знаю, — сказал я. — Но я также знаю, что навыки у меня толком не закреплены. Нужно продолжать набивать руку…

— О, вот это сколько угодно! — улыбнулась она. — Мне нетрудно. Тебе бы, конечно, у велморийских инструкторов потренироваться или у тапанцев, у них есть интересные элементы. Выберем время, обязательно слетаем на Велмор, было там у меня несколько знакомых. А кто тебя учил?

— Не скажу, — покачал головой я. — Потому что ты не поверишь.

— Скрытный ты… принц, — фыркнула Осока. — Ладно, не говори, раз не хочешь. Просто имей в виду, я не собираюсь смешивать работу с частными знакомствами. Допустим, были у тебя знакомые джедаи, или сейчас есть, моему Повелителю об этом знать вовсе не обязательно.

— Вот как?

— Да. А почему спросила… То, чем ты пользуешься в поединке – жуткий винегрет из разных джедайских стилей…

— А ты, значит, используешь какой-то один? — не удержался я от подколки.

— Ну-у… я-то знаю их все по отдельности, — нашлась Осока. — А у тебя фрагментарно. Не говорю, что это плохо, освоить всё твоих способностей не хватило бы. Да и времени заняло бы кучу. Пожалуй, в данной ситуации и я бы учила примерно так: только то, что нужно, — продолжала размышлять вслух она. Усмехнулась: — Конечно, если бы мне можно было доверить ученика. Вообще, у тебя интересная манера нанесения ударов. Временами напоминает Кеноби и Анакина… прежнего Анакина. Временами – Айлу, Шакти, даже Луминару. Загадка, да и только.

Она была в шаге от догадки, достаточно было лишь вспомнить, что все эти мастера, кто меньше, кто больше,

приложили руку к обучению самой Осоки. Но, к счастью, в такое невероятное предположение просто не смогла поверить, как я ей и говорил.

— Отдохнул? Ещё займёмся? — предложила она.

— Я пока пас.

— Да, пожалуй, не следует тебя перегружать после долгого перерыва. Тогда предлагаю пообедать.

До прибытия мы всё-таки успели насладиться и едой, и долгим разговором, как я хотел. А затем муть гиперпространства исчезла, и на скуловой секции экрана появилось изображение планеты Ръен Вар, белой, словно шарик мороженого. Как Орто Плутония. Осока попросила посадить «Амидалу» в Гавани – одном из двух, так сказать, «населённых пунктов». В нём селился обслуживающий персонал вспомогательных систем имперской станции наблюдения. Гигантские чаши её антенн на ближайшем горном плато были видны ещё с орбиты. Кроме того, Гавань служила местом отдыха для старьёвщиков, трудившихся на корабельной свалке в астероидном поясе Бардо Веруэн, что когда-то был следующей за Ръен Варом планетой системы Топали.

— А это что? — спросил я, приближая фрагмент изображения по левому борту со странным сооружением на горе. По форме это был не зиккурат, скорее, нечто вроде старинной крепости, однако, два высоких портала входов, лестницы и громадная статуя между ними наводили на мысль, что строили сооружение – либо перестраивали – архитекторы джедайского Ордена. А вот эти «пальцы», торчащие на стенах, здорово напоминали купола многоточечного стереотелескопа.

— Цитадель, — сказала Осока. — Там расположена основная часть станции слежения. А статуя изображает древнего героя Ордена, если не ошибаюсь, его звали Росс Мысливец.

— Как?? — изумлённо переспросил я.

— Росс Мысливец. Говорящая фамилия, верно? Должно быть он был *ари*, как и ты.

— Имя ещё более говорящее. В древности так называли представителей конкретно моего народа.

«*Ещё один землянин?*» — произнёс голос Падме в микродинамике у меня за ухом. Я кивнул и продолжил, будто рассуждая с Осокой:

— Возможно, он попал сюда так же, как тётя Джобель и Белый Админ.

Кораблей на заиндевелом пермакрите стоянок Гавани было не так много, от силы два десятка, свободных мест оставалось в три раза больше. Осока, переговорив с диспетчером в имперском мундире, выбрала для нас местечко в ближнем ряду, у стены длинного здания высотой примерно в шесть-семь этажей.

— Процедура займёт два или три рабочих дня, — сказала мне Осока. — До окончания на корабль я не вернусь, не стоит привлекать излишнее внимание. Буду нужна экстренно – набери мне на комлинк, но без видеосеанса.

— Ясно.

— А к тебе убедительная просьба: не расспрашивай никого, что здесь произошло.

— Бережёшь меня от неприятной информации?

— Тебе, наверное, хочется, чтобы я сказала «да»? — Осока выжала из себя улыбку, а глаза её оставались тоскливыми, как у зверя в зоопарке. — На самом деле, это тоже привлекло бы внимание. Поэтому дай мне слово.

— Даю слово, что не буду расспрашивать никого об обстановке на планете, — с лёгким сердцем произнёс я. Поскольку и не собирался этого делать… в определённом смысле слова.

— Хорошо. Ну, мне пора…

— Иди…

Мне очень хотелось поцеловать её на прощание, но нет, не время, ещё не время. Я протянул руку и погладил

её полосатый «башлык» в том месте, где начинается правая лекка, чуть захватывая большим пальцем внутреннюю сторону. То, что ей это приятно, я знал по прошлому опыту, и это нисколько не изменилось: она даже едва заметно качнула головой, словно хотела подставить щёку под ладонь, но опомнилась.

— Как странно. Возникает чувство, будто ты знаешь меня лучше меня самой, — тихо произнесла она. Положила руку мне на плечо, то ли легонько похлопала, то ли погладила: — Не скучай.

Чего-чего, а скучать я, как раз, не собирался. Первым делом после ухода тогруты – отправился на местную барахолку. «Городок» Гавани был выстроен из пластиковых щитов и листов астероидного железа в пустом нутре древних зданий, внутри которых почему-то не было межэтажных перегородок. Или они не сохранились со времён постройки. Нижний этаж халуп стоял на каменном полу громадных залов, второй – крепился к вмурованным в стену консольным балкам, и снизу к дверям их тянулись металлические лесенки разной крутизны и разной степени хлипкости. Клетушки третьего этажа соединялись мостками с «верхней улицей», проложенной между длинными вертикальными кронштейнами осветительных ламп, там, вверху, царил полумрак, слегка рассеиваемый редкими светильниками и системами зеркал, которые ушлые обитатели подставляли в световой поток нижних ламп и, таким образом, освещались на халяву. Рынок оборудования здесь имел сравнительно небольшие размеры, но по ассортименту не уступал более крупным барахолкам. Практически в каждой лавочке имелись объявления: «На витрине не всё, спрашивайте», написанные на базик, тионском и хаттскими закорючками. Увы, процессора под жаргонным обозначением «жемчужина», я не нашёл и тут. Зато ко мне несколько раз подкатывались субъекты с вопросом, нет ли

трупов на продажу. Нет, это были не торговцы органами, они скупали вышедшие из строя кристаллосхемы. Последние неизменно пользовались спросом везде, где стояли имперские части. Хитромудрые техники приобретали их, делали акт, что кристалл вышел из строя, предъявляли для списания «труп» и выписывали на складе новый. А снятый работающий процессор толкали тем же торгашам. Я поинтересовался ценами, отловил одного из них, пощедрее, и повёл на стоянку к «Амидале», где вынес к трапу наш запас горелых процессоров.

— Хорошая партия, господин офицер! — расплылся в улыбке коротышка-*сквиб*, отсчитывая кредитные слитки. — Ради такой стоило слегка помёрзнуть.

— Не стыдно с твоим-то мехом называть эту слякоть морозом? — осведомился я.

— Ха-ха, не знаю, как вы, люди, а мы существа преимущественно теплолюбивые! — сквиб закинул котомку, куда сложил кристаллы, на плечо, и потопал к дверям здания-посёлка.

Махнув на торгаша рукой, я снова поднялся в корабль, выкатил наружу тележку-подъёмник ножничного типа, купленную на Батаеве, и передвинул её под корму.

— Собираешься работать прямо на улице? — тут же спросила Падме.

— А что, надо же когда-то заканчивать начатое? — сказал я. — Пока светло, и погода хорошая, всего минус четыре.

— С ветром все семь! — возразила сестра.

— А от ветра меня корпус загораживать будет.

— Брат, ты одержим! Не иначе, от Иана и Базили заразился! — проворчала она. Впрочем, немедленно занялась созданием для меня комфортных условий работы. Во-первых, включила задний дефлекторный щит, отсекая им порывы ветра, а во-вторых, дала холостой ход двум нижним плазменным двигателям, на чистом огне, без

подсоса через наружный контур. Вот теперь стало совсем хорошо. От разогретых до сорока градусов кожухов шло ровное тепло, я даже снял перчатки, без них было удобнее орудовать инструментом. Так, непринуждённо болтая по интеркому с Падме, я повесил прожектора, приварил крепления для манипуляторов. Один раз снизу меня окликнули местные механики, предложили помощь и закрытый ангар. Я только усмехнулся в ответ:

— Парни, пришли бы вы сразу, может, я и согласился бы на ваш ангар. А тут две трети уже сделано.

На самом деле, я, конечно, нашёл бы предлог отказаться и в самом начале. Не хватало ещё, чтобы они принялись за сварку и сообразили, **из чего** выполнен у нас корпус. Осока права, излишнее внимание нам ни к чему.

— Погоди-погоди, — остановила меня Падме, когда я зашёл за упаковками манипуляторов. — Ты не успеешь их сейчас собрать, скоро уже ребята прилетят!

— А который час? Да, правда. Сейчас кабели протяну, и всё на сегодня. Пойду подбирать место конспиративной сходки.

Памятуя опыт принца Баккардии Флоризеля, что приходить пораньше бывает полезно, я прошёлся по местным кабакам ещё утром, а сейчас заглянул в них ещё раз, при вечернем наплыве публики. Кантину, показавшуюся мне с утра наиболее привлекательной, пришлось отбросить – в ней, оказывается, любили ужинать господа имперские офицеры. Пришлось выбрать другую, названную с явным намёком «Каменный мечник». Попросив Падме передать это название экипажу «Ревнителя», который должен был буквально с минуты на минуту выйти на досвет в окрестностях планеты, я приступил к более вдумчивой оценке обстановки при помощи глаз, ушей, чашки кафа и местного толстого бутерброда. Обрывки разговоров вокруг ничего

интересного, вроде бы, не содержали: о бабах, об азартных играх, о кораблях, снова о бабах. Как вдруг…

— А когда увидели груз, вообще зашкалились, — долетел до меня глухой голос с гнусавым дуросским акцентом.

— Груз? — перебил другой. — Кончай врать, Стази! Кто же будет на этой модели груз возить? Куда его класть, в коридоры, что ли? А ракетный отсек вообще слёзы.

— Так-то оно так, но Лимпан говорит, у этой есть полноценный трюм. Палубы смещены на метр вверх.

Что? Палубы – на метр?? Но это же точное описание «Амидалы» с точки зрения того, кто прежде видел лишь серийную «Мглу». Я скосил глаза в направлении соседнего столика и увидел собеседников – зелёного дуроса и человека с буроватой кожей, что-то ближе к цвету хаки, чем к нормальному загару, и причёской из трёх продольных полосок волос: боковые острижены совсем коротко, средняя подлиннее, но не стоит торчком, как у настоящего панка, а зачёсана к затылку. Рассказывал, как я и предположил, дурос, а «недопанк» слушал со скептической миной.

— Самая жесть началась, когда они полезли дальше, на жилые палубы… — продолжал безносый потомок рептилий с Дуро.

— И что там?

— Они туда **не попали**. Нашли разборные секции перекрытий, а ни открыть, ни разрезать не удалось.

— Значит, инструмент был дерьмовый, — сказал недопанк. — Я всегда говорю, не надо жадничать при покупке того, чем будешь работать сам.

— Да? — сощурился дурос. Взял со стола стакан, щёлкнул зажигалкой, поднёс. — Видишь?

— Ну.

— А ты видал когда-нибудь, чтобы искросиловой резак к чему-то подносишь, а жало так вот расплывается? Вот Лимпан тоже впервые увидел.

— Брехня всё это, Стази, а ты веришь! Спросил бы, что курил твой Лимпан перед абордажем. Он, по твоим словам, и корпус прорезать не смог. Резак у него дурил, вот что я тебе скажу!

— А я скажу другое. Лимпан нашёл ещё один лаз, в носу. И даже открыл. Да наткнулся на поле. Странное поле, газ сквозь него проходит, и не видно его, а пощупаешь, пальцы как в ртуть погружаются. Их штурман поднатужился, руку до запястья засунул, а дальше всё. Вытолкнуло обратно.

— Ну, это уж ни в какие ворота не лезет! Так действует крепостной дефлекторный щит, но для него генератор нужен размером с ту самую «Мглу»! Врать вы горазды, вот что.

Я сидел, затаив дыхание. Нет, неизвестный приятель дуроса не лгал, всё сходилось. Пираты попали к нам на нижнюю палубу, извлекли груз, но не смогли пройти ни в машину, ни в рубку, хотя лаз, точно, открыли и выпустили воздух из рубочного зала. Самое странное заключалось в том, что внутри корабля у нас нет генераторов силовой стенки, кроме одного места – подиума. Непонятно всё это. Ну, во всяком случае, теперь мы знаем имя вора, его зовут Лимпан. Кстати, эту фамилию я уже слышал когда-то, но не мог точно вспомнить, где. Ладно, сейчас придут ребята, и мы с этим дуросом поговорим обстоятельно.

И тут я допустил ошибку: слишком надолго задержал взгляд на «недопанке». Тот покосился в мою сторону, и глаза наши встретились. Человек нахмурился. А затем с ним произошло неприятное преображение – из спокойно и иронично рассуждающего собеседника он превратился во взбешённого гопника.

— Ты!! Чего уставился?? — взвизгнул он, словно Зед из «Полицейской академии».[1] — Стази! Он нас подслушивал! Это шпион!!

Дурос, набычившись, повернул ко мне голову с красными глазами без зрачков.

— Бросьте вы, парни! — миролюбиво сказал я. — Я и не слышал-то ничего, отдельные слова.

— Чего ж тогда ушки так навострил? — не желал успокаиваться недопанк. — А ну, пойдём на улицу, побазарим.

— Не вопрос, — сказал я. — Вот доем и сразу пойду.

Недопанк и дурос встали и направились к выходу. Я особо не волновался на их счёт. Допустим, Корки придёт на встречу один, тогда нас будет двое на двое, тем более, что дурос, скорее всего, хорошо стреляет, как все они, но в драке накоротке не очень опасен, слишком долговязый и худосочный. А если мандалоров будет двое или трое, напасть на нас вообще не рискнут… Однако, успокаиваться я поторопился. Недопанк, идя по центральному проходу, пощёлкал пальцами, и из-за столика неспешно поднялись ещё двое. Лысый, как колено, здоровяк со сломанным носом относился к человеческому виду и на Земле мог бы сойти за профессионального боксёра, второй, коренастый, был отчасти похож на *виквая*, только с дополнительными шипами на роже и ноздрями как у гориллы. Итого, четверо. Вот это действительно хреново. Надо тянуть время, ждать Корки и ребят.

Увы, этого-то, как раз, мне сделать и не позволили. Не успел я сделать и пары глотков кафа, как ко мне приблизился кабатчик-*сниввиан*.

— Господин, я бы просил Вас покинуть наше заведение, — почти ласковым тоном произнёс он. — С

[1] «Police Academy 2: Their First Assignment», реж. Дж. Пэрис, 1985

Вашей стороны весьма невежливо заставлять ждать уважаемых в нашем городе существ. Нет-нет, денег не надо, всё за счёт заведения. Прошу Вас, проследуйте к двери…

Дело приобрело явственный запах керосина. Уж от кого, а от представителя этой расы я подобной подлянки не ожидал. Сниввиане, хоть и некрасивы с человеческой точки зрения, поскольку выглядят чистой воды карикатурой на нас, обычно отличаются интеллигентностью и высокой культурой. Ну, знать, в семье не без урода. Я встал. Хоть как-то стараясь сохранить лицо, сказал:

— Я ещё загляну к Вам, **любезный**. И тогда сразу рассчитаюсь за всё.

— Вы сначала загляните, а потом рассчитаетесь, — таким же елейным голосом произнёс кабатчик.

Медленно я подошёл к выходу. Недопанк маячил на улице в шести-семи шагах от двери. Бластер его оставался пока в кобуре, но положение кисти правой руки заставляло предположить, что в ней зажато нечто острое, скрытое пока за рукавом куртки. Увидев, что я притормозил, он сказал с подначкой:

— Ну, что мнёшься? Струсил, слабак? Мужской разговор вызывает дрожь в коленках?

Я мысленно послал его в задницу, сейчас не до него, надо сообразить, где могут располагаться остальные. Очевидно, стоят по обе стороны двери, на их счастье, она не распашная, а раздвижная. Ждут момента схватить или треснуть сзади чем-нибудь тяжёлым. Да, точно, ухо уловило, как сопит тот, что справа, сломанный нос мешал ему дышать тихо. Ну, что же, придётся драться насмерть, убивать, не то убьют меня. Незаметно двумя пальцами я вытянул меч из пенала. Пожалуй, обратный хват, как любит работать Осока, сейчас предпочтительнее – дистанция-то невелика.

— Молись, урод! — громко и максимально истерично выкрикнул я, бросаясь в атаку. Вернее, делая вид, потому что знал: два ублюдка за дверью ждут именно этого. Сместился вправо, пригнулся, кнопку – мизинцем, и вскинул руку, подставляя полосу синего огня под летящую сверху руку с зажатым в ней «тупым твёрдым». Чёрт, отрубленная дубинка, падая, всё же зацепила меня по плечу! Разворот, повернуть рукоять перпендикулярно, и чужака – поперек живота, вместе с клонской кирасой времён войны. Считая «боксёра» по-прежнему представляющим угрозу, я отскочил в сторону, но он больше не помышлял об атаке, с каким-то детским удивлением глядя на отрубленную по запястье правую руку. Кисть, всё ещё сжимая дубинку, валялась на одной из ступеней крылечка. Жалеть подранка было некогда. Сменив хват на прямой, я ткнул его в сердце. Развернулся к недопанку, одновременно услышав металлическое звяканье на мостовой. Отбросив в сторону приличных размеров вибронож, забияка лапал кобуру бластера. Хреново. Не допрыгну, выстрелит раньше. Укрыться тоже было негде.

И тут в голову пришла спокойная, словно бы чужая мысль. Спасёт меня только блеф, наглый и беспардонный. Я дважды резко взмахнул мечом, порождая характерный звук, и ледяным тоном спросил задиру:

— Хочешь умыться собственной плазмой?

Рука недопанка замерла.

— Бежим, идиот! — закричал дурос, он, оказывается, всё это время наблюдал за схваткой из-за толстого фонарного столба. После чего сам подал пример, бросившись прочь по улице. Недопанк с завидной прытью метнулся следом. Прямо на вышедшую из-за угла парочку – мужчину в длинном пальто и девушку в чёрной блестящей пелерине поверх брючного костюма.

— Хватай дуроса!! — заорал я. Персонально для девушки. Сони отреагировала моментально. Подножка,

прыжок, и она сидит на поверженном противнике, блокируя руки. А вот недопанк, извернувшись, сумел избежать захвата Корки, поскользнулся, замахал руками, удерживая равновесие, и, будто бегун с низкого старта, побежал дальше.

— Второго не упусти! — выкрикнул я на базик. — Он видел клинок!

Корки бросился вдогонку. Недопанк метнулся в сторону, туда, где располагался переход в соседнее, перпендикулярное здание. Бластер возник в руках Корки как бы из воздуха. Сдвоенный выстрел – и мандалор уже неторопливо, с характерной ленцой профессионала, отогнул полу пальто и вложил оружие в кобуру.

Я наклонился над дуросом. Чёрт! Изо рта у него шла кровь, потомок ящеров хрипел.

— Ты слишком сильно его приложила! — воскликнул я.

— Нет, — возразила Сони, — я осторожно.

Корки опустился на одно колено, посмотрел, констатировал:

— Откусил себе язык. Видно, очень боялся, что допросим.

Глаза дуроса подёрнулись туманом, он дважды коротко выдохнул, дёрнув головой – засмеялся, что ли? – подавился последним кашлем и затих.

— Уходим, — распорядился я. — Быстрее.

— Идите, — кивнула Сони. — Я понаблюдаю, меня не заподозрят.

Она быстро сняла накидку и вывернула наружу другой, белоснежной стороной, двумя движениями спрятала под штанины голенища мандалорских сапог. Да, в таком виде обычная солдатня вряд ли решит, что она в чём-то может быть замешана. Максимум, опросят в качестве свидетеля, и то, скорее, с целью познакомиться. Безопасников, конечно, смазливой внешностью не

проведёшь, но их в таком крохотном подразделении от силы пара человек, и то не самые лучшие.

— Наследил я, — огорчённо сказал я Корки, петляя вместе с ним между лачугами дома-посёлка. — Сейчас тут такой хай поднимется… Весь гарнизон на уши встанет.

— Не факт, — возразил мандалор. — Ты меч прямо в зале включил?

— Нет, на крыльце, когда меня оглушить попытались.

— Тогда, свидетелей минимум, и не обязательно они захотят тебя заложить. Кстати. Почему не отсиделся внутри до нашего прихода?

— Кабатчик выставил.

— Вот *дианога* помойная! Ладно, *стрилл* с ним, рано или поздно свои прирежут.

— Надеюсь. Сюда! — я открыл толстую гермодверь, и мы выскользнули в быстро темнеющую после заката морозную белизну Ръен Вара.

5. Тень Света

Отбросив конспирацию – хуже того, что произошло, могла быть только пресловутая будёновка и белый конь у ворот Имперской канцелярии[1] – я привёл Корки прямо на «Амидалу». И безопаснее, и взлететь можно моментально.

— Итак, предыдущие обязательства выполнены? — спросил я, усевшись напротив него на диване рубки.

— С лихвой, — подтвердил он. — Там такое всплыло… Ну, пусть думают те, у кого головы большие. Теперь к нашим задачам. Что нужно в данный момент?

— Теперь не знаю, — развёл руками я. — Всё зависит от того, насколько сильно колыхнёт ситуацию мой прокол.

---

[1] Из дурацких анекдотов на тему «Никогда ещё Штирлиц не был так близок к провалу»

— По Вашей оценке, можно обратиться к Ней, с тем, чтобы уладить ситуацию?

— Думаю, можно. Но нежелательно.

— Понимаю.

— И, вот что, давай уж на «ты», так проще.

— Договорились, — он включил комлинк, спросил: — Сони, *ме'ваар*?

— *Ятэй*. Тихо, как на кладбище, — отозвалась та. — Подожду ещё немного и возвращаюсь.

— Вот такие простые нравы на этой планете, — усмехнулся Корки. — Драка, трупы… происшествий нет.

— Отлично. В таком случае, спокойно работаем. Нужно провести разведку. Установите, что здесь произошло такого, что потребовалось присутствие Руки Лорда.

— Сделаем.

— А в перспективе нам нужно будет забрать и развернуть кое-какое оборудование, в дальнейшем оно поможет нам прокормиться.

— Каким образом?

Я стал объяснять. Корки внимательно выслушал, а затем предложил идею: откачку топлива с «самогонных аппаратов» поручить надёжному подрядчику. Дабы не отвлекаться на это самим.

— Тогда и продажу тоже, — сказал я.

— С продажей проще, торгаши не будут знать, откуда энергоноситель. На танкере ненадёжных быть не должно.

— Согласен. Иначе только мы и видели свои установки. И свою монополию на эту технологию.

— Монополию сохранить проще. Подрывные заряды на демонтаж, — улыбнулся Корки.

— Кстати, да. Но это на крайний случай, установки-то придётся заказывать заново. Подумай, кого можно нанять, я тоже поищу по своим каналам.

— Тогда – до связи?

— *Рэйт*, — блеснул я знанием мандалорского этикета.

После ухода Корки я подробно пересказал Падме всё, что услышал от покойничка-дуроса.

— Думаешь, это не байки? — усомнилась она.

— Во всяком случае, это очень складно объясняет, почему они не добрались ни до жилой зоны, ни до машинного отделения. А также вакуум в рубке и то, что тут ничего не пропало.

— Но тот бандит был прав, я не способна создать такое мощное поле, у меня вообще нет внутренних генераторов, ты же знаешь. И Силой я не владею.

— Сознательно – нет…

— А в противном случае – только предполагать, что вмешалась сама Дочь. Хотя… Интересно. Я сейчас вдруг поняла, что могу точно сказать, как она выглядела. Хотя, естественно, её не знала.

— Ну-ка, ну-ка, — заинтересовался я. — Покажи? На себе.

— С лёгкостью!

Она поднялась с дивана, по её изображению прошла рябь, и Падме превратилась в очень высокую, худую, как звезда модных показов, женщину с невероятно пышными волосами цвета весенней зелени, миндалевидными зелёными глазами и очень правильными, но какими-то немного «холодными» чертами лица.

— Красиво, — одобрил я. — Даже, я бы сказал, идеально красиво.

— Так и должно быть, — сказала она. Тембр голоса у неё тоже изменился, стал ниже, глубже, каким-то объёмным, что ли.

Не удержавшись, я потрогал её волосы. В зелёных глазах мелькнуло удивлённое выражение, затем Падме-Дочь засмеялась:

— Ох… Получилось даже слишком хорошо! Сказать, о чём я подумала? «Раньше я не любила, когда ко мне прикасаются простые смертные».

— Занятно. Есть идея: останься такой на некоторое время. Вдруг что-нибудь интересное вспомнишь?

— Да, давай попробуем. Хватит, хватит любоваться, раскладывай стол, я тебя накормлю.

С нескрываемым интересом я наблюдал за тем, как моя сестрица в новом теле накрывает на стол. Все её движения, жесты стали немного другими, а походка по плавности не уступала самым грациозным из твилек.

— Странно себя чувствую, — призналась она. — Постоянно приходится с собой бороться.

— Почему? А-а, из-за того, что заставляешь её, Высшее Существо, заниматься «чёрной работой»?

— Да, только не «её», а себя, такое ощущение. Садись есть.

— Спасибо.

Падме сделала поверхность одной из видеостен зеркальной, посмотрелась в неё, поправила сверкающее украшение в виде полусферы, закрывающее ухо, словно у твилеки, сказала:

— Смотри-ка, я и не заметила, что сделала себе такое. Помнишь, я носила похожие розетки из сетки и прятала под них волосы?

— Да, конечно, помню, — кивнул я, я действительно видел её с такой причёской в нашем совместном сне. И спросил, как бы между прочим: — Так, всё же, что произошло, когда они полезли в рубку?

— Я почувствовала вторжение и рефлекторно поставила блок Силой, — произнесла Падме, продолжая прихорашиваться. И вдруг остолбенела, осознав, что говорит. Медленно повернулась ко мне, глаза у неё были распахнуты настежь: — Это что, это **я** только что сказала??

— Да, ты.

— Но я не умею обращаться с Силой!

— Получается, умеешь. Рефлекторно, — улыбнулся я.

— На будущее я бы не стала на это так уж рассчитывать.

— Конечно, нет. На Силу надейся, а *эопи* привязывай, как здесь выражаются. Но спасла нас, получается, именно ты.

— Выходит, что так, — она уселась напротив меня, подперев голову руками.

— Удивительная у тебя внешность, — сказал я, неторопливо расправляясь с ужином. — Вроде бы, красота невероятная, и глаза добрые, а есть что-то такое, что держит на расстоянии.

— Даже зная, что я твоя сестра? — она шевельнула тонкими бровями.

— Сейчас ты не совсем она.

— Да, ты прав. Сейчас я немного высокомерна и заносчива, но… это мне не очень нравится, поэтому постепенно проходит.

— Снова внутренняя борьба?

— Скорее, уговоры.

— Главное, не доугоравиваться до шизофрении.

— Не волнуйся, — она накрыла мою ладонь своей. — Я не разговариваю сама с собой, просто позволяю одним эмоциям существовать, а другие сглаживаю. Ах… — тихонько вскрикнув, Падме вдруг быстро отдёрнула руку и зачем-то внимательно посмотрела на моё запястье.

— Что такое?

— Военный *лэндспидер*. Проехал рядом с нашей стоянкой.

— Проехал и проехал. Зачем так волноваться? — удивился я.

— Я не оттого. Просто стала подключаться к системам корабля, чтобы развернуть сенсоры, и вдруг показалось, что превращаюсь в грифона. Осока тебе

рассказывала, наверное, что я это умела? Побоялась тебя оцарапать когтями. Знаешь, пожалуй, хватит экспериментов! — Падме, будто сменив кадр, вернула себе нормальную внешность, осталась только причёска, украшенная полосками-лентами из золота и золотые полусферы поверх ушей.

— И всё? Ты – снова ты?

— Вернее сказать, я – только я. А не девушка-грифон с Мортиса.

— Кстати, по поводу грифона… Я бы на тебе с удовольствием полетал, — улыбнулся я.

— Что? — фальшиво возмутилась Падме. — Ты и так три года на мне ездишь!

— Езжу я на корабле, а вы с ним не одно и то же, — резонно возразил я. — Недавние события это доказали.

Словно в ответ на мои слова, свет в гостиной дважды мигнул. Я подозрительно посмотрел на кузину. Выражение её лица было непроницаемым.

— Это ты? — спросил я.

— Я, я, — расхохоталась она.

— Как маленькая, честное слово.

— Что, испугался?

— Удивился, — поправил я. — Чего мне пугаться, я доверяю и тебе, и кораблю.

— А Осоке? Этой Осоке? — стала вдруг серьёзной моя сестрица.

Я вздохнул:

— Спроси чего полегче.

Следующим утром мы занялись тем, что накануне обсуждали с Корки – поиском надёжных людей, которым можно было бы поручить доение наших энергостанций и сдачу топлива розничным торговцам. Так как мы были не простым, а штабным кораблём, в компьютерах «Амидалы» хранилась полная кадровая база данных компании. Все командиры кораблей, пилоты, инженеры. Имея столь

исчерпывающие данные, нетрудно было запросить сведения о них в Голонете. К тому же, многие капитаны и пилоты были участниками значимых исторических событий, и их биографии имелись в виртуальной Библиотеке Храма, аккуратно пополняемые автоматическим поисковиком. Именно их, бывалых, мы с Падме проверяли в первую очередь. Затем взялись за остальных. Увы, самых известных и нанимали охотно, предлагая роскошные условия. За время, прошедшее с момента смены власти на станции «Румелия», большинство народа успело устроиться либо в компании, либо к местным администрациям секторов и систем. Перекупить их вряд ли удастся, корпорации платят очень хорошо, регионалы – просто хорошо. Кое-кто работал в подозрительных организациях, Библиотека услужливо подсказывала, что одни из них – прикрытие оргпреступности, другие связаны с реблами. Эти тоже не годились. Попробовать стоило, разве что, с теми, кто предпочёл остаться независимым и промышлял частными перевозками. По имперской терминологии это подпадало под определение «контрабанда», непонятно почему: по мне, так это было равноценно признанию, что Империя не едина, а внутри неё существуют некие самостийные правительства, ей неподконтрольные. Падме предложила повнимательнее приглядеться к четырём капитанам, имевшим собственные корабли и стабильный состав экипажа. Троих я знал лично, четвёртого в прошлой жизни нашли Вао, а их рекомендация для меня тоже имела немалый вес.

Перед обедом на борт поднялась Сони. В своей белоснежной накидке с капюшоном, длинных перчатках серо-стального цвета и брюках с пижонскими клешами она ничем не напоминала мандалорианку и, лишь когда накидку сняла, образ сразу изменила бескаровая кираса, надетая поверх куртки с укороченными рукавами. Сони с

ходу спросила, куда можно подключить накопитель, благодарно кивнула, приняв от меня керамическую чашку с горячим кафом – на дворе не Африка, всё-таки – и принялась рассказывать, что удалось выяснить ей и остальным за полдня. Оказалось, что две недели назад в Цитадели произошла диверсия. Взрывом перебили один из энерговодов, одновременно грамотно закоротили другой, отчего, теоретически, могла взорваться энергостанция, но сработала защита, и лишь выгорели выходные преобразователи. Виновных отыскали быстро, ими оказалась ячейка Сопротивления из пяти человек. Сони удалось добыть их портреты и кое-что из данных имперского следствия. В данный момент Рука Вейдера госпожа Тано проверяла данные военных дознавателей и пыталась добыть у обвиняемых дополнительные сведения об их связях. Тонкость состояла в том, что старшему из повстанцев едва исполнилось шестнадцать лет. Четыре мальчика и девочка. Надо сказать, я давно не питал иллюзий типа «онижедети», знал: подростки бывают куда более жестокими, чем взрослые садисты и маньяки. Особенно фанатики с хорошо промытыми мозгами. Но дальнейшая информация мне откровенно не понравилась.

— Один из мальчишек местный, — продолжала доклад Сони. — Мать его работала техником в складском комплексе базы, вот на неё объективка.

— Уволена? — спросил я.

— Казнена по приказу коменданта.

— Хм. То есть, тоже была замешана?

— Нет, не похоже. Амис подпоил одного сержанта после дежурства, по словам того, история была премерзкая. Поскольку причастность госпожи Брейтс имперцам доказать не удалось, комендант пришил ей неповиновение прямому начальнику.

— Доблестная имперская армия… — как ругательство, произнёс я.

— Ага, она самая. Был бы человек, а статья найдётся.

Ещё мандалоры выяснили, что господин комендант прилюдно пообещал выставить тела казнённых подростков на всеобщее обозрение. Что-то это мне очень напомнило. Не столь важно, официальная то политика или инициатива отдельного ублюдка. Раз допускается, значит, с этим согласны на самом верху.

— В общем, ясно, — сказал я. — Отлично поработали. Переключайтесь на поиск подрядчиков. Кстати, посмотрите, нет ли чего по вашим каналам вот на эти четыре корабля и их экипажи.

— Поняла. Наблюдение за Цитаделью не снимать? Я залезла в их систему видеоконтроля…

— Молодец! Продолжай, только не спались.

— Есть не спалиться. Кстати, в тот кабак я подсунула химическую зажигалку, — подмигнула она. — Ползала выгорело.

— Это уже перебор. Но ладно, владельцу будет урок.

Размышляя над полученной информацией, я задался вопросом: а какие, собственно, полномочия имеют «руки», «глаза», и другие автономные «части тела» двух ситов? В Голонете об этом говорилось как-то неопределённо, такое впечатление, что Сообщество само толком ничего не знает. Я полез в Блуждающую Библиотеку и получил занятный ответ. Вестники могли всё… и ничего. Их права были ограничены тем, что поручал босс, ни шагу дальше. Если джедаи во время войны были генералами, и даже падаваны являлись старшими по отношению к солдатам и экипажам кораблей, имперские аколиты сами по себе – ноль. Местные власти и военные были обязаны предоставлять им связь и транспорт по первому требованию, остальное – «в рамках предписания», не более. Другими словами, Осока, например, не могла расследовать обоснованность казни матери подозреваемого, раз обвинение не имеет отношения к теракту.

— Полагаешь, она захотела бы в этом копаться? — усомнилась Падме, когда я озвучил ей эту мысль. — С точки зрения имперцев, вполне логично. Человек, возможно, замешан, а доказательств нет, значит, нужно избавиться от него под любым доступным предлогом. Выполоть заразу с корнем.

— Или шантажировать парня, заставить дать показания. Он не заговорил, мать казнили.

— На самом деле, скорее всего, так и было. Я-то тебе озвучиваю оправдания правоверных сторонников «твёрдой руки».

— Твёрдая рука не обязательно беззаконие. Как и демократия не обязательно бардак.

— Надеюсь, Осока это понимает, — вздохнула Падме, по лицу её было видно, что она в этом далеко не уверена.

Казнь пятерых диверсантов состоялась вечером того же дня, как раз в тот момент, когда я занимался проверкой только что подключённых манипуляторов. Сообщил мне об этом Корки, через комлинк. Он говорил, и губы его кривились от отвращения:

— Представляешь, что придумал этот урод в фуражке? Вморозил их в лёд живьём! А ледяные блоки приказал выставить у входа в Цитадель.

— **Она** присутствовала? — спросил я.

— Да.

— И очень пристально смотрела на коменданта, — включилась в разговор Сони. — У меня было чувство, что вот сейчас возьмёт меч, прирежет это животное и остановит изуверство.

— Однако же, не остановила, — вздохнул я. — Всё, идёт, до связи!

На Осоку было больно смотреть. Под глазами её появились чёрные мешки, она вся ссутулилась, ноги переставляла так, будто на каждой привязана пудовая

гиря. Она вышла из кабины турболифта, проходя через дверь гостиной, тяжело оперлась на косяк, с размаху плюхнулась на диванчик.

— Тебя отвлечь или не трогать? — осторожно спросил я.

— Спасибо за заботу. Лучше не трогай. Я сейчас кидаться могу, — сказала она.

Я кивнул. Какое-то время мы сидели молча, тишина казалась вязкой и давящей. Глядя на тогруту, я думал о том, что сейчас она, должно быть, проклинает себя за то, что осталась «в контексте» и не остановила изуверскую забаву коменданта. И вдруг в голову мне пришла интересная идея. Я спросил небрежным тоном:

— Скажи, в имперской армии принято, чтобы офицеры проходили обследование у психиатра?

Осока внимательно посмотрела мне в глаза:

— Ты, всё же, полюбопытствовал…

— О чём ты? — я сделал самое невинное лицо, какое умел. — Я просто спрашиваю, как часто офицеры обязаны проходить медосмотр, и включает ли он осмотр у психиатра.

— Ладно. В таком случае, просто отвечаю, — губы её тронула сардоническая улыбка. — Термина «психиатр» в армии нет, есть военные психотерапевты, они осматривают персонал после участия в боевых действиях и по запросу командования. Любопытство удовлетворено?

— Вполне.

— Превосходно, — она улыбнулась уже по-настоящему. — Но, всё равно, ты – гений, Алекс! Позволь отправить сообщение с твоей станции?

— Милости прошу.

Она почти что бегом спустилась с подиума, уселась за пульт связи и систем наблюдения.

«*Пишет запрос о проведении психотерапевтической проверки майора Подуцеду в связи с неадекватным*

поведением на службе!» — сообщила мне Падме на экран-пульте, добавив штампик «губной помадой», заменявший у неё в текстовых сообщениях смех.

«Замечательно», — набрал я на голографической клавиатуре.

«*А теперь – краткий доклад своему хозяину…*»

«Запиши, потом прочту».

— Всё, ждём ответа, — Осока возвратилась на подиум. — А комендант пройдёт проверку. Вернее, **не пройдёт**. Такие, как он, позорят репутацию Империи!

Я хотел съехидничать, что рыба тухнет с головы, и про консерваторию, где надо что-то менять, но вовремя сообразил, что сейчас это не вполне уместно, только разозлит её, и спросил просто:

— Полегче немного?

— Совсем немного, — ответила она. — Хорошо, что наказали, но всё равно омерзительно. Имперский офицер опустился до такого!

— Ротация, — неожиданно для самого себя посоветовал я.

— Чего?

— Менять их надо, вот чего. От долгого сидения на одном месте либо заводят «друзей» и начинают принимать подношения, либо, как этот Подуцеду, от безделья съезжают по фазе. У вас, насколько мне известно, этого не понимают… как и у меня дома. Хоть ты скажи своему повелителю, что ли.

— Странно, — покачала головой Осока. — Мне казалось, ты настолько не любишь Империю, что тебе чем хуже у нас, тем лучше.

— Так может рассуждать только последний циник. Которому всё равно, сколько из-за этого «хуже» погибнет людей, лишь бы свалить власть.

— Увы, большинство мятежников считают именно так.

— Ты забыла, что я не ребл и никогда не был, — нечаянно в рифму заметил я. В другой ситуации я бы возмутился, что она ставит меня на одну доску со всякими, однако, понимая, в каком состоянии сейчас Осока, решил не заострять. Да она и сама поняла, сказала:

— Ты прав, извини.

Прошло несколько минут. Потом по паутине Голонета поступил ответ. Осока его читала внизу и не видела, как Падме передала мне содержание:

«*Приказано к заданному сроку прибыть в систему Ламуир, Тапанский сектор. Времени на это… 6 суток и 9 часов с минутами*».

«А лёту?» — отстучал я.

«*По экономной – 2 суток 16 часов, расход 6720. По кратчайшей – экономим 8 часов, но расход 12630*».

Я кивнул, прекрасно понимая, что кроется за её выкладками. По кратчайшему пути вместо двух коррекций потребуется целых пять, отсюда и лишние тонны энергоносителя.

«*Посмотрим, что скажет нам*», — написала Падме. И тут же погасила текст, так как Осока обернулась к подиуму.

— Алекс, — сказала тогрута, — меня посылают в сектор Тапани, поможешь добраться?

— Конечно, куда скажешь, — ответил я.

— Топливо, как обычно, с меня. Да, за счёт скорости «Амидалы» у нас может образоваться сколько-то свободного времени.

— А вот это просто замечательно! — воскликнул я. В голове у меня уже зрел план. Первоначально я хотел отправить более медленный «Ревнитель» за преобразователями на Лантиллис, он ближе, а сам заскочить на Батаев за зеркалами и встретиться с ними в какой-нибудь системе, удобной для развёртывания первой энергостанции. Сейчас можно было поступить иначе.

Мандалоры летят вперёд, подбирают в разных системах удобные астероиды и забивают в них якоря для крепления, а мы смонтируем сами «самогонные аппараты», не зря же я устанавливал манипуляторы.

— Что ты считаешь? — спросила Осока, поднимаясь ко мне.

— Маршрут. Ты не будешь возражать, если мы сначала заедем кое-куда по моим делам? Надо забрать заказы и установить оборудование.

— В принципе, я не против, — согласилась она, — главное, чтобы времени хватило. И не впритык, как в этот раз.

— Нет, разумеется. Вот смотри. По прямой нам лететь пятьдесят шесть часов. Вот так, с заходом на Батаев – шестьдесят восемь. Меньше трёх суток. Два с половиной дня отводим на дела, тогда имеем сутки в запасе.

— Будем считать, уговорил, — кивнула Осока. — Пойду, приму душ, чувствую себя, будто меня два дня в грязи валяли. А ты готовься к отлёту.

— Ужинать будешь?

— Нет. Спасибо, — сказала Осока. И добавила, как бы оправдываясь: — Сегодня кусок в горло не полезет. Поешь сам чего-нибудь, если хочешь, а мне сделай карлинского чая.

Она ушла, а я, связавшись с «Ревнителем», быстро изложил новую задачу. Через несколько минут крылатая тень пронеслась над Гаванью и, блеснув факелами двух плазменных двигателей, ушла в вечернее небо. Мы, в принципе, тоже были готовы стартовать, но мне мешал подносик с закусками, лежащий на коленях. Его вручила Падме, не обращая внимания на мои вялые протесты.

— Нечего-нечего, — заявила она. — Чтобы всё съел, здесь не так уж и много. Не забывай, я всё вижу!

И растаяла, пока не вернулась из душа Осока.

6. Ночной инцидент

Ночью в гиперпространстве мне опять приснился сон, ясный, отчётливый и неприятный. Я видел станцию «Румелия», командный сектор, покои директора, Осоку и Рийо, накрывающих на стол. Рийо, заметив, что я смотрю на них в проём открытой двери, помахала рукой: иди, мол, сюда, у нас всё готово. Я шагнул… но вдруг перед моим лицом, словно нож гильотины, обрушился щит гермозатвора. Каким-то образом я неожиданно оказался в нескольких шагах от закрытой двери, а прямо возле неё возникла памятная тучная фигура имперского представителя. И на его роже появилась глумливая ухмылка мистера Вугола. «Вашей гениальной администраторши больше нет! — продолжая скалиться, заговорил наместник. — Потому что я убил её, ха-ха-ха-ха! А чтобы её вернуть, придётся построить ещё один корабль и обратиться к Тёмной стороне!» Ах ты, гад! Я потянулся к рукоятке меча… и в этот момент звон тревожного сигнала разорвал ткань сна.

— Падме! Что? — на автопилоте выпалил я, ещё не успев разлепить глаза.

— Наша ситская овечка попыталась сканировать тебя Силой, — отозвалась Падме, голос её буквально дымился от праведного негодования. — Пришлось её проучить. Иди, приводи в чувство.

— Что ты… — схватив рубашку, я выскочил в гостиную. И увидел Осоку, стоящую на четвереньках возле задраенной двери каюты. Тогрута с хрипом втягивала в себя воздух.

— Алекс… в моей каюте… утечка, — с трудом произнесла она. Закашлялась. Я поспешно поставил её на ноги, за подбородок приподнял голову, чтобы лучше разглядеть губы. Крови изо рта, вроде, нет. И в глазах

лопнувших сосудов не видно. Спрятав руку за спину, погрозил кулаком. Совсем сошла с ума сестрица, так и покалечить недолго! А мне теперь ещё и выкручиваться.

— Ну-ка, посмотрим, — с озабоченным, как я надеялся, видом, я включил экран на стене над диваном, вызвал сводку целостности корпуса. Падме предусмотрительно высветила данные не по-русски, как обычно, а на базик, чтобы понимала гостья.

— Да, герметичность не нарушена, — Осока почти пришла в себя. — Значит, неисправна система жизнеобеспечения. В каюте вдруг начало падать давление.

— Странно, я её только неделю назад перебирал…

— Лишних деталей не осталось?

— Я, конечно, дикарь, — проворчал я, — но уж не до такой степени дебил! Не знал бы устройства – не брался бы вовсе.

— Не обижайся. От случайных ошибок не застрахован никто, — она тюкнула пальцем в список, перешла в раздел управления жизнеобеспечением. — Гляди, настройка атмосферы выкручена на ноль пять от нормы!

— Бред какой-то, — сказал я. — Ты же понимаешь, вечером параметры были нормальные. Иначе ты бы сразу почувствовала, как только закрыла дверь… — говоря всё это, я лихорадочно придумывал правдоподобное объяснение.

— Неоспоримо, — согласилась она.

— Правда, был у нас случай… — продолжал я. — Генеральный директор пригласила на борт одного из деловых партнёров. Ботана. Ночью этот гад снял стеновую панель, врезал муфту в оптокабель и полез в наши рехены. Реакция корабля была тоже весьма резкой. Но ты ведь не могла делать ничего такого?

— Эноо… — на щеках Осоки проступил румянец, видимый даже сквозь нарисованные «крылья бабочки».

Ну, ну, мысленно подбодрил я, колись! И она, отводя глаза, призналась: — Понимаешь, мне не спалось, я медитировала и… решила посмотреть, что тебе снится.

— Вот это ты напрасно, — покачал головой я. — У нас установлены кристаллические детекторы возмущений в Силе. Корабль-то не знает, что ты там конкретно хотела. Любое воздействие на командира… Счастье, что она тебя не убила.

Моё «она» не было оговоркой: на базик, как и в англо-американском языке, любой корабль называют «she».

— Прости. Я не должна была… — покаянно произнесла Осока.

— Какие пустяки. От тебя у меня тайн нет, — улыбнулся я, добавив про себя: «За исключением тех, которые не только мои». И продолжал с озабоченным видом: — Вот только корабль теперь может относиться к тебе с недоверием.

— С характером она у тебя, — Осока задумчиво окинула взглядом гостиную, потом подняла глаза вверх и, глядя в потолок, произнесла: — Леди «Мгла», простите меня. Я усвоила урок, больше это не повторится.

Умно, ничего не скажешь. Падме не замедлила дать ответ, причём, именно в том стиле, какой следовало ожидать от машины, но почти разумной и своенравной. Я едва не расхохотался, когда на экране перед нами развернулось окно, и на нём возникла надпись:

Голосовая идентификация принята.
Включить объект в состав экипажа?

— Включить, включить, — сказал я и, заговорщицки понизив голос, добавил для Осоки: — По-моему, вы поладите.

— Очень на это надеюсь, — отозвалась тогрута. Помолчала и добавила с улыбкой: — А ты, Алекс, оказывается, мечтатель.

Так. Она, всё-таки, успела что-то увидеть. Наверное, какие-то сцены из нашей совместной истории. И приняла их за желаемое, за мои фантазии. Ладно, будем считать, легко отделался. Узнай Осока что-нибудь о корабле, она бы так спокойно себя не вела.

— Разве мечтать – это плохо? — спросил я.

— Нет, вовсе нет. Главное, идти в нужном направлении, тогда может сбыться.

— Я стараюсь.

Как только я – вернее, мы с сестрой – остались в одиночестве, Падме поинтересовалась:

— По-прежнему сердишься, что я проучила её?

— Нет, — ответил я. — Всё сложилось как нельзя лучше. Я был неправ, прости.

— Ничего, бывает.

Самое интересное, именно после этого ночного инцидента наши отношения вдруг разом стали проще и уже мало отличались от начала знакомства в той, прошлой жизни. Создавалось впечатление, что Осока перестала отгораживаться от меня эмоциональным барьером, а к расхождению наших с ней мировоззрений относилась более спокойно. И, кажется, чаще соглашалась с моими доводами, чем раньше, что меня не могло не радовать. Речь её чем дальше, тем больше становилась похожа на нормальный русский язык, оставался небольшой акцент, но я не сомневался, что и он вскоре исчезнет без следа. Солнечные перегонные установки вызвали у Осоки живейший интерес. Оказывается, она знала о разработках профессора-отшельника, но, как и все остальные, полагала, что они утрачены. Тем не менее, она и словом не обмолвилась о том, что неплохо бы «поставить эту технологию на службу Империи». Наоборот, предложила ту же идею, что и Корки – установить на преобразователи подрывные заряды.

— Я не умею, — вздохнул я. — Может, ты сделаешь?

— До такой степени я сапёрное дело не изучала, — отказалась она. — Подорвать что-нибудь могу, а неизвлекаемость и сложные датчики – не моё. Проще купить готовую мину.

— Да, а потом сам изготовитель за большие деньги её обезвредит.

— Зря ты так. Производители вооружений дорожат репутацией больше, чем кто-либо. Если мина, заявленная как неснимаемая, хоть раз будет снята без взрыва, кто потом будет покупать у этой фирмы?

Монтаж агрегатов особого труда не составил: всё-таки, разрабатывали их бреганцы, а они постарались, чтобы со сборкой справился любой техник или пилот орбитального буксира. Шестиугольное основание соединялось с блоком преобразователя и крепилось на забитый в площадку якорь, три растяжки шли ещё к трём якорям. Вокруг собиралось из шестиугольных же ячеек зеркальное поле. Какой стороной их ставить, было непринципиально, потом нужно было только повернуть в правильном направлении краны соединительных патрубков. И в заключение оставалось смонтировать по периметру подающий трубопровод из стандартных секций. Манипуляторы, которые я приобрёл для «Амидалы», относились к тому же семейству, что на ремонтных капсулах, и я немного умел с ними обращаться. Впрочем, Осока, понаблюдав за моими действиями, сказала:

— Пусти-ка лучше меня. У меня быстрее получится. Без обид.

— Что ты, в мыслях не было, — отозвался я, уступая кресло оператора. — Ты-то где этому научилась?

— Ещё в Храме, на практике. Мы два раза летали разбирать древние кладбища кораблей, искали артефакты. Потом здорово пригодилось. После ухода из Ордена я какое-то время работала орбитальной монтажницей.

Вечером того же дня, когда мы с Осокой запустили первую из энергостанций, пришло сообщение от

мандалоров, они просили при первой же возможности связаться с ними в интерактиве. Я отправил ответ: «Ждите у терминала». Как только Осока отправилась в душ, запросил видеосеанс. Несколько секунд – и на боковой секции блистера в радужной рамке возникло объёмное изображение лица Сони.

— Доброго времени суток, — поздоровалась она.

— И тебе доброго здоровья, — сказал я. — Отчего такая срочность?

— Виделись с постоянным посредником, — сообщила мандалорианка. — Он предложил нам контракт в точке рандеву с тобой.

— Та-ак. Что за контракт?

— Устранение фигуранта.

— Считаете, как-то связано? — усомнился я.

— Посредник назвал мероприятие, на котором будет присутствовать фигурант. Начало совпадает с твоей датой «Д». Слишком хорошо, чтобы быть случайностью.

— Верно, верно.

— В общем, Ко… капитан согласился. Для вида.

— Для вида? — переспросил я. — А мандалорской чести это не противоречит? Вы же не Вентресс, которая могла взять билет и не поехать.

— Безусловно, мы не Вентресс, — кивнула Сони. — Но есть нюанс… — на лице мандалорианки появилась хитрая усмешка. — В интересах действующего контракта позволено очень многое. Лгать, заключать фальшивые соглашения, предавать кого угодно… кроме соотечественников. Всё это подпадает под статью «военная хитрость».

— Прекрасно. Буду знать. Сбрасывай мне весь пакет информации, что дал этот ваш… импресарио. Будем думать.

— Принимай. До связи.

Изображение погасло. Я улыбнулся. Здешняя Сони решительно ничем не отличалась от той, прежней. Она

ведь не зря упомянула про соотечественников, это был прозрачный намёк. К немандалорской части своих корней по линии отца она и в прошлой жизни относилась весьма трепетно. Эх, почему у нас на Земле такого нет, и соседи-славяне всю жизнь норовят передраться друг с другом, а то и между собой?

Сборка второго агрегата прошла без приключений. Немного огорчена была только Падме: в присутствии гостьи она не могла сама опробовать манипуляторы и вынуждена была только наблюдать. А вот в третьей системе, под названием Чардаан, Осока, задумчиво поглядев на подготовленный астероид, вдруг заявила:

— Не стоит здесь монтировать агрегат.

— Предчувствие? Сила? — понимающе сказал я.

— Угу.

— Давай выберем другой камень.

— Нет, вообще в этой системе ничего оставлять не стоит.

— Хорошо, — согласился я. — Двух агрегатов нам на первое время хватит, а для этого найдём место потом.

— Ты так безоговорочно стал мне доверять… Как-то даже неловко.

— Я всегда доверял тебе, Осока Тано, — немного пафосно, но правдиво ответил я. — Просто я понимаю, что есть обстоятельства… и приказы, против которых ты не сможешь пойти.

— Ты прав… отчасти. Я тебе уже говорила, не все приказы я выполняю дословно. А некоторые – именно дословно, и не буквой больше. Пойдём-ка, проверим мою почту. У меня такое чувство, что, как раз, должен поступить приказ Повелителя.

Сообщение от Вейдера, действительно, было. Открыв его, Осока поморгала, спросила:

— Куда??? Да чтоб… — остальная часть фразы состояла из слов, известных мне лишь частично, и явно была нецензурна от начала до конца.

— Опять посылает на грязную работу? — участливо поинтересовался я.

— Если бы! Гораздо хуже! На бал!!

— Ты не любишь танцевать?

— Танцевать, как раз, ничего, а вот так называемое светское общество с его светскими беседами… «Ах, леди, Вы читали недавний бестселлер Как-её-там? А Вы видели четыреста восемьдесят третью серию того восхитительного сериала, где героиня…» — передразнила она какую-то светскую львицу, судя по интонациям, законченную блондинку. — Будто у меня сверхдофига времени читать эту муть и смотреть это мыло! А спросишь, читали ли они историю Гиперпространственной Войны, или, скажем, биографию Малака, делают глаза: «А что это? Кто это?»

— Мне, я так понимаю, там появляться нельзя?

— Не то чтобы нельзя, бессмысленно. Шла бы я просто поприсутствовать, тогда другое дело. А придётся ещё и работать. Повелитель приказывает держаться поблизости от кавалера Лонарда Ропеана и обеспечить его безопасность. Возможен инцидент.

Лонард Ропеан… Главный инженер верфи, которая строила новый секретный суперразрушитель Дарта Вейдера «Палач». Это имя я слышал в разведдонесениях ещё в прошлой жизни. И оно же стояло в пакете данных, переброшенных мне Сони. Именно Ропеана заказчик требовал убрать, и обязательно на этом балу.

— Какого рода инцидент? — спросил я.

— Не знаю, не сказано. Скорее всего, у Повелителя было видение в Силе.

— Нечёткое и неконкретное…

— Ну, да… — кивнула она и тут же возмутилась: — Алекс, ты опять??

— Что?

— То. Ты так каждую минуту и будешь проклинать лорда Вейдера за то, что случилось с твоей сестрой?

— В мыслях не было!

— Правда? — недоверчиво сощурилась она.

— Прислушайся.

— М-м. Да, верно. Зря я на тебя набросилась.

— Знаешь, по-моему, тебе тоже следовало бы больше мне доверять.

— Алекс, я доверяю тебе. Просто не всегда понимаю.

— Когда не понимаешь – задай вопрос, — я снова, как тогда, после поимки имперского казнокрада, подал ей руку ладонью вверх.

— Договорились, — Осока хлопнула по ней своей.

— А на бал мы идём вместе.

Она явно хотела с ходу возразить, но вовремя вспомнила данное только что обещание и спросила:

— И какой будет прок от твоего присутствия? Лишний раз попасть в поле зрения стукачей и наушников?

— Нет. Я тебе помогу. Расстроим планы неких неизвестных нам личностей.

— Ты что-то знаешь?

— Пока только то, что дело попахивает подставой. Разберёмся вместе?

— А давай! — Осока улыбнулась, впервые с момента получения приказа. — Гораздо интереснее, чем ходить хвостом за корпоративной шишкой и следить, чтобы его не грохнули.

Как известно, для поездки на бал Золушке нужно платье. В данной ситуации главное было её в этом убедить. После двадцати минут спора на повышенных тонах и нескольких посылов друг друга в разные места моё терпение лопнуло, и я прямо сказал Осоке, что идти туда в плаще – только народ пугать. Тогда уж для полноты впечатления надо было попросить Вейдера прислать одну из его масок и надеть. А без плаща эта курточка и брючки в обтяг – чистая порнография, можно не сомневаться, что все прыщавые юнцы с их светскими темами для бесед будут её.

— Нет!! — возопила тогрута. — Только не это! Хатт с тобой, летим покупать платье, пока время есть.

Далеко лететь не потребовалось, на гиперлейне с поэтическим названием «След Корабела», что вёл через Чардаан в направлении Тапанского сектора, лежала система Сюррик. Обитаемая планета системы, Тэйр, славилась среди туристов, здесь же проходили ежегодные гонки на свупах, спонсируемые галактическим аналогом земной «Хонды», компанией «Мобкет». Как в любом туристическом центре, здесь можно было найти тучу магазинов, от местечковых «від кутюр»[1] до настоящих филиалов модных домов, всяких «Кампердайн» и «Дэрвдиси». Обо всём этом мне сообщила Падме, она не раз бывала здесь проездом из дома на Корусант и обратно.

— Может, сразу и посоветуешь, куда нам зайти в первую очередь? — попросил я.

— Уже, — улыбнулась сестра. — Я тебе на стекляшку несколько адресов скинула. Не скажу, насколько они хороши сейчас и здесь, но живы до сих пор, я проверила.

Надо было видеть Осоку, с недовольным видом обходящую бутики. На любезных продавщиц, пытавшихся предложить, посоветовать ей что-то, она обращала мало внимания, явно имея перед собой некую цель. Я почти сразу понял, какую. В выбранном платье должно быть удобно двигаться, когда случится «инцидент», и нужно будет защищать фондорского корабела. Тем не менее, поползновения тогруты найти что-то короткое пришлось пресечь в зародыше: Падме в напутственном слове особо подчеркнула, что в секторе Тапани на формальном мероприятии короткие платья уместны лишь для женщин низшего социального статуса. Самой Осоке, думаю, было

[1] Притча во языцех 90-х гг. XX века. Во французском словосочетании **haute couture** (высокая мода) первое слово звучит точно как русское «от». И малокультурные местечковые модельеры однажды перевели его на украинский и написали на вывеске: «Одяг від кутюр».

на это плевать с ситской колокольни, но к чему нам возможные непонимания со стороны местных пижонов? Мы зашли в пятый или шестой по счёту магазин, где клиентов обслуживали три модистки – человеческая женщина, омвати и твилека. Последняя делала что-то на компьютере в кассовой стойке, сквозь прозрачную поверхность голографического дисплея были видны рамки таблиц и окошко калькулятора, в котором девушка бойко вводила числа. На нас она, в отличие от остальных, едва обратила внимание, а вот я… Я, увидев её, чуть не споткнулся на пороге. Вот и ещё одна встреча, на сей раз, похоже, не столь грустная. Да, девушка прекрасно выглядела и явно не бедствовала, больше того, браслет на её руке красноречиво свидетельствовал, что она замужем. Что ж, моя помощь тут явно не потребуется, да, может, и к лучшему. Слишком уж сложны у меня обстоятельства. Пересилив себя и повернувшись к твилеке спиной, я переключился на более насущные проблемы. Две другие продавщицы предложили Осоке несколько вариантов платьев, и она их изучала.

— Это нет, слишком вычурно, — отвергла она первое. — Вот это мне нравится, юбка свободная…

— Да, силуэтом напоминает джедайскую хламиду, — подключился я к разговору и был награждён гневным взглядом, от которого захотелось увернуться, словно от брошенного предмета. Чего она возмущается, девицы всё равно не поймут ни слова.

— Хочешь предложить что-нибудь сам? — ядовито осведомилась Осока.

— Да. Вот это, — я указал на платье, лежащее с другого края от отвергнутого первым.

— В самом деле, леди, примерьте, — подхватили продавщицы, — оно необыкновенно Вам подойдёт!

— Мне больше понравилось второе, — заупрямилась она.

— Примерь оба, по очереди, — посоветовал я. — Не убудет же от тебя.

— Ну… ладно, — согласилась Осока. Всю глубину различия между понятиями «ладно» и «ну, ладно» она постигать уже начала.

Вышло так, как предполагал я. Платье, понравившееся тогруте, смотрелось на ней хорошо, на Осоке Тано вообще всё смотрится отлично, её хоть в мешковину заверни, будет изящно и элегантно… или это я такой пристрастный? Но второе, предложенное мной, было значительно лучше. Его изюминка заключалась в двух юбках разной длины. Нижняя короткая, выше колен, и верхняя, почти до пола, слегка присборенная сзади у талии и распахнутая в передней части. От этого силуэт слегка напоминал земной викторианский стиль, выполненный без фанатизма вроде корсета и турнюра. Та же идея «нараспашку» повторялась и в конструкции рукавов, но они были короче, длинная их часть опускалась лишь чуть ниже локтя. Небольшие сомнения вызвала у меня верхняя часть с низко спущенными плечами, однако, с каждой стороны она поддерживалась парой тонких бретелей, изящно замаскированных под «убежавшие» за край нити шитья. Осока долго изучала себя в зеркале, затем оглянулась на меня, снова посмотрела в зеркало. Сказала неуверенно:

— В принципе, всё нравится, и цвет, и материал приятный…

— …и подогнать нужно совсем чуть-чуть, — вставила омвати. — Тут и тут.

— Да. Но юбка слишком тяжёлая, — продолжала Осока. — Я в ней запутаюсь.

— Девушки, а нельзя ли сделать так, чтобы эта часть снималась? — спросил я.

— Можно, и совсем несложно, — сказала за нашими спинами тихо подошедшая твилека. — Думаю, управимся минут за двадцать. Идём, Тиу.

— Я пока помогу госпоже подобрать обувь, — быстро сказала третья продавщица.

У дальней стены магазина можно было найти всё, что требовалось для завершения дамского наряда: перчатки, головные уборы, сумочки и, понятное дело, обувь. Перебрав два варианта – тут со мной не советовались – Осока и модистка остановили выбор на лёгких средней высоты сапожках. Меня смутил их странный «цементный» оттенок, но оказалось, что я просто не разбираюсь в модных технологиях. Модельную обувь специально делали такой, чтобы её легко можно было покрасить под конкретный наряд. Несколько минут работы жужжащей машины – и сапожки стали такого же дымчато-голубого цвета, столь подходящего Осокиным глазам, как и само платье. На край голенищ модистка наклеила ленту из тонкого золотого кружева с точно таким же рисунком, что украшал лиф.

— Ваши световые рапиры не подойдут к этому платью, мисс, — деликатно заметила продавщица. — Возможно, стоит оформить для Вас ещё и сумочку?

— Пожалуй, — одобрила Осока. — Будет только лучше, если во мне не будут сразу узнавать служащую Империи.

Пока девушки упаковывали платье в пластиковую коробку-контейнер и пересчитывали кредиты, я отошёл к стойке. Да, точно! Пухлая сумочка рядом с компьютером принадлежала твилеке, вон и знакомый узелок-монограмма на застёжке. Быстро отогнув клапан, я сунул внутрь небольшой коричневато-золотистый камешек. Несколько ценных камней я всегда таскал с собой в кошельке на непредвиденный случай: весят они всего ничего, а стоят прилично. Вот и пригодилось. Может быть, она сделает из него украшение. А возможно, когда-нибудь он спасёт её от голода. Ну, не мог я уйти просто так. Муж мужем, а я, всё-таки, был её доверенным лицом, пускай теперь она об этом и не подозревает.

— Узнал её? — спросила Осока на улице.

— Как не узнать.

— А вот она меня нет. Хотя тогда, в Храме, мы общались. Что ты ей оставил?

— Янтарь. Солнечный камень, по-вашему. Как раз под цвет её глаз.

— В который раз убеждаюсь, что ты просто умница. Но и неисправимый романтик, — засмеялась Осока и одобрительно потрепала меня по плечу.

7. Расстроенные планы

Традиция праздновать в середине календарного года День Промышленника уходит корнями в далёкое прошлое сектора Тапани. В столице сектора, на Прокопии, в этот день присваивают почётные звания самым успешным бизнесменам, вручают премии Тапани и Техносоюза изобретателям. Здесь, на четвёртой планете системы Ламуир, в городе Грайль, основное событие праздника – ежегодный бал. На него слетаются гости из всех провинций сектора. Привлекательность мероприятия складывается из трёх факторов. Во-первых, Ламуир находится в зоне так называемых Свободных Миров, неподвластных ни одному из благородных Домов Тапани. Во-вторых, он не является столицей, и здесь нет имперского гарнизона. В-третьих, от Ламуира рукой подать до Фондора с его гигантскими верфями. Именно поэтому сюда прилетает на праздники множество кораблестроителей, а представители любого из знатных семейств сектора чувствуют себя в равно свободных условиях. Вследствие этого, здесь происходит множество дуэлей, несмотря на «строгий» запрет, примерно как в Париже XVII века. Обо всём этом рассказала мне Падме предыдущим корабельным вечером, когда Осока уже спала. Объяснила она и то, как следует вести себя с

местными молодыми бретёрами – буквально на базик их называют «помешанные на мечах» – чтобы избежать дуэли.

— Может, вообще оставить меч здесь? — задумчиво сказал я. Сестра покачала головой:

— Я бы не советовала. Другое оружие в зал проносить запрещено, а случиться может всякое.

На улицах Грайля ещё было светло, а помещение, где проходил бал, окутывал мрак. Освещался лишь небольшой участок возле трёх дверей, ведущих сюда из фойе, дальше шторка из слабого силового поля не позволяла рассеиваться лучам ламп, оттого размеры зала оценить не представлялось возможным. Зато у собравшихся имелся отличный шанс рассмотреть и поприветствовать друг друга. Мы с Осокой стояли возле центральной двери, изучая публику. Присутствующих мужчин, пожалуй, можно было разделить на четыре чёткие категории. Самую большую составляли местные дворяне. Их наряды отличало наличие пелерины, на которой обязательно была вышита златом-серебром какая-то символическая фигура. Очевидно, они играли ту же роль, что и рыцарские гербы. У многих пелерина полностью открывала плечо, застёгиваясь на шнур, пропущенный подмышкой, чтобы не мешать фехтовать, и на поясе с этой же стороны висела рукоятка рапиры. Я впервые видел такое оружие и воспользовался случаем разглядеть внимательнее. По форме рукоятки были ближе к нормальному световому мечу, вернее, как если бы это оружие дизайнили поклонники стимпанка. Инкрустация, гравировка или выпуклый узор, наличие гарды, на мой взгляд, совершенно бессмысленной на таком оружии. Да ещё и цветной темляк, прицепленный за навершие.

— Бретёры, — прокомментировала Осока, проследив направление моего взгляда. — Кисть на темляке означает баронский род, с ними – особенно осторожно.

— Ясно, — кивнул я. — те, которые с махрами – наиболее махровые.

Вторая категория, условно говоря, «технари», были одеты проще, у кого-то украшением служило немного шитья на сюртуке, у кого-то – вычурный пояс или сапоги с богатым тиснением. Скорее всего – высокооплачиваемые сотрудники фондорских верфей либо профессиональными космонавтами. Третьи – «купцы», напротив, предпочитали яркие, богато изукрашенные одежды, а по солидности их телосложения можно было сделать вывод, что от избытка физической активности они не страдают. К базовой линии человечества среди этих двух категорий принадлежало большинство, однако, не все, инопланетян-купцов была почти половина. Ну, а последняя категория носила хорошо знакомые мне мундиры. Имперские. Этих в зале было человек пятнадцать, из более чем ста собравшихся, почти все в высоких чинах. Единственный капитан и ещё три особенно сурового вида офицера званием ниже полковника, судя по цвету кителей, служили в ИСБ и пришли сюда отнюдь не развлекаться.

Что касается женщин, то среди них столь же безошибочно можно было опознать дворянок, пелерины им заменяли шарфы-палантины с вышитыми гербами. У двух знатных девиц костюмы больше напоминали мужские – облегающие брючки и укороченная юбка, а на поясе так же, как у бретёров-мужчин, висели рапиры. Однако. Разумеется, дворянки, как и все дамы имперских генералов, относились к человеческому роду-племени. Чего нельзя было сказать о спутницах «технарей» и «купцов». Пары «человек – женщина другого вида» встречались довольно часто. Много было твилек, как и везде, и вронианок, их планета находилась недалеко отсюда. На последних я смотреть избегал, слишком уж напоминали о Рийо.

— Дамы и господа! — прозвучал, словно бы со всех сторон одновременно, хорошо поставленный тенор. — Имею честь объявить об открытии нашего ежегодного бала!!

Последнее слово эхом прокатилось по всему залу вместе с дуновением воздуха, когда исчезло поле-шторка. И тотчас под потолком с обеих сторон загорелись цепочки золотистых огней, объединённых попарно. Через секунду стало ясно, что это капители колонн. Под журчащие звуки музыки, похожие на земную арфу, струи света хлынули вниз, по колоннам, стали растекаться по полу, затем из нескольких точек узора покрытия брызнули переливчатые призрачные фонтаны, осветив потолок и переливая свет на него. Пол погас, увертюра закончилась.

— Как красиво! — шепнул я Осоке.

— О, да, — улыбнулась она. — Я уже видела это один раз, но всё равно впечатляет. Увы, — она вздохнула, — надо работать. Оставайся у входа, я пройдусь, оценю обстановку. И…

— Не поддаваться на провокации, — кивнул я, об этом на подлёте Осока талдычила мне не один десяток раз. — Будет исполнено, товарищ Сталин.

— Эту шутку объяснишь мне позже. Повнимательнее.

За время этого короткого диалога вступил оркестр – живая музыка! – и первые пары вышли в центр, за широкую узорчатую линию на полу, как бы призванную разделить танцующих и праздно стоящих. Я наблюдал, как тогрута скользит по залу меж расходящихся по периметру компаний и парочек, затем потерял её из виду. Ладно, будем следить за нашим фигурантом, хоть ему сейчас ничего и не угрожает. Ропеан и его девушка, смуглая, как уроженка Испании или Аравийского полуострова, беседовали с тучным низеньким имперским чином, лицо которого показалось мне знакомым. А ещё более знакомыми – усы, как у Эркюля Пуаро. Ах, да, это же гранд-мофф Зиндж, наполовину фондорианец! О нём рассказывала как-то Рати Ситра. Этот субъект с юности служил под крылом своей матери, Мариссы Зиндж с планеты Чандрилла. А когда, недовольная ситскими

замашками Палпатина, она решила покинуть имперскую службу вместе со своим экипажем, любящий сын загнал её корабль, как оленя, и расстрелял, не предлагая сдаться. Достойный коллега Уилхаффа Таркина, короче говоря.

В этот момент меня чувствительно толкнули в спину.

— Простите? — произнёс я, оборачиваясь. Самое безопасное слово, когда вокруг столько представителей знати, и у каждого на поясе огненное «перо». На меня хмуро взирал тапанский юнец, едва ли не вдвое моложе меня – а что вы хотите, мне на тот момент было уже почти тридцать пять! – и пальцы его лежали на рукояти рапиры. Впрочем, на темляке её не было махра. То есть, передо мной обыкновенный юнкер, не в русском дореволюционном, а в германском смысле этого слова, то есть, сын рядового дворянина без особых заслуг.

— Чего уставился? — явно нарываясь на скандал, начал он. — Ходят тут всякие, задевают достойных людей. И ещё саблю нацепил!

— Я никого не задевал, — спокойно ответил я.

— Шта-а? Ты хочешь сказать, что я лгу?? Это оскорбление!! Я выз…

— Молодой человек, — перебил я. — Позвольте разъяснить Вам кое-что. К Вашему огорчению, но и на Ваше же счастье, по своему положению я вправе Вас просто **послать**. Сначала дождитесь, пока Ваш отец получит баронский титул, или заслужите его сами, а потом задирайтесь.

И поддёрнул замок застёжки на воротнике, поднимая стойку и демонстрируя свой козырной туз – набуанскую геральдическую «лилию». Её изображение, заключённое в круг или треугольник, имели право носить многие, кто связан с королевским двором Тиида, а вот так, без всего… Так она означала, что носитель её – близкий родственник одной из королев. Учил ли геральдику этот мальчишка? Ага, учил, смутился.

— Что, Уиллис, опять выбрал себе соперника не по рангу? — раздался справа от нас насмешливый мужской голос. Юнец смутился ещё больше. А мужчина продолжал: — Забыл, как в прошлом году дочка лорда велела своему пажу тебя выпороть?

— Это не делает мне бесчестья! — буркнул парень. — Оскорбления нельзя сносить ни от кого.

— В тот раз – да. А в этот ты сам нарываешься на драку. Хотя, стоило немного задуматься, понял бы, что у кого попало не будет висеть на поясе **настоящий** меч. Иди, погуляй, пока принц сам не решил, что оскорблён и не пожелал стряхнуть тебе пыль с ушей.

Юнкер испарился, проявив завидную прыть и почти бесшумно, а я теперь смог получше разглядеть нового собеседника. Был он также моложе меня, хоть и не настолько, как юнкер, худощав, жилист, а причёской и особенно серьгой в правом ухе напомнил мне обаятельного корсара из пиратских романов. На его пелерине красовалась вышивка: круглый щит с каким-то зверем, выше него – рука, сжимающая рукоять клинка замысловатой формы на фоне языков пламени.

— Веннел, — представился он. — Аякс Веннел из дома Кадриаан. Большой поклонник Вашей… сестры, правильно же? Сходство не бросается в глаза, но достаточно приглядеться.

— Верно. Вы знали её? — спросил я.

— Увы, не знал. Я в то время был совсем мальчишкой. Вы служите Империи, принц?

— Нет. Знакомую подбросил, у неё здесь дело.

— Вот оно что. Должно быть, вы с Тано знакомы ещё с тех времён?

Я кивнул, решив засчитать за «те времена» свой сон о Корусанте.[1]

---

[1] «Сны о Республике»

— Откровенно говоря, я не очень люблю ситов и их прислужников. Без обид.

— Какие обиды, — сказал я. — Я сам был в шоке, когда увидел. Но не думаете же Вы, что я готов с этим смириться?

— О? Вы сильный человек, принц, — Веннел с чувством пожал мне руку. — Желаю успехов.

Стоило Веннелу отойти, как ко мне приблизилась женщина в кремовом платье, облегающем её фигуру от груди до колен, а ниже расходящемся свободными оборками. Границу оборок подчёркивала тонкая цепочка вроде «панцирного» браслета наручных часов, такая же конструкция, но более широкая, охватывала талию, а воротником служила манишка тоже из металла. В аналогичном стиле была выполнена заколка в пышных не то тёмно-рыжих, не то светло-каштановых волосах женщины и удлинённые серьги в ушах.

— Уже завёл знакомства? — спросила она, глядя на меня смеющимися зелёными глазами.

— Как-то само собой получилось, — пожал плечами я. — Как у нас дела?

— Всё готово, все ждут.

— Я только не могу взять в толк, как можно… Тут и окон-то нет.

— Всему своё время.

— Ну, что же. В таком случае, идём танцевать?

— С удовольствием.

Я кружил её по залу, заботливо следя за тем, чтобы не столкнуться с другими парами, коих внутри узорчатой линии на полу танцевало уже немало. Один раз на нас чуть не налетели, спасло лишь то, что я быстро притянул партнёршу к себе, делая непредусмотренный шаг назад и разминувшись буквально в миллиметрах.

— Делаешь успехи, — сказала она.

— У меня хорошая учительница.

— Всё-таки, ты напряжён.

— Беспокоюсь, чтобы всё прошло гладко.

— И пройдёт. Ты разве не уверен в ребятах?

— В них я уверен, а вот в том, что объект не выкинет что-то незапланированное… Девицу видела? Знойная женщина, мечта поэта. Вдруг она захочет «украсть» его отсюда раньше времени?

— Возьмём внизу на выходе, — беспечно отозвалась она. — Ох, ну, ладно, хорошенького понемножку. Спасибо за танец, пойду я заниматься другими обязанностями.

— Подожди, смысл, ты же можешь в любой момент…

Она поглядела на меня как на несмышлёныша:

— На нас смотрят. И угадай, кто. Не будем доводить дело до тыквы, — и скользнула в толпу. Тоже мне, Золушка!

Тут же, как по мановению волшебной палочки, рядом возникла Осока.

— С кем ты сейчас танцевал? — подозрительно спросила она.

— Так, одна девушка. Ладой зовут. Случайно познакомились года три назад. На… Бестине, — быстро сочинил я. — У тебя всё в порядке?

— Да, в зале я угрозы не чувствую. Скорее всего, снайпер, будет стрелять, когда опустятся стены.

Ах, вот что! Глухие простенки между колоннами могут убираться, открывая зал всем ветрам! Тогда всё понятно.

— Странная она, эта твоя Лада, — продолжала, между тем, Осока. — Не могу поймать её в Силе.

Я подумал о том, что если бы сумела, очень бы удивилась. К счастью, тут не было Кеноби, который бы посоветовал ей «посмотреть выше». Вслух я сказал:

— В этих вещах я разбираюсь плохо, ты же знаешь. Слушай, я тут хотел потанцевать ещё с одной девушкой…

— Да что на тебя нашло? Эта Лада, случайно, не замаскированная *зелтронка*? С какой ещё с од… — она запнулась, потому что я подтолкнул её за линию и

положил руку ей на талию. — Алекс, ну, время ли для этого?!

— Самое время, — заверил я. — Сама сказала, пока не опустятся стены…

— Ты прав, — Осока ощутимо расслабилась, позволяя вести себя в танце. — Что-то я разучилась совмещать полезное с приятным.

Увы, на «приятное с полезным» нам осталось меньше трёх мелодий. Стих оркестр, из-под потолка донёсся гулкий, но одновременно мягкий, словно издалека, удар колокола, и в помещение ворвался свежий вечерний ветерок. Панели стен, только что казавшиеся нерушимо-монолитными, начали опускаться, разделяясь на секции, которые наезжали друг на друга, собираясь в пакеты. А когда дошли до низа, откинулись наружу, становясь на опоясывающем зал балконе секциями пола. Теперь мне было ясно, почему до высоты человеческого роста они повторяли расцветку плит под ногами. К тому моменту, как стены сложились полностью, Осока и я были в непосредственной близости от Лонарда Ропеана. Тогрута сосредоточилась, ловя в Силе отголосок угрозы. Ропеан, конечно, ничего не подозревал, продолжая флиртовать со своей знойной спутницей. Ну? Давайте! Как будто подчиняясь моей команде, блеснул огонь, пыхнул жаром, разворотив пол. Но за долю мгновения до этого Осока, выбросив вперёд руки, отшвырнула Силовым толчком инженера и его пассию за ближайшую колонну.

Ещё не успела начаться паника, ещё не успели взвизгнуть наиболее впечатлительные дамы и решить, падать ли в обморок или обождать, только отшатнулись рефлекторно от жара стоящие вблизи существа. Мечи были уже в руках Осоки, шаг – она на перилах балюстрады балкона, и Силовой прыжок вверх и вперёд, через улицу, туда, откуда стрелял снайпер. А я остался стоять с её юбкой и сумочкой в руках. Чёрт, я уже начал

забывать, насколько она может быть быстра, когда возникает необходимость! Надеюсь, она не встретится с ребятами прямо на «месте преступления». Тут растянувшееся время обрело нормальный ход. Был и визг, и первые признаки паники, и ошарашенные лица тех, кто видел прыжок тогруты и пылающие мечи в её руках. Я услышал даже слово «сит», брошенное кем-то. Впрочем, это было уже неважно. Я быстро шагнул на балкон, к балюстраде. Как раз вовремя. Всплывая в воздухе, как подводная лодка из глубины морской, на уровне ограждения повис мой корабль. Раскрытый горизонтальный переходник «Амидалы» был выдвинут до упора, почти касаясь балюстрады. Зашвырнув туда Осокины пожитки, я прыгнул сам, лязгнули за моей спиной створки люка. Я бросился в рубку, выкрикнув на бегу:

— Она их не достала?

— Нет, — отозвалась Падме. — Улетают на атмосферном прыгуне, она на крыше.

— К ней давай! Переходником, как меня, можешь?

— Да, места там полно.

Я как раз успел сесть в кресло и принять мужественно-встревоженный вид, когда Осока ворвалась в рубку и скомандовала:

— За ними, быстрее!

Как скажешь, милая, только не надо забывать, что ионизаторные панели у нас хрупкие, и в атмосфере скорость в 1.2 маха мы превысить не можем.

— Ты их видела? — спросил я.

— Только силуэты, — отозвалась Осока. — Там была женщина, возможно – твилека.

— Возможно?

— Стреляли из рилотского плазменного ружья, такими пользуются кланы *сэск'обирри*, наёмных убийц. Во время войны они были на нашей стороне, а сейчас, видишь, как…

— У тебя там есть знакомые?

— Есть. Хочешь узнать, пощадила бы я их, если бы встретила сейчас? Да. Убила бы сразу, это лучше, чем попасть в Инквизицию. Есть у нас одна мастерица допрашивать, такая затейница, что кровь в жилах стынет.

Требовательно зажужжал комлинк. Осока по-хозяйски подсоединила его к линии главного голопроектора, развернула кресло. Над линзой возникла фигура флотского офицера.

— Госпожа Тано! Служба контроля пространства, гранд-капитан Эктер, — отрапортовал он. — Прыгун террористов держит курс в область синхронных орбит. Предположительно, на орбиту захоронения, где несколько часов назад отмечена активность. Карту района пересылаю.

Я усмехнулся про себя. Подробную лоцию системы мы с Падме взяли из блуждающей копии джедайской Библиотеки в Голонете ещё тогда, на Ръен Варе. А карту района – передал мандалорам посредник, когда давал координаты орбитального «схрона».

— Активность какого рода? — спросила Осока.

— Мандалорский корабль, мэм, типа «ком'рк». Обнаружен около 16:30 в районе заброшенной станции переработки отходов «джент». В 16:49 замечен прыгун модели А611 курсом на твердь…

— Обратно возвращался? Корабль улетел?

— На момент отвода нашего разведчика на исходную позицию иной активности не зафиксировано.

— Когда отозвали разведчика?

— В 20:00, согласно распоряжению.

— Ладно, — Осока завершила сеанс. Добавила, обращаясь ко мне: — Прыгун другой, но машину они могли сменить. «Шестьсот одиннадцатый» вместителен, но слишком тяжёл, чтобы драпать. На нём прибыла вся группа. А на «цапле» уходил только стрелок с напарником. 611 с остальными давно там. И они готовы стартовать.

— Посмотрим.

— Срезай траекторию! — распорядилась тогрута. — Перехватим их.

В этом была своя сермяжная правда. За счёт огромных запасов инерта мы могли не двигаться по баллистической кривой, следуя за «прыгуном», а обогнать его и ждать в точке назначения, коль уж она была нам известна. В противном случае беглецы — будь они настоящими – спрятались бы от преследования среди старых спутников и прочего хлама на орбите захоронения. И мы бы никогда их не нашли.

Станция переработки была невелика, вряд ли больше двухсот метров в длину и чуть больше сотни в поперечнике. Одну её половину занимал собственно перерабатывающий комплекс, вторую – казармы, мастерские, небольшой ангар для обслуживания кораблей и совсем маленький шлюз для спидеров и буксиров. Ворота ангара, как и полагается на заброшенном объекте, были закрыты. Осока прислушалась к Силе, сказала:

— Механизмы ворот ангара и шлюза недавно работали. Их корабль должен быть здесь.

— Посмотрим, — снова сказал я, направляя «Амидалу» к горизонтальному технологическому переходнику, расположенному рядом со шлюзом.

— Высадишь меня, включишь противорадарную и спрячься где-нибудь вот в этой области, — Осока показала рукой. — Там достаточно крупные объекты.

— Корабль прекрасно спрячется самостоятельно, — сказал я, для вида обводя контурами целеуказания несколько старых фрагментов то ли кораблей, то ли станций. — Я иду с тобой.

— Что ж, идём, — не стала спорить она.

Заглянув в шлюз, Осока убедилась, что ни одного, ни другого «прыгуна» там нет, сделала мне знак. Я махнул Падме, она перекрыла переходник и расстыковалась с

«джентом». Стараясь ступать по возможности бесшумно, я последовал за тогрутой в коридор, по пандусу и дальше в ангар, где и стоял «Ревнитель».

— Корабль наёмников! — сказала она. — Никого нет. Мы их опередили!

— Они сюда не прилетят, — ответил я.

— Что? — Осока остановилась с занесённой для шага ногой. — Почему?

— Попробуй открыть наружные ворота.

Она посмотрела на меня очень выразительно, в переводе на «руководящий» – в три этажа минимум, однако, подошла к пульту. Надо сказать, сердце в этот момент у меня замерло. Вдруг мы ошиблись? Вдруг всё это – невероятное совпадение, и никакой подставы нет в помине? А мы обыкновенные начинающие параноики? Но Осока дотронулась до клавиши, и со стороны ворот раздался хлопок, затем скрежет.

— Вот так, — с облегчением произнёс я. — То есть, сразу улететь они бы не смогли. Из их пушек створки не снести, ракетами – повредишь корабль, пришлось бы возиться с подрывными зарядами. И тут прилетаешь ты. Они, конечно, высококлассные бойцы, но против джедая…

— Я давно не джедай! — перебила Осока, скорее, машинально, чем осознанно.

— Сейчас это непринципиально, — отмахнулся я. — Важно то, что ты бы их перерезала. И информация о грязных делишках на Мандалоре была бы похоронена вместе с ними.

— Та-ак, — Осока посмотрела на меня, как пчёлы на Винни-Пуха. — А откуда **тебе** об этом известно?

— Чистая случайность. Мы с этими ребятами раньше вместе работали. Они знали, что я лечу в район Тапани, а тут это задание. Больно уж хорошо всё совпадало, чтобы быть совпадением, извини за тавтологию.

— Секунду. Значит, это ты всё срежиссировал? Ты?

— Ну, откровенно говоря, идея моя, а исполнение…

— Дать бы тебе в лоб, конспиратор! Я нервничаю, дёргаюсь…

— С точки зрения правдоподобия именно это и требовалось.

— Счас точно двину!

— Пожалуйста. А потом прими мои извинения.

Она долго смотрела на меня, поджав губы. Вздохнула, сказала:

— Ладно. На самом деле, ты очень качественно всё организовал. А я-то думаю, почему желание убить этого Ропеана в Силе чувствовалось, а угроза жизни была какая-то слабая, нечёткая?

— Думаю, грохнуть его стрелку хотелось очень. Извечная нелюбовь простых солдат к состоятельной верхушке. Но желание одно, а дисциплина… Зато теперь они могут вернуться к посреднику и сделать ему «конкретную предъяву», — я улыбнулся. Предложил: — Поехали отсюда? Тут уже ничего интересного не будет.

— Поехали. Вызывай корабль.

Мы двинулись в обратный путь к технологическому переходнику.

— Кстати, можно тебя попросить? — сказал я.

— Ну?

— Вернёмся на планету – надо выяснить, кто распорядился выдвинуть разведчика именно на эту позицию. И почему отозвали именно в двадцать часов, когда начался бал. Авось ещё какая ниточка потянется.

— Сделаю. Что-то ещё, господин стратег?

— Да, — я поймал её ладонь, слегка сжал. — Прекращай дуться, подруга.

Осока резко остановилась, не высвободив, впрочем, руки, развернулась ко мне:

— Как-как ты меня назвал?

— А нельзя?

На лице её отразилось смущение:

— Тебе, наверно, можно. Только не при посторонних. А то ты слишком уж осмелел в последнее время.

— Я вообще большой нахал, особенно с девушками, которые… Впрочем, ты запретила мне об этом говорить.

— Я? О чём? Когда?

— В самом начале, — сделал я невинные глаза.

— Так, а ну, пойдём на корабль, — Осока, так и не выпустившая мою руку, потянула меня за собой. — Не то счас договоримся до того, что, всё-таки, подерёмся!

К сожалению, потянуть за «ещё какую ниточку» нам не удалось. Осока в два счёта выяснила, что распоряжение отдал тот самый Эктер, почти сразу же, как только заступил на дежурство в десять утра. Но во время опроса гранд-капитан лишь смотрел преданными глазами и ссылался на приказ из штаба флота, тыча пальцем… в пустую строку окна поступивших директив. Тогрута попросила его открыть сообщение, и он открыл совершенно другое, торжествующе воскликнув:

— Видите, мэм! Здесь недвусмысленно сказано, до 20:00…

— Читайте сначала! — велела Осока.

Эктер без запинки отбарабанил текст, который привиделся ему на экране.

— Это, что, гипноз? — спросил я по-русски.

— Хуже, — ответила она. — Мозг промыт с помощью Силы. Самое поганое в данной ситуации то, что *абы кто* такое сделать бы не смог.

— Например, ты бы могла?

— Не уверена. Воспоминания не просто подправлены, это поддавалось бы восстановлению. Они грубо стёрты, а поверх записаны новые. Мужика надо списывать, с такими мозгами его может переклинить в любой момент.

Эктер сидел, хлопая глазами, он-то не знал нашего языка. Вздохнув, Осока сказала ему:

— Можете идти, — и добавила с особенной интонацией, шевельнув ладонью: — Разговора не было.

— Разговора не было, — повторил офицер, откозырял и скрылся за дверью.

Вечером Осока получила видеоаудиенцию у Вейдера. Я при разговоре не присутствовал, зато успел перекинуться парой сообщений с мандалорами. Как и планировалось, они дождались нашего отлёта обратно на планету, подорвали заклиненные створки ворот и вызволили «Ревнитель» из плена. Теперь вся четвёрка горела желанием хорошенько посмотреть в глаза посреднику. Я поинтересовался, нельзя ли допросить мерзавца при помощи Силы, оказалось, что нет. Разумные рептилии *йинчори* не поддаются воздействию на мозг. Что ж, есть и менее гуманные способы…

— Шеф отзывает меня обратно на Корусант, — сказала Осока, закончив общение с хозяином. Я отметил про себя эту перемену. До сего дня иначе как Повелителем она его не называла.

— Довези меня, ну, например, до Икстлара, — продолжала она. — А дальше я сама. Появится возможность – сразу с тобой свяжусь.

— Ну, уж нет! — возразил я. — Наверняка тебя тут же отправят ещё на какое-нибудь задание. Зачем же понапрасну время тратить?

— Может, отправят, а может, и нет.

— Так, рассказывай.

— Нет-нет, ничего конкретного, предчувствие. Честно.

— Тем более, я тебя не брошу! — решительно сказал я.

— Это может быть опасно. Не забыл, что приказал лорд Вейдер?

— Слушай его больше, он же сит! Небось, и не помнит уже.

— Я, вообще-то, серьёзно.

— И я серьёзно. Сама говорила, приказы можно выполнять по-разному. Может, тебе нравится, чтобы тебя возили, как барыню!

— В том-то и дело, я всегда любила летать сама… — начала Осока, и тут до неё дошёл мой намёк. — Ну, да! Правильно! Любила. А теперь хочу, чтобы возили. Я солидная имперская служащая, в конце концов!

— Вот-вот-вот, — подхватил я. — А наши с тобой персональные взаимоотношения вообще никого не колышут. Хотим – поругаемся, хотим – нет.

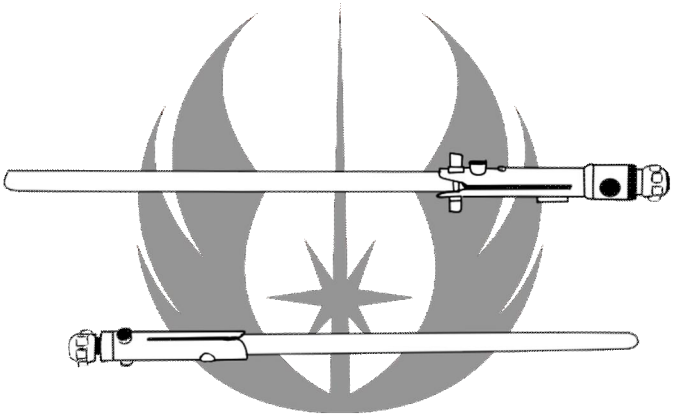
— Примерно так. Но обещай: в вопросах безопасности слушаешься меня.

— Договорились.

— Тогда – вперёд! А по пути можем заскочить куда-нибудь ненадолго, чтобы не раскрывать нашу скорость, — подмигнула моя подруга, теперь я имел полное право её так называть.

Я улыбнулся в ответ. Игра с владыками ситов далека от завершения, однако, этот раунд явно остался за мной. И шансы на полную победу значительно повышались.

Занавес. Антракт.



Действие третье
РАЗЖАЛОВАННОЕ ЗЛО

Очень редко на пороге успевают оглянуться.
Оглянуться, улыбнуться, что-то главное сказать…
Уходящие уходят в те края, где лозы вьются,
Где крылатыми очнутся те, кто был рождён летать.

Вера Камша

1. На обломках минувшего

Не люблю торговаться. Наблюдать за процессом иногда интересно, а так, чтобы самому – нет. Особенно тяжело торговаться с человеком, который тебе приятен, а именно такой сидел сейчас за столиком напротив меня. Ривар Чембал. Пилот-пограничник, один из лучших людей майора Генты Вантезо, а теперь – владелец небольшого «челнока типа Ро», грузовичка, внешне похожего на кореллианские «блюдца». Вполне подходящий корабль, надёжный командир и, я надеялся, столь же надёжный экипаж. К сожалению, Чембал чувствовал, что мне нужен именно он, и не желал сбавлять цену контракта. Козырять знакомством с Рийо я не мог – здесь, в этой жизни, мы знакомы не были, разве что, во сне – однако, кое-какую информацию, всё же, использовал.

— Против Миэла Мунба я ничего не имею, — сказал я, посмотрев судовую роль «Рассветного Ангела», так назывался грузовик Чембала. — Беспокоит меня ваш механик, этот Табрас. На «Румелии» он не работал, за него ручаться труднее.

— Как Вы всё упрощаете, — покачал головой панторанец. — У нас там тоже, знаете ли, встречались всякие… Хорошо. Ответственность за своего человека беру на себя, и предлагаю среднее арифметическое – ни вашим, ни нашим.

— По рукам, — кивнул я, выкладывая на стол задаток.

— Когда приступать? Нам ещё ёмкости купить надо.

— При вашей скорости у вас около суток в запасе. Рассчитывайте сами. Установки не должны останавливаться, а для этого нужно сырьё. Баки для готовой продукции сделаны с запасом.

— Ясно, — панторанец поднялся, он не привык терять время даром.

Вслед за ним я вышел из кантины на свежий воздух. Вернее, условно свежий после перемешанных в непонятно каких пропорциях запахов острых кушаний, ароматной выпивки, а ещё инопланетных духов и феромонов внутри заведения. На улице было немногим лучше. Естественная вентиляция в узких переулках подземного уровня оставалась недостаточной, и тут тоже пахло. Затхлой водой, ближайшей помойкой и сильнее всего – какой-то химией. Что ж, у нас дома человек, приехавший из сельской местности, тоже скажет, что в городе «воздух плохой», а мы, горожане, и не замечаем, привыкли. Добравшись поскорее до магистрального лифта, я поехал вверх. Огни подземелий больше не казались мне мрачновато-загадочными, как когда я спускался сюда, они выглядели унылыми и грязными. Интересно, Осока уже закончила доклад у Вейдера или нет?

Подруга ждала меня на той же скамейке на бульваре Фарра, где мы с ней расстались. Она сидела, ссутулившись, понурив голову, и смотрела в плитки покрытия перед собой. Отреагировала лишь на моё прикосновение.

— Что? Всё настолько скверно? — встревожился я. Она кивнула, махнув рукой:

— Мне надо срочно выпить. А лучше – нажраться до гаморреанского визга.

— Наказал за провал задания?

— Не, не в этом дело. Пойдём, сядем вон там, махну стопку, расскажу.

Зайдя в кантину, намного более приличную, чем та, внизу, зато, наверняка, находящуюся под дистанционным

наблюдением, мы сели за столик. Метнувшийся быстрее молнии летающий дройд на репульсорном движке привёз заказ. Осока со знанием дела опрокинула в себя полстакана местного вискаря, налила ещё.

— Стоп! — строго сказал я. — Только русский человек по первой не закусывает, тебе – рановато. Нужно заесть.

— Ладно, ладно, — она отправила в рот небольшую канапешку с маринованным овощем на вершине и выпила вторую. Закусила уже более спокойно и продолжала: — Ну, так вот. О миссии вообще речи не шло. Ты сам слышал, я ему ещё по связи всё доложила. А он велел возвращаться, угроза миновала. Тут похуже дела. Вчера с ним говорил обо мне Сам.

— Старый? — уточнил я, мимикой показывая, какое существительное оставил непроизнесённым.

— Да. Считает, что мне необходимо повышать квалификацию, так, кажется, ты это называешь?

— Неприятно, — сказал я, сразу представив, какие техники обучения могут быть у адептов Тёмной стороны.

— Что б ты понимал! Это полная задница, вот что. Такое обучение – это командировка на Пракит, там, глубоко в Ядре. Потом, если выживу, Сам возьмёт меня в канцелярию, под личный присмотр.

— Чёрт. А вот это, действительно, полная… С чего вдруг? Не из-за того, что ты слишком независима?

— Нет. Старого такие мелочи не волнуют. Он решил, что Повелитель начал готовить себе ученицу.

— Ситуация «тот же, граф и фурия»? — уточнил я, намеренно не произнося имён Дуку и Вентресс, они ведь на всех языках одинаково звучат.

— Ну, да.

— И когда?

— А вот не сказал, виквай пересушенный!

— Так, может быть, это просто угроза? Дескать, поостерегись.

— Не исключено.

— Тогда опасаться надо, но дёргаться рано.

— Обидно мне Алекс! Только в жизни происходит что-то, не сказать «хорошее», просто «нормальное», и на тебе.

Я был готов расцеловать её за эти слова прямо здесь, в зале, ведь это меня она назвала «нормальным событием» своей беспросветно-ситской жизни! Но, разумеется, сдержался, только покивал сочувственно. Осока налила третью стопку. Сказала:

— Тебе тоже надо немного выпить. Давай-давай, я знаю, что говорю!

Пахучий напиток обжёг горло. Я дома-то не любил эту дрянь, а здесь она ещё более терпкая, какой сорт ни выбери. Скорее чем-нибудь загрызть! Вот, так немного лучше. А за что пили-то? Осока что-то мялась, не решаясь начать. Наконец, произнесла:

— Ох, не хочется говорить, но будет нехорошо по отношению к тебе. Короче, шеф о тебе спрашивал. Кто, да что, да как.

— А ты?

— Отбрехалась. С некоторых пор я могу ему спокойно врать, он перестал это чувствовать. А ещё он спросил, согласишься ли ты участвовать в одной операции. Там нужен именно корабль.

— Если нет, то что? — спросил я.

— Ничего, выделит мне из резерва флота.

— Тоже настораживает. Он даже не подтвердил свой приказ меня убрать.

— Перестань! — Осока строго постучала пальцем по столешнице. — Тогда речь шла о случайном коммерсанте. Сейчас мы с тобой знакомы и успешно работаем вместе. Повелитель не псих, он…

— Эффективный менеджер, — перебил я. — Понятно. Что за задание?

— Вернёмся на корабль – расскажу. Здесь не место это обсуждать.

Угостившись местными осьминогами – Осока их очень рекомендовала – мы выпили по большой чашке кафа со сладостями и отправились на общественный космодром, где на общих основаниях, за деньги, припарковали «Амидалу». По дороге моя подруга никак не могла окончательно успокоиться и, пользуясь тем, что нас не понимают, рассуждала об «аспирантуре», куда собирался отправить её Палпатин, и о своих способностях. О том, как вместо настоящего гнева у неё получается какая-то издёвка, а вместо молний – безобидный фейерверк, потому что ей становится **смешно**.

— Возможно, ты просто неспособная к Тёмной стороне? — осторожно спросил я.

— Как так?! — от возмущения она остановилась прямо посреди входного пандуса, развернулась ко мне. — Все способные, а я нет?? Тёмная, если хочешь знать, проще в освоении. Наверное, всё дело в том, что я несерьёзная, не могу сосредоточиться на объекте. Знаешь, меня даже голокроны плохо слушаются, информацию видеть дают, но так, сквозь пелену, как защитное поле.

— Такой своеобразный ситский файрволл… — задумчиво произнёс я.

— Что? При чём тут *огненная стена*? — переспросила моя подруга, буквально восприняв последнее слово по звучанию на базик.

— Сетевой экран, по-вашему, — пояснил я. — Пойдём, пойдём внутрь. Скажи, а не пробовала ты с той поры открыть **джедайский** голокрон?

— Где ж его взять? — вздохнула она.

— А что, если я отведу тебя на место, где лежит Великий Голокрон джедаев?

— Великий??? — так и подпрыгнула она. — Где он, Алекс? Пожалуйста!

— Там, где его и следовало бы искать, в Храме.

— А откуда ты-то об этом знаешь?

— Я рассказала, — эхом, словно со всех сторон сразу, разнеслось по лифтовому холлу. Рядом с шахтой турболифта возникло слабое сияние, сконденсировалось в полупрозрачную женскую фигуру, обрело краски. Осока заворожено смотрела на женщину, высокую, красивую почти как твилеки, с тёмными волосами, уложенными в узел на затылке, кожей цвета спелого мёда и странными глазами: жёлтый белок, по нему равномерно идут пять вертикальных тёмно-зелёных полос. Средняя, служившая зрачком, почти не отличалась по цвету от остальных.

— Мастер… Тал? — тоненьким голоском пискнула моя подруга. — Ну, да, конечно, я видела Ваши изображения! И магистр Кеноби много раз рассказывал… Вы дружили с Квай-Гоном Джином, учителем Магистра.

— Верно, — ответила женщина уже не столь гулко.

— Теперь начинаю понимать… — Осока покосилась на меня. — Вот кто, значит, тебя учил! Одна из лучших мечниц предвоенной эпохи! Инструктор всех знаменитых фехтовальщиков, кого я знала.

Женщина только тихонько рассмеялась.

— И Вы же Библиотекарь, — продолжала Осока. — Вот откуда все знания! Скажите, мастер Тал, а на балу в образе зеленоглазой дамы тоже были Вы?

— Я. Не могла же я оставить без присмотра в этом политическом серпентарии своего… подопечного. Впрочем, Алекс справился, не находишь?

— Да, о, да, отлично справился! Мастер… Я знаю, я Тёмная, но… может быть, Вы позволите мне поработать с Великим Голокроном? Хотя бы в стенах Вашей библиотеки.

— По-моему, ты на себя наговариваешь, девочка, — призрачная женщина шевельнула рукой. — Поднимайте корабль. Сядете на крышу Храма, встречу вас там.

К зиккурату Храма «Амидалу» вела Осока, решительно отобрав у меня управление. Я сидел, подперев щёку кулаком, и наблюдал за её пируэтами. Она лавировала, обходя сенсорные поля систем предупреждения, под одни подныривала, другие перепрыгивала. Эту бы энергию да в мирных целях! Синие огни на панельке стигиевого ядра горели ровно, генераторы щитов молотили в рабочем режиме, и обнаружить нас в гравитационном поле планеты могла бы, разве что, случайная ласточка, ткнувшаяся нам в поля. Но ласточки над Корусантом не летают, местные нетопырки на такую высоту не забираются, а все искусственные воздушные объекты моя подруга обходила за сто метров минимум. Светящаяся фигурка мастера Тал возникла на крыше в тот момент, когда мы шли на посадку. Я на всякий случай сам щёлкнул переключателем щитов, вдруг Падме забудет это сделать. Едва опоры коснулись крыши, Осока выскочила из кресла. Крикнула уже из лифта:

— Идём же, ну, что ты тормозишь!

— Я не тормоз, я медленный газ, — буркнул я.

Глаза тогруты буквально сияли в темноте, когда она вслед за призрачной женщиной спускалась в недра Храма. Лишь в предбаннике Старой Читальни Осока замедлила шаг.

— Что с тобой? — спросил я.

— Там, за дверью, лежат мечи тех, кто погиб во время Чистки, дело в этом? — мягко поинтересовалась мастер Тал.

— И моё прошлое тоже, — тихо сказала Осока. — После Резни мои старые мечи нашли в сейфе оружейных мастерских. Пов… лорд Вейдер приказал бросить их к остальным.

Призрачная женщина нахмурилась.

— Твоё прошлое было безупречным! — строго сказала она. — С честью ты вышла и из истории с терактом.

Роковую роль сыграло недоверие семи из двенадцати Магистров Ордена.

— Только… семи? — широко раскрыла глаза Осока.

— Прислушайся к своему сердцу, и ты сама дашь ответ, кто не предал тебя.

— Кеноби. Пло Кун. Шакти… — нерешительно произнесла моя подруга. — Неужели и Йода тоже?

— Йода и Фисто, — кивнула мастер Тал. — Голосовали в твою пользу.

— «Согласия нет меж нами»… — повторила Осока слова Великого Магистра. — Выходит, я совершила ошибку.

— Так не совершай новых. Не жалей о том, что прошло, смотри в будущее.

— Верно, — Осока решительно подошла к высокой резной двери и потянула ручку. — Посвети, Алекс!

— Сейчас-сейчас, — я направил луч переносного прожектора внутрь Старой Читальни, позволяя подруге войти, затем установил его рефлектором вверх на откидных ножках.

— Где он? — спросила Осока.

— В этой стене, — указала мастер Тал. — Почувствуй, и сразу найдёшь.

Я тихонько отступил назад и бочком, бочком двинулся к сваленным на полу мечам. Зажёг второй, малый фонарь. Мне тоже нужно было **найти**. Мечи, так похожие на нейронные плети, вернее, наоборот: это под них, под мечи моей Осоки и её учителя, ушлые производители начали стилизовать дизайн плетей во время Войны Клонов. Ещё бы! Популярность джедаев тогда зашкаливала. А брать за образец меч Оби-Вана или Айлы – затруднительно из-за тонкой «шейки» эмиттера. Да где же они? А, вон он, малый, велморитовый! Опустившись на колени, я раздвинул лежащие на полу рукояти, чтобы можно было опереться рукой, и дотянулся до меча. А через пару секунд увидел и

основной, зелёный меч, он лежал чуть в стороне. Рукой уже не дотянуться, и Силой я не владею. Но эмиттер меча Айлы легко зацепил выступ на Осокиной рукоятке и позволил мне подтянуть её в пределы досягаемости. Есть! Сунув находку подмышку, я убрал свой меч на место и поднялся. А возле тайника уже сиял знакомый лазурный свет. Осока безотрывно смотрела в переливающийся кристалл голокрона, висящий в воздухе перед ней, и лицо её было… светлым. Я подошёл, и молча ждал, пока свет кристалла не погаснет, и он не опустится плавно в подставленные ладони девушки. Осока поглядела на призрачную Тал, и мне показалось, что в глазах её блеснули слёзы.

— Я чего-то не понимаю, мастер, — растерянно произнесла она. — Когда я сказала Хранителю Знаний, что я Тёмная, он… он начал хохотать.

— Говорю же тебе, ты на себя наговариваешь, — отозвалась мастер Тал. — Себя самоё судишь по мечей цвету? Хм!

— Очень похоже, — проворчала Осока. — Хоть Вы меня не подкалывайте, мастер!

— Вот твои **настоящие** мечи, — сказал я.

— Алекс! — возмущённо воскликнула моя подруга. — Опять ты, в самом деле… Ну, зачем ты их взял? Я больше не имею права на это прошлое… и не заслужила такой чести. Положи сейчас же обратно!

Я покосился на Тал, но та глубокомысленно молчала, как и полагается мудрому призраку не менее мудрого мастера. Пришлось сделать вид, что подчиняюсь.

— Ладно, ладно, — примирительно сказал я, отступая к сваленным у стены мечам. Но, как только Осока вновь отвлеклась на Голокрон, совершил быстрый обмен. Меч Айлы – на пояс, Осокины два – в пенал на пояснице. В конце концов, я на ней был практически женат, и это собственность семьи, имею право! Не

хотелось бы снова лезть сюда только потому, что бывшая ситка – а она у меня **станет** бывшей! – передумает.

— Вы серьёзно? — спросила, тем временем, мастера Тал Осока. — Я… могу… забрать его??

— Конечно! — призрачная женщина улыбнулась. — Какой смысл ему лежать здесь, когда он тебе нужен?

— Благодарю, мастер, — низко поклонилась Осока. А призрак уже таял в воздухе, продолжая улыбаться.

— И чего Оби-Ван говорил, что Тал строгая? — сказала моя подруга. — По-моему, она **милая**.

— Смотря с кем общается, — усмехнулся я. — Меня временами, знаешь, как шпыняет?

— За дело, наверное?

— Когда как… Пора убираться отсюда, открытие голокрона мог кто-то засечь.

— Очень маловероятно, — отмахнулась Осока. — Вейдер сейчас в гиперпространстве, оно сильно смазывает направление. А дежурный Инквизитор сегодня Срохч, в отсутствие Повелителя он себя не утруждает, ложится спать пораньше, как привык.

— Кто же тогда остаётся в лавке?

— Имеешь в виду коммуникационный зал? — уточнила Осока, она ведь не знала этого замшелого еврейского анекдота. — Помощники. Но они не Одарённые. Не волнуйся, мы спокойно можем оставаться тут хоть до рассвета. Пойдём-ка, я тебе кое-что покажу.

Она вела меня какими-то коридорами, галереями, техническими переходами, лестницами. Судя по обилию последних, мы поднимались высоко вверх, не на одну ли из башен? Точно. А ближайшая из них к Библиотеке – не башня ли Совета?

— Сюда, — сказала Осока. — Как здесь грязно…

Взмахнула руками, и мелкие обломки, усыпавшие пол небольшого зала, словно неслышимым ветром сдуло в стороны, к стенам.

— Осторожно, пол проломлен, — предупредила моя подруга. — Ох, и потолок тоже повреждён. Работает ли аппаратура? А раньше как здесь было красиво!

— Что это за место? — спросил я.

— Официальное название – комната звёздных карт, но все говорили короче – Звёздный Зал, — Осока колдовала над пультом, выступающим из стены. Улыбнулась: — Включилась! Иди вот сюда, на середину и погаси фонарь. Галактическую карту ты, конечно, видел много раз, но…

Договорить она не успела, набравшие заряд голопроекторы заработали, и Галактика развернулась прямо вокруг нас. Сияющее Ядро переливалось совсем рядом с нами, только протяни руку, а дальше медленно вращались спиральные рукава.

— Звёздный зал использовался для важных дел, — продолжала моя подруга. — Здесь получали информацию о месте, куда отправлялись на задание, прокладывали маршруты, составляли планы исследований. Но часто приходили сюда и просто так, когда надо подумать, принять решение, да просто отдохнуть от умственной работы. Днём тут почти всё время кто-то был, нам, младшим, оставалась ночь, вот как сейчас.

— А для романтических встреч это место не использовалось? — я опять, как на Ламуире, взял её за руку. — Тут, и правда, очень красиво.

— Не знаю. Вроде бы, нет. Но… — голос её стал едва слышен, в распахнутых глазах отражались цветные огоньки. — Если хочешь меня поцеловать, сейчас самое время.

Разве меня нужно было упрашивать? Чувствуя её неуверенность, я постарался сделать это как можно деликатнее, не так смело, как обычно. А потом мы стояли среди звёзд, обнявшись, и молчали. Осока потёрлась лбом о мою щёку, легонько царапнув гранёным украшением. Повернула голову, спросила:

— Твой дом. Где он?

— А вон, видишь, за Сожжёнными Мирами короткий обрывок рукава? Мы называем его Шпора Ориона. Подробнее здесь, наверное… — я замолчал, потому что, словно в ответ на мою фразу, в некартографированной области, обозначенной лишь схематически, один за другим начали вспыхивать новые огни.

Постойте-ка, мы же именно так летели тогда, прочёсывая рукав в поисках редкой по галактическим меркам тройной системы Альфа Центавра! «Путь Королевы», так с лёгкой руки Рийо был записан этот маршрут в наших лоциях. Ах, сестрица-сестрица, подслушивать-то нехорошо! Тем более, пересылать эти данные куда-то вовне, вдруг кто воспользуется? Ладно, сердиться на Падме не хотелось, всё получилось так красиво и романтично.

— Мы в этот район и не летаем, — сказала Осока. — Хотя, может быть, и к лучшему?

— Определённо. Имперские базы нам абсолютно не нужны.

— Ну, что, возвращаемся на корабль?

— Да. Здесь, помнится, есть балкон, она нас там подберёт.

— Твоя умница меня просто поражает. Был бы у меня такой корабль…

— Но он у нас уже есть, — улыбнулся я. — Кстати. Что за задание, ты так и не сказала?

— Да! Задание! Видишь ли…

Поднимаясь по лестнице ещё выше, на уровень балкона, Осока рассказала, что в системе Чалакта на границе пространства хаттов есть имперский полигон для обучения лётчиков-истребителей. В последние несколько месяцев на этот полигон повадились хищники – неизвестные на таких же СИД-истребителях, какие стоят на вооружении Империи. Их бывает то пара, то звено, то

целая эскадрилья, в зависимости от количества самих имперцев. Они не трогают тех, кто занимается спаррингом, нападают только на «двустволки», снаряженные боевыми зарядами для стрельб по мишеням. Навязывают бой и щёлкают имперцев одного за другим, как куропаток. А затем исчезают в космосе.

— «Крот» на самом полигоне? — предположил я, пропуская подругу наружу, на балкон.

— Безусловно, — кивнула она. — Но это ещё не всё. Сейчас…

Она прервалась для того, чтобы запрыгнуть в переходник зависшей рядом с башней «Амидалы», и, дождавшись меня, продолжала:

— Есть подозрение, что один из них использует Силу. Потому что он с равной лёгкостью бьёт и аспирантов, и инструкторов, нарочно гоняясь за самыми умелыми пилотами. Флот попытался устроить засаду, это привело только к тому, что погиб один из лучших асов Таркина, может быть, слышал, его прозвище Однорукий Капитан.

— Хороший был джедай, хоть и «агроном», — вырвалось у меня.

— Джедай в имперском флоте? — усомнилась она.

— После ситуации «красавица-джедайка в имперской Инквизиции» это меня вообще не удивляет.

— Я серьёзно!

— И я серьёзно. А твоё подозрение можешь считать уверенностью. Тот, кто сбил капитана Лоусона, точно владеет Силой. Теперь давай думать, что может выделить тебе флот. Серийная «Мгла» хуже защищена, VT-49 неповоротлив…

— А на «Скипрэе» против целой эскадрильи… даже я не настолько без мозгов, — поддакнула Осока. — Количеством их тоже не взять, сначала собьют ведомых, потом примутся за меня.

— Значит, выхода нет, летим на «Амидале».

Наградой мне за эту фразу было быстрое «чмок» в уголок губ.

— Спасибо, Алекс! — сказала тогрута. — Я очень ценю.

— Ерунда. Что тут такого особенного?

— Ну, как же, эти парни явно настроены антиимперски…

— Да будь они хоть трижды реблы! Их главарь явно получает удовольствие от своего превосходства. Такой ас – отправь сообщение Вейдеру. «Выходи драться один на один, на взлёте бить не будем».[1]

— Ага, и достойно умри в бою, — усмехнулась Осока.

— Во-во. А клевать беспомощных из засады только затем, чтобы проредить ряды – глупо и подло. Когда приказано приступать?

— Да хоть сразу. Тебе боеприпасы какие-то нужны?

— Не откажусь.

— В таком случае, завтра составим список, получим и сразу вылетаем.

— Отлично, — я сбросил скорость, почти на месте разворачивая корабль перед широким проёмом старого небоскрёба, чтобы приземлиться кормой вперёд.

— Опять «ЛиМердж»? — улыбнулась Осока оглядываясь через блистер.

— Ну, а что? Наше место, наверняка, уже пересдали, это же Корусант. А здесь тихо и ситов нет. Сейчас выспимся, а утром за дело.

— Да, ты отдыхай, а я немножко поработаю с Голокроном.

— Спать пора, ночь на дворе, — попытался урезонить её я. — Куда он денется, твой голокрон?

---

[1] «В бой идут одни старики», реж. Леонид Быков

— Очень хочется, — смущённо сказала Осока. — Так давно этого не делала.

— Ладно, не засиживайся только, — махнул рукой я.

Едва я вошёл в свою каюту, передо мной сконденсировалось из воздуха изображение мастера Тал.

— Ты молодец, — сказала она. — Вы оба молодцы.

— Ты тоже, — улыбнулся я. — Знакомство получилось просто отлично, как по пьесе!

— Чего ж там отличного, я едва не ляпнула «брата», когда она спросила про бал, — Падме, сбросив личину нурианской джедайки, уселась на кровать, тронула волосы, словно проверяя, не рассыпались ли голографические локоны. Я прислонился к её плечу своим:

— Зато в остальном ты была просто великолепна! Как она на тебя смотрела!

— Вот что значит правильно выбрать маску.

Да, когда мы обсуждали, стоит ли Падме, всё же, объявить о своём присутствии рядом с нами, и кузина предложила сыграть роль одного из джедайских мастеров прошлого, то есть, вполне обычного Призрака-в-Силе, я усомнился. Падме не воспитывалась в Храме, она, если уж на то пошло, вообще мало что знала о делах джедаев, исключая нескольких из них. Вероятность провала казалась мне едва ли не стопроцентной. Однако, сестра возражала, что для знания основных моментов ей хватит материалов из Блуждающей Библиотеки. Что же касается личных знакомств, надо найти кандидатуру, которую Осока знать не могла по возрасту, но имеющую общих знакомых с самой Падме. Так и появилась кандидатура мастера Тал, нурианки, энциклопедистки и одновременно превосходной фехтовальщицы. Осока была права: судя по данным Библиотеки, Тал приложила руку к обучению и Кеноби, и Шакти, и Фисто, и Луминары. Да и Секуру азам обращения с мечом учила именно она – будучи уже незрячей.

— Ты наши данные из проектора башни стёрла? — вспомнил я.

— Они никуда не попали, я напрямую, вторым потоком подключилась.

— Хорошо. Получилось так к месту. Спасибо тебе, сестра.

— Всегда пожалуйста. Ты заметил, кстати, как она отреагировала на карту?

— Н-нет, а что, как-то особенно?

— Задумчиво. Системы, где нет Империи… Где можно укрыться…

— Полагаешь, она уже готова бежать со мной на край света?

— Пока нет. Но нравишься ты ей всё больше и больше, и такая мысль у неё сегодня мелькнула, я почти уверена.

— Хорошо бы, кабы так.

Почистив зубы и умывшись в санузле за перегородкой, я вернулся в каюту и хотел было лечь, но Падме остановила меня:

— Подожди секундочку. Выгляни-ка в дверь.

Я подчинился. И почувствовал, как губы мои сами разъезжаются в улыбке. Осока Тано спала, свернувшись калачиком на диване гостиной и прижимая к себе Великий Голокрон.

2. Дикий охотник

Падме разбудила меня довольно поздно: включив часы на голографическом экране, я обнаружил, что по корабельному времени уже начало десятого, то есть, в Сенатском районе Корусанта скоро полдень.

— А молодая госпожа тоже недавно встали, — рассмеялась она на мой вопрос.

— Да? И чем *оне* занимаются? — поинтересовался я.

— Умылись, сейчас медитируют. Поднимайся, я вас покормлю.

Вопреки моим предположениям, Осока медитировала вовсе не с Великим Голокроном – он лежал в стороне – а просто так. При моём появлении она медленно открыла глаза. Улыбнулась. Сказала:

— Привет. Я думала, ты давно поднялся.

Я только руками развёл.

— Нам нужно поторопиться, — продолжала Осока. — У меня было видение. Следующий налёт случится со дня на день.

— Боеприпасы загрузить успеем?

— Конечно. Я войду от вас в систему тылового обеспечения?

— Валяй, — подойдя к люку шахты доставки, я открыл дверцу и достал поднос с завтраком.

— Опять твой необыкновенно умный корабль? — она приподняла бровь. — Да, спасибо, сейчас. Говори, что тебе нужно.

— Смотря по наличию. Ближнего боя с опцией миномётного старта – есть?

— С принудительным только.

— Не пойдёт, скорость велика, в нашем щите они увязнут. Придётся обойтись своими, у меня их только один комплект. А средней?

— С опцией? Да, есть.

— Шесть. В крайнем случае, используем их. Теперь торпеды. 7А, пожалуй, тоже шесть, — задумчиво сказал я. Отправляясь за грузом, я загрузил внутреннюю сторону каждой подвески торпедной трубой с тремя боеголовками каждая, а внешнюю – парой ракет ближнего боя. Ещё четыре ракеты лежали в трюмных нишах вместе с запасными трубами, но в тех были заряжены по одной боеголовке в модификации МГ-7Д, то есть, дальнобойные, на доставщике. Второй боекомплект и набор ракет средней

дальности я оставил на базе Нентан. Корабль облегчал, болван благодушный! Хорошо, что не выгрузил имитаторы целей и ионные мины… Оставались, правда, ещё заряды к ракетомёту, способные сбить истребитель, их можно было подвесить под крылья целую связку, но дальность – кинжальная, в районе семи километров.

— Выписала, — кивнула, тем временем, Осока. — Ещё что-то?

— Пожалуй. Закажи-ка три «валторны»… — я мгновение поколебался и добавил: — Лучше со спецзарядами.

— Барадиевые? — удивилась Осока. — Надеешься достать их носитель?

— Мы **обязаны** его достать. Иначе, сколько бы мы ни перемололи истребителей, они прилетят снова.

— Оптимист.

— В данном случае, оптимист это лучше информированный пессимист, — пошутил я. Я-то возможности собственного корабля знал досконально, а Осока кое о чём пока не подозревала. Продолжал: — Посмотри для меня ещё одну маленькую деталь? Вдруг есть?

— Надеюсь, не барадиевый фугас? — улыбнулась она.

— Нет. Фугасы на складах точно должны быть, а это… Процессор 5870PRL44 и дальше любые символы.

— Сейчас… Алекс, а для чего тебе этот антиквариат?

— У меня есть дройд-охранница, VS-5, слышала? Но полетел процессор.

— «Стражник» пятой модели? Да, жаль, настоящая редкость. На Корусанте такого процессора нет, есть на нескольких других складах, ближайший – Билбринги. Заказываю, к тому времени, как вернёмся – привезут.

Погрузка торпед и ракет в упаковке не заняла много времени. Развернуть спрятанные под полом трюмного пространства салазки и зацепить подвижными каретками соединённые в пакет контейнеры противокорабельных

ракет «Валторна-Б» тоже было делом десяти-пятнадцати минут. Старшина-логист подал команду, рабочий дройд выкатил из-под контейнеров транспортные стапеля, и пакет исчез в трюме. Не потренироваться нам на мечах в ближайшие дни: над противокораблельными по трюму можно пролезть, разве что, на четвереньках, у нас, всё-таки, космический корабль, а не Колонный зал, и потолок на нижней палубе всего два восемьдесят. Впрочем, Осока о тренировках и не вспоминала. Едва мы вышли в гиперпространство, она забралась с ногами на диван в дальнем углу рубочного зала и занялась Великим Голокроном. А я, развернув кресло в направлении кормы, любовался её спокойной, расслабленной позой, одухотворённым счастливым лицом. Да, возможно, я слишком пристрастен, но глядеть на то, как дрожат слегка ресницы её закрытых глаз, как чуть шевелятся в неслышном диалоге губы, я готов был часами. Нескоро, очень нескоро оторвалась она от Голокрона. Открыла глаза, посмотрела на меня, улыбнулась… и перевела взгляд на соседнее кресло.

— Мастер Тал! — воскликнула она. — Здравствуйте! Вы тоже здесь.

— Здесь, — отвечала Падме, вновь надевшая личину нурианки. — Надеюсь, общение со знаниями наших предков было плодотворным?

— Более чем. Получила ответы на пару давнишних вопросов, узнала кое-что новое.

— Хорошо. Позволь спросить: что сказала тебе Сила утром, на Корусанте?

— Меньше, чем хотелось бы. Я попыталась увидеть наше столкновение с «хищниками», чтобы понять, как скоро они нападут…

— Верный подход для твоих способностей, — кивнула «мастер Тал». Похоже, она имела в виду, что Осоке гораздо лучше удаётся косвенное предвидение, то

есть, не само событие, на которое направлено её внимание, а что-то вокруг него. Ну, за исключением ситуаций, когда Сила любезно подсказывает что-то сама, не требуя вопросов.

— Ждать недолго, — продолжала моя подруга. — Я почувствовала того, главного. Он страстно хочет убивать снова и ждёт только, когда исчезнет некая помеха, не позволяющая выйти в рейд. Мне видится, всё произойдёт через двое-трое суток.

Так и оказалось. «Амидала» висела в пространстве над условной плоскостью имперского полигона уже около тридцати часов, развернувшись носом к месту действия. Полигон раскинулся на сотни тысяч километров по периферии системы, в относительно незамусоренной области её пояса Койпера. Центральное светило отсюда казалось лишь очень яркой звездой, а чёрная тьма межзвёздного пространства была так близко, что, казалось, протяни руку, и зачёрпнёшь её, холодную и блестящую, словно нефть. Я старательно делал вид, что у нас установлена противорадарная система «Плащ», как на разведывательном варианте имперской «Мглы», и строго следовал процедуре. Во-первых, не подходить близко, «чтобы не увидели в оптическом диапазоне». Во-вторых, как только очередная стреляющая смена разворачивалась и уходила к планетоиду, где располагались полигонные службы – отойти ещё выше от эклиптики и ненадолго отключить щиты, «чтобы дать оборудованию сбросить статику». Дело в том, что традиционные системы маскировки могут работать без перерыва от двух до шести часов, обратно пропорционально размеру корабля, а габариты «Амидалы» вообще близки к пределу эффективности. Засветка от объекта размером больше пятидесяти метров становится выше порога чувствительности локаторов, и его можно сделать лишь «малозаметным», но не «невидимым». Конечно, если в

твоём распоряжении нет достаточно крупной друзы кристаллов стигия, такой, как мы с девочками нашли тогда на астероиде… Снова вспомнив о Рийо, я зажмурился, отгоняя подкатывающую печаль. Не время сейчас для этого.

— Они здесь! — неожиданно громко сказала рядом Осока.

— Можно более конкретно?

— Я тебе не телескоп, — чуть резче, чем следовало, ответила подруга, кажется, она слегка нервничала перед боем. — Они вышли на досвет в астропаузе, носитель, думаю, там и останется, а истребители идут сюда. И, смотри: по план-графику через два часа занятие эскадрильей, отражение налёта торпедоносцев. Как мило!

Последнее слово она произнесла как ругательство, и я понял, что вражескому агенту на полигоне сильно не поздоровится, когда она его изловит. Однако, на данный момент перед нами стояла другая насущная задача.

— Алекс, не возражаешь, если кораблём во время боя буду управлять я? — спросила Осока.

— Хорошо. А я, в таком случае, пойду на корму, займусь турелью и минными трубами.

— Не обижайся, что сгоняю тебя с места, — тогрута мягко похлопала меня по запястью. — Против адепта Силы так будет лучше.

— Я всё понимаю.

Собственно говоря, такая диспозиция меня вполне устраивала: в напряжённом бою без переговоров с Падме не обойдёшься, а в присутствии Осоки это невозможно. Управлять кораблём снизу менее удобно только потому, что рукоятки на креслах операторов не так функциональны, обзор же, благодаря голографическим панелям, отсюда не хуже. А уж с использованием визора, надеваемого на голову, разница и вовсе минимальна. Сидя в операторском кресле, я при помощи прицела нижней

турели с интересом наблюдал, как имперцы разыгрывают учебный сценарий. Мишени – их роли играли старые клонские истребители «Поток» и латаные-перелатаные «игреки» первых серий – шли в атаку на условный объект. Две девятки торпедоносцев под прикрытием восьмёрки истребителей. Имперские «двустволки» грамотно разделились на две группы, одна связала боем прикрытие, оттянув его в стороны, другая набросилась на торпедоносцев, прямо как «мессеры». Я поймал себя на том, что непроизвольно воспринимаю «игреки» как «своих», ведь почти такие машины же имелись в большом количестве у «Индесела» в прошлой жизни. Торпедоносцы-мишени изображали двухместные машины, и огрызались огнём турелей, между прочим, весьма грамотно. Самолёт не может перевернуться турелью в направлении атаки, а в космосе нет верха и низа, и управляющие машинами дройды-пилоты были запрограммированы на такие манёвры. Оружие у них, конечно, было не настоящее, но попадания регистрировались аппаратурой учебно-боевого истребителя, и она имитировала неисправности вплоть до полного отказа всех систем.

И вот, в тот момент, когда атакующие потеряли треть торпедоносцев, два СИДа вышли из строя от огня эскорта, а один был «сбит» бортстрелком, из глубин межзвёздного пространства возникли «хищники». Их было шестнадцать, как и имперцев, фотоэлектронный увеличитель нашего носового телескопа дал чётную картинку: стандартная «двустволка», выкрашенная в ядовитый жёлто-зелёный цвет. Один из условно сбитых пилотов погиб мгновенно, для отключения учебной системы «пакостник» требовалось несколько секунд, а их у него не оказалось. Осока дала тягу, стараясь скорее приблизиться к месту учебного боя, вдруг ставшему избиением. И через секунду воскликнула:

— Да что ты тупишь, королева?!

— Я не туплю, я сохраняю инкогнито, — обиженно проворчала Падме, она стояла рядом с моим креслом.

— Ионные блокированы. Отключить? — транслировал я Осоке.

— Нет! — огрызнулась та.

— Тогда бьём ракетами?

— Уже захватываю.

Дважды вздрогнул корабль, отправляя в направлении сцепившихся в свалке истребителей четыре из восьми наших ракет. Осока захватила по одной цели в каждом звене, а Падме ещё присовокупила команду «спуск с поводка», то есть, бить любого не своего, кто окажется в радиусе «финишного рывка» головной части.

— Чёрная кнопка под большим пальцем – энергетические торпеды «Хаор Чолл», — сообщил я.

— О? С «Грифа»?

— С него, родимого. Щиты сами отключатся на выстрел.

— А вот и наш Одарённый! — воскликнула Осока.

Я тоже увидел его. Проносясь с большим опережением мимо звена импов, он в одной атаке срубил сразу двоих, одновременно умудрившись увернуться от нашей ракеты. Впрочем, ракета в долгу не осталась: короткая вспышка в момент, когда сопло двигателя перекрыли тормозные щитки, взрыв – и один из ведомых адепта полыхнул облаком обломков. Ещё две наши «птички» нашли свои цели, лишь одна пропала даром. А Осока уже поймала в прицел одного «зелёного», ударила из крыльевых, промахнулась, но тут же точно всадила плазмоид в другого, что попался под руку. Ну, вот и моя работа начинается! Я развернулся вместе с креслом и стволами выносной установки, предупреждая попытку противника приблизиться. А, вы ещё, ну, идите сюда! Длинная очередь, далеко, почти три километра, но

«зелёные» моментально разбили строй, ведущий вправо, ведомый влево. Он был менее опытным, этот ведомый, потому что тут же угодил в зону поражения нашей верхней турели, и Падме с безжалостной точностью влепила в него серию болтов на предельной дальности. Я фигею, зелёный, как ты дымишь! Три… нет, уже четыре покойника – это открыли счёт имперцы – и двое подранков. Хороший счёт, если не учитывать, что имперцев осталось всего девять из шестнадцати, один подбитый. Не вмешайся мы вовремя со своими ракетами, жертв среди импов было бы, наверное, вдвое больше. Сейчас все оставшиеся «зелёные» набросились на одну-единственную, самую опасную цель – на нас. Импы пытались клевать их с тыла. Осока, в свою очередь, не обращая внимания ни на что, охотилась на адепта. Но тот чуял угрозу, не попадал под очереди, а пару нацеленных в него ракет – стряхнул, закрывшись торпедоносцем-мишенью. После этого, решив больше не искушать судьбу, на полной тяге бросился наутёк. Его прикрывали ещё двое, а пять уцелевших с удвоенной яростью набросились на «Амидалу» и шесть имперских «двустволок», ещё способных вести бой. Осока попыталась оторваться. Один из «зелёных» пошёл на таран.

— Дай!!! — заорал я, изо всех сил давя кнопку фиксации положения в пространстве. И в момент, когда доворачивать пирату стало поздно, хватил на себя до упора. Направленные вниз реактивные струи реверс-моторов и маневровых блоков носовой части подбросили нас вверх. Ужасный скрежет на миг заполнил, казалось, весь объём корабля – «зелёный», всё же, чиркнул нам по брюху одним из шестигранных ионизаторных «колёс». И бесконечная серия чавкающих звуков, с каким разряжаются в пустоту бласт-каморы плазмопушек. Обернувшись, я увидел, как таранивший нас наглец превратился в огненный шар.

Несколько секунд в корабле царил полный сумбур. Охнула от боли и выругалась Падме, да так, что не только сапожник, бывалый корабельный боцман бы залился краской, как гимназистка. Затем мы хором спросили друг друга:

— Брат, цел??

— Как корпус?? — одновременно кивнули в ответ, и так же хором:

— Осока????

— Я в порядке, Алекс, проверь герметичность! — откликнулась моя подруга и лишь потом поинтересовалась. — Ты пристёгнут, надеюсь?

— А то! Не волнуйся, днище цело! — сказал я и одними губами, для Падме, добавил: — Ну, как, болит?

— Нет, уже нет. Когда не пробито, быстро проходит.

— Ну, слава богу, тогда маскировка, и за ними.

— Погоди, отойдём подальше. Поднимись к ней, объясни, не нужно сидеть у них на хвосте, надо отстать, чтобы успокоились.

— Так переместись и скажи, ты же у нас Тал, она тебя послушает.

— Ой, точно! — она исчезла.

К тому времени, как я поднялся в рубку, Осока и «мастер Тал» обсуждали, что же могут предпринять беглецы, чтобы от нас оторваться.

— Не думаю, чтобы они так уж остерегались, — говорила Осока. — Оглядываться будут, а неверный курс – вряд ли. Слишком много истрачено инерта, могут потом не дотянуть.

— Инерт я не учла, — согласилась призрачная женщина. — Ты права.

— В любом случае, надо сделать вид, что мы не тянем, — заявил я, — и потихоньку отставать.

— Да, так и делаю, — Осока махнула рукой в сторону пульта, где цифры дальномера постепенно

увеличивались. — Вы с мастером Тал очень похоже рассуждаете.

Мы с Падме переглянулись.

— Конечно, — ответил я. — Столько времени общаемся.

Истребители прокололи фронт ударной волны «звёздного ветра», и наши сканеры, кроме оптических, сразу перестали их видеть. Я немедленно включил маскировку и дал полную тягу ионными. Сейчас наш след они не засекут, следовало этим воспользоваться.

— А направление они меняют, — заметила Осока. — Отчасти и Вы были правы, мастер.

Граница астросферы приближалась, и я погасил главные двигатели, перейдя на плазменные, тепло которых полностью нейтрализует маскировочная система. Осока сидела неподвижно, словно прислушиваясь к чему-то.

— Ну, и подонок, — сказала она, наконец. — Ни тени сожаления, что погибли его люди, а кто-то попал в плен. Только радость и жажда мести.

— Готовый Тёмный аколит, — хмыкнул я. — Чего доброго, вместо суда окажется в вашей академии.

— Лорду Вейдеру не нужны психопаты, — Осока поморщилась. — Он сам когда-то еле-еле выкарабкался из этого состояния. Всё, что ему надо – знать, кто за этим стоит.

— Допускаешь, что просто реблы?

— Какие-то очень не бедные они получаются, — покачала головой Осока.

— Мон Мотма и Бэйл Органа тоже весьма и весьма состоятельны, — заметил я.

— Нет, они, как раз, при всей своей оппозиционности, вынуждены играть по правилам. Здесь, скорее, кто-то со стороны.

— Хатты, фоллины… — перечислила, поясняя, «мастер Тал».

— Или мандалоры! — Осока указала на пульт, где засветилась новая отметка. Рядом светилась информация блока обработки: «класс: линкор, тип: Кельдаб». Да, это мандалорский корабль. Или построен на Мандалоре для какого-нибудь криминального картеля. Больше километра в длину, неплохо бронирован.

— М-да. А ты говоришь, зачем барадиевые, — пробормотал я. Подруга кивнула:

— Да, обычными эту махину только пощекочешь. Умница ты!

— Спасибо.

— План такой. Подойти как можно ближе, так больше вероятность, что ракеты не перехватят. Вводи исходные головкам. Как только нас обнаружат, а я это почувствую, отключаем щит, бьём этих двоих наповал, адепта стреноживаем, потом пуск, хватаем его тракционным лучом и дёру. Канонирам некоторое время будет не до нас… но одна ракета из трёх должна дойти, даже если наводчики мандалоры.

«Чтобы попасть, нужно сначала увидеть», — усмехнулся про себя я, но раскрывать Осоке наличие у нас стигиевой маскировочной системы опять не стал. Подождём до момента, пока отбрехаться по-другому не получится.

— Такое впечатление, что они ослепли! — воскликнула Осока, когда расстояние до «кельдаба» измерялось уже не тысячами, а сотнями километров, и истребители стали гасить скорость перед заходом на посадку. — Не ловушка ли это?

— Ты чувствуешь угрозу? — спросила «мастер Тал».

— Н-нет.

— Тогда не волнуйся. И включи их переговоры. Очень удивишься.

Звуки чужого языка озадачили Осоку.

— Это не *мандо'а*. Я вообще ни разу не слышала этого языка.

— Зато слышала я. Хейпанский.

— Шпионы Консорциума? Однако. Мы разворошили то ещё осиное гнездо, ребята, — руки её порхали над возникшей клавиатурой, вводя сообщение. — Готов, Алекс?

— Давно готов, — сказал я, продолжая гасить скорость таким образом, чтобы находиться ниже и чуть сзади пиратских истребителей.

Всё, действительно, находилось в полной готовности. Противокорабельные были нацелены на линкор: первая в корму, в досветовые двигатели, две другие – в нижнюю часть перед рубкой, где, судя по справочнику, у этого зверя располагается реактор. Ракеты ближнего боя уверенно держали истребители, на случай первого промаха. Сто километров. Пора! Я отключил щиты. «Ближний бой» не потребовался. Осока безошибочно вогнала по плазмоиду в каждый из сопровождающих адепта истребителей, с ювелирной точностью отстрелила ионизаторы самому поганцу. Я дважды нажал пусковую клавишу… а третий раз не стал. Почему-то появилось ощущение, что и двух ему хватит за глаза. Две реактивные рыбины длиной по восемь метров ушли на цель. Теперь – дёру, как ёмко выразилась Осока. С болтающимся на невидимом буксире покалеченным СИДом мы описали гиперболу и оказались на траектории убегания в тот самый момент, когда сработали заряды. Две яркие вспышки, совсем не страшные с такого расстояния, на миг рассеяли вечный мрак дальнего космоса. Несколько секунд линкор ещё висел в пространстве, словно в раздумье, а потом разломился на две неравные части.

3. Откровения

Внешность хейпанского адепта оказалась примерно такой, как я и ожидал. Очень симпатичный молодой человек, похожий на одного отечественного актёра:

большие выразительные глаза льдисто-голубого цвета, правильной формы нос, тонкие подвижные губы, волевой подбородок, романтичные кудри. Он с ходу попытался улыбнуться и сделать **взгляд**, несомненно, действенный в отношении большинства представительниц прекрасного пола, но увидел мечи на поясе Осоки, и глаза его сразу потухли, а губы закаменели.

— Ситская сучка, — выплюнул он.

— Фу, как грубо, — покачала головой Осока.

— И что ты мне сделаешь? Придушишь, как у вас принято? Так хейпанцы смерти не боятся, — на базик, кстати, он говорил чисто, без какого-либо характерного прононса.

— О, нет. Пытать тебя будут на Корусанте, — хищно усмехнулась Осока. — Я предлагаю просто поговорить, если угодно. А нет – пойдём, подвешу тебя в удерживающие поля и буду допрашивать офицеров вашего линкора. С ними возиться не надо, сами зачирикают.

— У всех сотрудников ментальные детонаторы, — фыркнул он. — Вам ничего от них не узнать!

— Очень мило с твоей стороны сообщить мне об этом. Видишь, как близок путь от гордыни до предательства?

— Подумаешь, секрет! Ваша разведка и так прекрасно об этом знает!

— О том, что офицеры твоего корабля – кадровые разведчики Матриархата? Нет, об этом мы впервые слышим от тебя. Будешь продолжать *кочевряжиться*, — Осока сама не заметила, что произнесла это слово, вызвав у меня невольную улыбку, — или поговорим?

— Спрашивай.

— Вопрос первый: **зачем**?

— Что зачем?

— Эта забава. Жестокая по форме и идиотская по содержанию. Могу ещё понять налёты в **разных** местах,

но раз за разом прилетать в одно место? Ты не понимал, что рано или поздно тебе прищемят хвост?

— Пока не появилась ты, хвосты вашим раз за разом щемил я! — заносчиво заявил хейпанец. — В том числе, и наставникам. Мой счёт уже больше, чем у любой леди в эскадре моей матери!

— Чтоб ты сдох! — по-русски сказала Осока. — Алекс, ты понимаешь, да? Этот недоносок пытался себя поставить! Доказать, что и он не хуже женщин-пилотов! А знатная мамаша покрывала его художества, — она вновь перешла на базик, обращаясь к пленнику: — Тебе никогда не было позорно, что ты побеждаешь не за счёт мастерства, а благодаря врождённому преимуществу? Хотя, что я говорю, слово «мораль» хейпанцам неизвестно.

Парень хохотнул:

— Подумать только, о морали мне говорит сит!

— Я-то не всегда им была, — заметила Осока, — а вот ты, похоже, таким уродился. Правильно делают ваши женщины, что не допускают вас к власти, если вы настолько ущербные!

— Вызов от дежурного по полигону, — предупредил я, заметив на видеостене мигающую надпись.

— Спасибо. Я в гостиной поговорю, хорошо? — тогрута неожиданно резко взмахнула рукой, и хейпанец вдруг застыл, как громом поражённый, даже не мигая. Затем с тем же окаменелым выражением лица кулём повалился на диван. Осока пояснила: — Это чтобы на тебя воздействовать не пытался. Ты, правда, умеешь сопротивляться, но на всякий случай.

Вернулась она буквально через полминуты. Сообщила:

— Прилетел полковник Юларен, ну, это из Службы безопасности.

— Помню такого. В войну он был адмиралом, вы служили вместе.

— Верно. Очень порядочный офицер. В *бюро*, к сожалению, таких меньшинство.

— У нас говорят «Контора», — подсказал я.

— Ага, запомню. В общем, он просится допросить этого, — Осока кивнула на хейпанца. — В моём присутствии. Оказывается, агенты на полигоне и в региональном штабе флота завербованы именно им.

— Вот этим спесивым дураком?

— Благодаря Дару, он неотразимо действует на девиц. Легко знакомится, легко влюбляет в себя. Видимо, именно поэтому мамочка ещё не пристукнула его, а, наоборот, позволяет так развлекаться.

— А что, могла и пристукнуть?

— Запросто! Хейпанки, особенно из высших слоёв, предельно прагматичны и абсолютно безжалостны. Их политическая кухня напоминает банку с пауками, каждая старается прикончить соперниц. А уж второстепенные члены семьи, то есть, мужчины, для них вообще расходный материал.

— К сожалению, жестокость свойственна большинству из вас, — развёл руками я. — Вы ведь предназначены природой не для ритуальных схваток, как мы, а для защиты потомства. Когда все средства хороши.

— Увы, увы. Нет ничего более жестокого, чем драка между двумя женщинами, — согласилась Осока.

— Как думаешь, этого нам придётся и на Корусант везти?

— Постараюсь избежать такого сомнительного удовольствия и отправить его с Юлареном. Если, конечно, шеф разрешит.

Возвратилась она примерно два часа спустя, к моей искренней радости – одна.

— Сплавила! — с явным облегчением сообщила она. — Нам приказано ждать дальнейших распоряжений.

— Отлично. Тогда для начала предлагаю пообедать.

— Я ещё не голодна. Давай через часик.

— Какая-то ты грустная, — заметил я. — Шеф что-то высказал?

— Нет, он, как раз, нас хвалил. Послушай, Алекс. Хотела с тобой поговорить вот о чём. Как ты смотришь на то, чтобы встретиться с ним?

— С кем, с Вейдером?? — опешил я.

— Да, — Осока кивнула и продолжала быстро, спеша высказать мысль целиком, пока не перебили: — Понимаю, тебе тяжело это сделать, из-за сестры. Но, может быть, всё же, сможешь выдержать короткий разговор?

— Да на кой он мне сдался, твой Вейдер? — возмущённо сказал я. — Век его не видел и век бы не видеть!

Подруга, обычно весьма строгая к формулировкам, проглотила на сей раз даже «твоего Вейдера».

— Сейчас всё объясню, — ответила она. — В последнее время ты очень успешно мне помогаешь, и он об этом знает. Рано или поздно он захочет познакомиться с тобой лично. Отказаться, сам понимаешь, не получится, разве что… *переходить на нелегальное положение*, правильно говорится?

— Угу.

— Вот. А я предлагаю его опередить.

— Смысл?

— Ты ведь не только из-за Падме не хочешь с ним пересекаться. Не мотай головой. Тебя беспокоит, что он может задать вопрос о твоих ребятах или ещё о чём-то, что ты предпочёл бы сохранить в тайне.

— Ну, да, да! — вынужден был признать я. — Я ведь не ты, я не смогу ему соврать так, чтобы он не почувствовал.

— Поэтому я и предлагаю взять инициативу в свои руки. Выберем максимально удобный момент. Для нас. И неудобный для него. Чтобы не было у него времени на

длительную беседу. Тогда все твои тайны останутся при тебе. А от следующей встречи можно будет уклоняться хоть до посинения. Вполне объяснимо, личная неприязнь из-за истории с Падме.

— М-м… Резонно, конечно, но…

— Нужны ещё аргументы? Изволь. Ты говорил, что угнал этот корабль со свалки испытательного полигона сиенцев. А документы на него как делал?

— Уж не через Имперскую канцелярию, понятно.

— То-то и оно! Я проверила её *ид* по Галактическому Регистру. Простую проверку он пройдёт, углублённую – нет. Потому что появился в базе совсем недавно, а дата выдачи числится десять лет назад. Да, разумно с точки зрения придирок. Давно владеешь – меньше вопросов. Вот только стоит поднять архивную копию за эту дату…

— Там будет числиться совсем другой корабль, — закончил за неё я.

— Вот именно. Но я могу между делом попросить Повелителя, и нам выделят **военный** регистрационный номер. И он-то уж будет самым настоящим!

— Не понимаю, какая связь. Можешь – проси.

— Тогда он совершенно точно захочет с тобой побеседовать, — вступила в разговор «мастер Тал», появляясь на диване рядом со мной. — И максимально подробно.

— Вот-вот! — подхватила Осока, воодушевлённая неожиданной поддержкой. — Зато **после** разговора – заметь, на наших условиях – это будет вполне уместно.

— Я что-то не понял, — я посмотрел на голограмму. — Ты тоже меня агитируешь??

— Пока только помогаю взвесить все «за» и «против», — сказала фальшивая джедайка.

— Ты же понимаешь, почему я не могу с ним встречаться! Вдруг он увидит… Случайно. Риск остаётся, каким бы коротким ни был разговор.

— Понимаю, Алекс. А ещё я понимаю, что надо как-то устраиваться и жить дальше. Компании нет, нет её баз…

— Базу мы и свою построить можем, — возразил я. — И компания будет. Пусть совсем маленькая, но независимая.

— Компания – это хорошо, даже очень, — улыбнулась Осока. — Я только «за». Но сейчас мы говорим не об этом.

— Ну, хорошо. Предположим – только предположим – что ты демонстрируешь меня Вейдеру. У него в этот момент жуткий цейтнот…

— Только так, — кивнула Осока.

— О чём он захочет поговорить в первую очередь?

Мы принялись обсуждать вопросы, которые захочет задать Вейдер, и что мне на них отвечать. Не лгать ведь тоже можно по-разному, в этом я не раз убеждался в разговорах с **этой** Осокой. Разумеется, Вейдер – тогда ещё Анакин Скайуокер – знал, что у его жены не было кузена, здесь нужно отвечать честно: «сами не знали о существовании друг друга». А кровное родство подтвердит простейшая генетическая экспертиза. Больше всего меня беспокоили расспросы о корабле. Осоку – тоже. Анакин был пилотом и с детства интересовался всем, что связано с космическими кораблями. Давать ему возможность увидеть «Амидалу» вблизи нельзя ни при каких условиях. Произносить слова «опытный» и «предсерийный» тоже, сразу привлечёшь внимание. Лучше обойтись обтекаемой формулировкой «первых выпусков». Ещё крайне неприятными могли стать вопросы о фирме, где я работал. Пришлось мне признаться Осоке, что данных о моей компании ни в каких регистрационных органах нет – здесь, в этой жизни, их, и в самом деле, не было. Однако, по этому поводу тогрута даже не встревожилась:

— Не бери в голову! Таких компаний на два-три десятка кораблей по Галактике миллион, и каждая четвёртая не оформлена.

— Неужели настолько большой процент нелегалов? — удивился я. Осока кивнула:

— Это стараются не афишировать, но да. По статистике каждых ста компаний двадцать три нигде не зарегистрированы. Кстати, будь готов к тому, что Вейдер предложит тебе поступить на службу в Имперский Фельдъегерский корпус. Это обычное прикрытие для разного рода внештатных помощников.

— Так. Погоди, — сказал я. — А вот это предложение мне придётся отклонить.

— Да почему? — воскликнула она. — Это всего лишь формальность! На деле ты так и останешься моим напарником. Зато тогда тебя вообще никто не посмеет тронуть, даже Контора, даже разведка!

— И всё же, я, пожалуй, побрезгую, — покачал головой я.

— Чем тебе настолько не нравится Империя, что ты даже для вида не хочешь на неё поработать?

— А чем она может нравиться?!

— Это не ответ, — нахмурилась Осока. — Объясни по пунктам.

Хорошо. Я начал загибать пальцы. Во-первых, расизм. Эта черта имперской политики вызывала у меня чувство, близкое к отвращению. Не спорю, мышление некоторых видов, вроде геонозианцев, людям понять непросто. Но среди гуманоидов отличия в менталитете и культуре едва ли выходят за рамки, которые есть у нас на Земле, и найти взаимопонимание совсем не сложно. Я десятки раз в этом убеждался. *Фо-фейане*, *каамаси*, *салластане*, *фаргул*, не говоря уже о тогрутах, твилеках и забраках. К тому же, раздражало это странное, непостижимое для меня деление «люди» – «хуманы».

Почему фондорцы с их пурпурной кровью людьми считаются, а лоррдианцы и хейпанцы, ничем не отличающиеся от нас, *базлов*, визуально – нет? Совсем уж вопиющий случай – вронианская группа, к которой относятся панторанцы. До 993 года их считали людьми, затем почему-то лишили этого звания. Уж не потому ли, что панторанская диаспора на Корусанте чем-то досадила «белым господам»? Во-вторых, официально узаконенное рабство. В-третьих, процветание оргпреступности и контрабанды. Цинизм имперских властей дошёл до того, что они начали брать налоги с криминальных кланов хаттов и фоллинов. Налоги с торговли наркотиками, грабежей, проституции! В-четвёртых, полное беззаконие в бизнесе. Крупные корпорации практически срослись с государством, а не понравившуюся компанию средней руки могли закрыть **просто так**, потому что мешает, в последнее время – даже не заботясь о том, чтобы организовать провокацию или подставу, как поступили когда-то с известным перевозчиком «Сартран»…

Осока слушала, и по глазам её было видно, что мои речи ей совсем не по душе. Наконец, она не выдержала:

— Можно подумать, Республика была вся такая белая и пушистая! Бизнес мы, видите ли, зажимаем! А при Республике ему давали слишком много воли! Позволили целую армию против себя построить. Коррупция, говоришь? Так Империя с ней, хотя бы, борется, как и с преступностью, кстати. Не на словах, а на деле!

— Ага-ага, боретесь. Только воруют всё больше и больше, — съязвил я. — А криминальные лорды строят себе целые замки прямо на Корусанте. Или ты не в курсе?

— Алекс, Алекс, спокойнее, не надо так горячиться, — мягко сказала «мастер Тал».

— Да я спокоен, как стадо удавов! — отмахнулся я, и снова обратился к Осоке: — Ну? Скажешь, не так? Про зверства вашей доблестной военщины я вообще молчу.

Помнишь зачистку Кааамаса в восемьдесят первом? А Фоллин, где в позапрошлом году Империя старательно уничтожала биологическое оружие, которое сама же там и разрабатывала??

— Я тебе тоже могу кое-что напомнить, — огрызнулась она. — Например, Набу, шестьдесят восьмой год. Или Пантору, одиннадцать лет спустя. Республика фактически бросила эти планеты на произвол судьбы!

— Это действительно так, как ни печально признавать, — вздохнула молчавшая до поры «мастер Тал».

— Не спорю, — согласился я. — Ситуацию с Панторой я вообще никогда не мог понять. Блокада Набу, по сути, была этаким «спором хозяйствующих субъектов», схваткой за ресурсы внутри Республики. У которой даже нормальной армии не было. Но тут-то уже шла война! И вдруг нейтральная, вроде бы, сторона – Торговая Федерация – совершает нападение на правоверную республиканскую планету. Ну, не было поблизости наших сил, хорошо. Почему Сенат просто не дал распоряжение считать Республику и Федерацию в состоянии войны? Имущество на планетах – конфисковать, а корабли – бить везде, где попадутся! Неймодиан это быстро бы привело в чувство.

Она тяжело вздохнула:

— Мы просто не успевали принять решение. Знаешь же, как долго тогда всё обсуждалось. И планету бы не спасли, и торговые связи нарушили… Вот Осока всё видела, не даст соврать. Осока?

Повисла пауза. Осока расширенными глазами глядела на ту, кого до сего момента считала одной из старых мастеров Ордена.

— Ты не Тал… — прошептала она. — Звёзды, это невозможно… Падме???

— Да, дружочек, это я, — голограмма приняла свой настоящий вид. — Извини за маскарад.

— Но как же? Не понимаю. Ты ведь не была связана с Силой! А только старые мастера…

— Я не Призрак-в-Силе, я что-то другое. У моего сознания есть физическое вместилище. *Шард*, соединённый с корабельным компьютером.

— Какой ужас. Но кто и как сделал такое???

— Точно мы не знаем. Брат нашёл меня в этом состоянии несколько лет назад.

— А вот братцу я сейчас хорошенько двину за обман! — Осока приподнялась с места, опершись рукой на подушку дивана. Возможно, она хотела всего лишь схватить меня за ворот и встряхнуть, но Падме не стала дожидаться и удержала её руку:

— Не надо, пожалуйста.

— А… — тогрута так и плюхнулась обратно. — Как ты это делаешь??

— Меня научил один очень мудрый наставник и друг. Наш с тобой друг.

— Кеноби? Он жив??

— Два года назад был жив и здоров, с тех пор мы его не видели, к сожалению.

— И ты всё это время присутствовала здесь, на корабле?

— Конечно, ведь я, по сути, и есть корабль.

— Почему же вы мне сразу… Ах, да, конечно. И я сама же добавила недоверия, когда полезла в твои сны.

— В любом случае, это уже в прошлом, — я положил руку ей на плечо. — Теперь ты понимаешь, почему я так опасаюсь встречи с Вейдером?

— Ещё бы! Ты прав, узнать о Падме он не должен ни при каких условиях. Иначе последствия могут быть…

— Какие угодно, — подсказала Падме.

— Да, у него может окончательно сорвать крышу. Ничего. Теперь я в курсе и прикрою тебя собственным блоком, чтобы он…

— Извини, — перебила Падме. — Пришло сообщение. От ребят. Ох…

— Что такое? — встревожился я, ибо страдальческое выражение лица сестры не предвещало ничего приятного.

— Читайте, — кивнула она на видеостену.

Метка письма свидетельствовала, что оно отправлено с планеты Гизер в Лантиллианском секторе, именно там находилась резиденция посредника, с которым работали мои мандалоры. Сообщение было написано на словиоски и, несмотря на лаконизм, повергло нас в состояние близкое к шоку.

Тяжело ранен командир. Везём в госпиталь.

Мы установили заказчика покушения. Это…

Я посмотрел на Осоку, она на меня. Потом глаза наши синхронно повернулись обратно к экрану, чтобы ещё раз прочесть имя. Мол. Дарт Мол.

4. О пользе авторской песни

На несколько тягучих секунд в рубке воцарилась гробовая тишина. Осока потёрла пальцами виски. Спросила глухо:

— Алекс, как думаешь, не могли твои ребята ошибиться? У нас в Инквизиции считается, что он убит в семьдесят девятом на Мандалоре.

— Исключено. К… в смысле, их командир видел его вблизи, как раз, тогда.

— Я должна немедленно доложить лорду Вейдеру.

— Конечно, — сказала Падме. — Сейчас установлю связь.

Смотреть на Осоку Тано, преклонившую колено перед чёрной голографической фигурой Тёмного Лорда, было неприятно и больно. Я невольно скрестил руки на груди: вот этого он точно от меня не дождётся, даже если мы встретимся! Почувствовал на своём плече руку

сестры. Падме укоризненно покачала головой, дескать, не осуждай.

— Что-то срочное? — прогудел Вейдер.

— Повелитель, нам удалось установить, кто стоит за покушением на кавалера Ропеана. Это Дарт Мол, он жив.

Небольшая пауза.

— Информацию о том, что Мол жив, не распространять, — произнёс Тёмный Лорд. — Это государственная тайна.

О как! Сделав шаг к стене, я написал пальцем на видеопанели: «*Знает??*»

«*Что жив – определённо*, — высветила в ответ Падме. — *Про Ропеана – нет, удивился*».

Выдержке Осоки можно было только позавидовать. Таким же ровным голосом она спросила хозяина:

— Что мне делать, Повелитель?

— Имперская Инквизиция не должна быть вовлечена ни во что, что связано с Молом. С другой стороны, лично я был бы удовлетворён, если бы это досадное недоразумение было, наконец, устранено.

— Понимаю, — склонила голову Осока. — Никто не должен узнать.

— Срок – две стандартные недели. Не уложишься – не страшно, в другой раз. Будь предельно собрана, помни, это – Мол, он убил Квай-Гона и Визлу.

— Да, Повелитель.

Чёрная фигура исчезла. Осока смотрела на Падме.

— Осуждаешь меня? — спросила она.

Падме, прежде чем ответить, подошла, крепко обняла её, погладила кожистый «башлык» на голове тогруты. Сказала:

— Нет, что ты. Очень печально, что у тебя не отказалось другого выхода, но его ведь, действительно, не было. По крайней мере, ты сумела остаться хорошим человеком и на такой гадкой работе.

Осока осторожно высвободилась, печально произнесла:

— Знала бы ты, что мне приходится делать на этой работе, ты бы так не говорила.

— Позволь напомнить, что Реван одно время даже носил кличку «Дарт», но это не мешает нам считать его одним из самых уважаемых джедаев древности.

— Ты слишком добра ко мне!

— Ровно настолько, насколько ты заслуживаешь. Ну, что, за дело?

— За дело! — Осока с некоторым трудом, но, всё же, улыбнулась.

В этом перелёте, впервые за несколько лет, я чувствовал себя немного брошенным, что ли. На меня обращали минимум внимания: девочки общались между собой. Но разве можно было сердиться на них за это? Осока не виделась с Падме почти шестнадцать лет! Что характерно, в отличие от прошлой жизни, контакт между ними восстановился почти мгновенно. Меня это не особо удивляло: тогда, после пробуждения на «Эксисе», Падме первое время оставалась какой-то немного отстранённой, словно не до конца оттаявшей. Только после полёта на Ансион она вновь стала собой, во всяком случае, так говорили те, кто знал её во времена Республики. Сейчас я с умилением наблюдал, как восторженно смотрит на Падме Осока и как осторожно, кончиками пальцев, держит её за руку, похоже, сама не замечая этого.

Адрес логова посредника был мне известен от Корки, поэтому после приземления мы с Осокой прямиком двинулись туда. Как я и подозревал, хозяина дома не было. Соседи с нами разговаривать тоже желанием не горели, делали вид, что «никого взрослых нет дома». Осока вздохнула. Прислушалась к Силе, выбирая наиболее перспективную дверь. Вскрыла её быстрым движением мечей и Силовым толчком отправила тяжёлую

дюрастиловую плиту в полёт через всю прихожую, припечатав к дальней стене подслушивающего за ней хозяина. Его жена оказалась более прыткой и успела отскочить в сторону. Собственно, она нам и была нужна, это я понял сразу: подобных дворовых сплетниц с бегающими любопытными глазками я не раз встречал дома. И не столь важно, что у этой на голове росли направленные вниз толстые костяные рога.

— Погоди, — остановил я подругу, собиравшуюся уже сграбастать хозяйку за декольте. — Мадам. По Вашему лицу вижу, что мы обратились по адресу. Вы ведь всё и про всех знаете, верно? Нам нужна информация о вашем соседе, этом ящере.

— Ничего я не знаю! — огрызнулась женщина-*икточи*. — Удрал ваш ящер, с вещами! Третьего дня ещё! — голос её становился всё громче, всё визгливее. — Убирайтесь отсюда, не то позову по…

— Послушай, корова, — перебил я уже не столь вежливым тоном. — По-твоему, я похож на джедая?

— Н-нет… — ответила она гораздо тише и, подумав, решила добавить: — сэр.

— А моя девушка вообще сит! Не будешь говорить у меня по-хорошему, заговоришь у неё по-плохому, а потом поедешь лечиться к патологоанатому!

— Х-х… — втянула она воздух меж зубов.

— Да-да, примерно таким образом, — кивнул я. — Повторяю вопрос. Ящер. С кем водился, где бывал?

— С наёмниками он водился. Страшные все, как пираты из голодрамы, — хозяйка помахала толстыми пальцами. — Я и не выходила, боялась. Но кой-чего слыхала. Одного, с белыми глазами, зовут Пир Ютва. Другого, со щупальцами вместо рта – вроде, Ф’дерст.

— Куаррен, что ли?

— Не, не, другой, как его… а, *хил*! Ещё девки были, красивые, шлюхи, наверное. Одну, красную твилеку, он

называл Харуна. Но её вы вряд ли найдёте, они вместе уходили.

— Хорошо. Бывал он где?

— Да в пивнушках, где же ещё. Каких – не знаю, сама не употребляю, и муж у меня непьющий. А только ходил он куда-то на площадь Катастроф.

— Вот это уже кое-что, — сказала Осока. По-хозяйски прошла через прихожую, вытащила из-под двери главу семьи, спросила сочувственно: — Ну, ты понял, что подслушивать нехорошо? А что отскакивать надо вовремя? Понял? Ну, отдыхай.

На этот раз, выйдя на улицу, уже она протянула мне руку ладонью вверх.

— Молодец! Как по нотам, — одобрила она.

— Рад стараться, — усмехнулся я, шлёпая своей ладонью по ладони подруги.

Размеры площади Катастроф впечатляли. Достаточно сказать, что посередине её, давно вросший в землю, торчал остов разбитого космического корабля размером с фрегат. Вокруг серебрился водоём в форме кольца шириной метров десять, а между ним и ближними домами хватало места, чтобы сыграть в футбол по всем правилам. Неудивительно, что в пределах видимости я обнаружил не менее дюжины различных питейных заведений, и на дальней стороне площади их должно быть примерно столько же.

— Что будем делать? — спросил я. — Обходить по очереди?

— Пройдёмся сначала по периметру, — предложила Осока. — Возможно, Сила что-нибудь подскажет? — и сцепила пальцы на сгибе моего локтя. Совсем как в прошлой жизни.

Что ж, можно и по периметру. Положившись на чутьё подруги, я повёл её слева направо вдоль опоясывающих площадь зданий. Одна кантина, вторая,

третья, четвёртая… Осока поглядывала на вывески, но пока молчала. Внезапно из открытых дверей очередного заведениия до моего слуха донеслись бодрые звуки *кветарры*, сложились в очень знакомый мотив:

Мы врывались в атмосферу из заоблачной дали,
Сквозь огонь в стальную стену развернулись корабли.
А внизу горят кварталы, смотрят в небо сотни глаз…
Вам колоний было мало?! Мы идём, встречайте нас! [1]

Ого! Уж этот голос, резкий и мелодичный одновременно, трудно спутать с другим, когда столько раз слышал его и с музыкой, и в прозе.

— Давай зайдём? — сказал я.

— Почему именно сюда? — поинтересовалась Осока.

— Сила подсказывает мне, — смиренным тоном буддийского монаха произнёс я.

Подруга засмеялась:

— А, по-моему, всё дело в том, что здесь кто-то неплохо исполняет военные песни. Любишь самодеятельное творчество?

— Люблю. В таких песнях порой заложено больше смысла, чем в целой философской лекции.

— Что верно, то верно. Зайдём, послушаем. Может, и те, кого мы ищем, клюнут на хорошие песни.

Осокино предположение имело под собой основания. Примерно половина из собравшейся в кантине публики были либо наёмники, либо контрабандисты. Заметил я и откровенно бандитские рожи. Несколько пожилых существ, сидевшие поближе к центру зала, были, должно быть, местные ветераны. На крохотной сцене, похожей больше на круглую подставку под какую-нибудь девушку с веслом, стоял высокий барный стул, и на нём расположилась исполнительница. Слух меня не обманул, это была Латс

[1] Здесь и далее, где не указано иное – стихи Светланы Никифоровой

Рацци собственной персоной. Она и здесь определённо не стала профессиональным менестрелем, работала, как и в прошлой жизни, по «основной специальности», наёмником, а сейчас просто вышла спеть для собравшихся коллег. Об этом свидетельствовал её костюм, неброский и удобный, пристёгнутый к бедру бластер и знаменитое боевое боа с острыми плоскими крючьями вместо перьев, обёрнутое вокруг шеи. Сейчас тиилинка как раз начала следующую песню, в совершенно другом темпе и тональности:

Что-то ломится в дверь, я не знаю, что это такое.
Несерьёзные сны формируют меня исподволь.
И опять без потерь – что-то штатно, кого-то прикрою...
Ухнет птица весны, обернувшись ночною совой.

Догорает звезда. Я ищу в подсознанье вопросы.
Замороженный в лёд, спит в забвении древний Зиост.
Убежать в никуда по сегодняшним меркам непросто...
Продолжаю полёт, как в безвременье принятый пост.

Неоконченный путь – диалог, что сорвался на взлёте.
Маркер пройден опять на опасном лихом вираже.
Никуда не свернуть, что-то будет на том повороте...
Если что-то менять, то вчера. Или поздно уже?

— Удачно ты подгадал, — сказала Осока, усаживаясь за столик. — Как про меня написано. Полёт сквозь ночь…

— …от заката к рассвету, — добавил я.

— Будет ли он для меня, вот вопрос?

— Что за упаднические настроения?! — возмутился я. Но тут появился официант, черноглазый губастый салластанин.

— Закажете? — спросил он.

— Мясо на проволоке для этого господина, — ответила Осока, — запечённые бутерброды, каф, иридонийские сладости.

— Слушаю-с, — официант удалился и вскоре притащил всё, что было заказано.

Мы принялись за еду. И тут Осоку вдруг будто прорвало. Сбивчиво, многословно стала она рассказывать о том, как скиталась, покинув Орден. Жила, где придётся, бралась за любую работу, часто выполняя обязанности, для которых не нашлось дройда, разве что, собой не торговала. Наблюдала пожар Храма с крыши здания соседнего квартала. Хотела улететь, но цены на билеты в первые месяцы Империи взлетели в несколько раз, и жалкие сбережения Осоки оказались бесполезны. А потом её нашёл Дарт Вейдер. Поручил сначала «бумажную» работу – в Галактике она по-прежнему называлась так, несмотря на повсеместное использование электронных документов – и подолгу беседовал с ней. Демонстрировал, как просто манипулировать людьми, исподволь заставляя их делать то, что тебе нужно. Прокручивал записи своих разговоров с Ферусом Олином и другими жертвами. Осоку это бесило, а Вейдер приговаривал: «Хорошо. Хорошо!» Ферус в итоге, всё-таки, вырвался, а она и другие – не сумели. В конце концов, настал день, когда она сделала себе новые мечи, вот эти, красные. И отправилась на своё первое задание в качестве посланца Тёмного Лорда.

— Бедная моя, — вздохнул я. — Сколько ж тебе пришлось…

— Сколько бы ни пришлось, всё моё, — Осока бросила в рот полупрозрачную дольку засушенного фрукта, хлебнула кафа из кружки. — Да, вот ещё что. Я тебе почему здесь это рассказываю… Не хочу, чтобы подробности знала Падме. Ей и так тяжело.

— Она всё понимает, поверь.

— Всё равно, она расстроится, что её муж не только сам, но и меня на Тёмную сторону перетащил.

— Перетащил? Ой ли? — прищурился я. — А кого, скажи мне, не слушаются ситские голокроны?

— Разве это показатель? Я ведь использую Тёмную сторону!

— Да, но, в то же время, она над тобой не властна. Вспомни, Винду тоже её использовал, а не было джедая более упёртого и ортодоксального, чем он. И с Силой ты работаешь через спокойствие, не через гнев, я это заметил ещё там, на Корусанте.

— Ну, да, так меня учили, мне так проще …

— Вот! И кто после этого тут Тёмный?

— Что ж, может, ты и прав… — сказала Осока.

— Да не «может быть»… — начал я, но Осока прервала меня, тронув за руку:

— Потом обсудим. Хочу послушать эту вещь.

Да, за разговором мы совсем перестали обращать внимание на Латс. Её голос и аккорды кветарры некоторое время были как фон, проходя мимо сознания. Сейчас я вновь сосредоточился на них. Песня, что исполняла в этот момент тиилинка, была мне незнакома. Энергичный мотив лился свободно и быстро, подобно горной реке:

Шутит история, зло и без чести.
Мир в витражах, как в осколках событий.
Так повелось изначально на свете –
Всё, что угодно, напишет сказитель…

Не оправдаться и не исправить,
Нет равновесья меж правым и левым.
Цену победы, скребущую память,
Сгладит рапсод благородным напевом.

Отнято имя, изорвано знамя,
Чёрные, чёрные маки забвенья!
В смутных легендах потерянных знаний
Стали иными названья созвездий.

«Ла-ла-ла-ла», проигрыш, глубокий аккорд, плавные переборы – и темп вдруг сменился на медленный. Зелёные

лисьи глаза Латс смотрели теперь прямо на нас с Осокой. Голос её зазвучал мягче и с такой внезапной тоской, что она передалась каждому в зале:

Эти руины, где царствует ветер,
Были когда-то любовью и болью.
Гасится память о камни столетий –
Словно костёр заливается кровью…

Тишина. Настолько глубокая, что стал слышен комариный жужжащий звук какого-то электрического прибора. Осока сидела неестественно прямо, пальцы её, лежащие поверх моего запястья, судорожно сжались, глаза подозрительно поблёскивали. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: она вспоминала разорённый Храм, когда-то бывший ей домом. В это время один из тех, чьи лица я про себя недавно назвал «бандитскими», неожиданно деликатно и вежливо произнёс, обращаясь к Латс:

— Ещё. Пожалуйста. Просим.

Тиилинка покачала головой, но затем, ещё раз взглянув в нашу сторону, уступила:

— Разве что, одну, коротенькую.

Открывается дверь за моею спиной.
Я сжигаю мосты, а они не горят.
И серебряный зверь, что приходит за мной,
Что уходит за мной – это он, это я.

Сколько хочешь, играй в перекрестья дорог.
Если что потерял, так чего уж теперь.
Подожди до утра, запоздалый звонок,
Открывается дверь, закрывается дверь.

Отзвучал последний аккорд. Зал огорчённо вздохнул, а потом зашумел громкими аплодисментами, выражая благодарность исполнительнице за концерт.

— А мосты-то, и в самом деле, не горят, — задумчиво сказала Осока. — Пойдём, что ли?

— Подождёшь немного, я её отдельно поблагодарю? Эй, халдей! — окликнул я салластанина, после Рьен Вара уважения к этой братии у меня не осталось ни на грош. — Ну-ка, пулей метнись и принеси вот что…

— Сию минуту, *господин офицер*, — официант, получивший на лапу золотой слиток, рысью кинулся выполнять поручение.

— Интересно-интересно, — улыбнулась моя подруга. — Что же ты задумал?

— Импровизацию на тему одной нашей древней традиции.

Латс укладывала инструмент в чехол. Я подошёл к ней с подносом в руках. В центре его стояла стопка, наполненная *абраксом*, рядом – канапе с особым сыром, каким обычно закусывают этот лазурный коньяк. Тиилинка посмотрела на меня с некоторым удивлением.

— Госпожа Рацци, — торжественно сказал я, — на моей родине есть обычай: в знак уважения или высокой оценки чего-либо *подносят чарку*. Не откажитесь.

— И не подумаю! — улыбнулась она. Выпила, закусила, продолжала: — Благодарю за высокую оценку.

— Я тоже Вас благодарю, — сказала Осока, подходя к нам. — Ваши песни так о многом заставляют задуматься.

— Госпожа Тано, если не ошибаюсь?

— Совершенно верно.

— А Вы прекрасно выглядите. Не ожидала, учитывая Вашу тяжёлую и неблагодарную службу.

— Да, работа мерзкая. Но я стараюсь держаться.

— Выходит, Вы сильная. А вот одной Вашей старинной сопернице это не удалось.

— Кому? — удивилась Осока. — Уж не Вентресс ли?

— Ей.

— Пьёт? — догадался я.

— Как эопи. Уже до глюков докатилась. Позавчера меня уверяла, что видела Дарта Мола. Представляете?

— Когда видела? Где?? — вскинулась Осока.

— Латс, это очень важно. Мол жив, — сказал я на ухо тиилинке… и получил от подруги чувствительный тычок под рёбра. — Ладно, ладно, молчу.

— Ничего себе примочка… — Латс почесала острый шип на левом виске. — Я, честно говоря, подумала, что ей спьяну померещилось, и подробностей не спросила.

— Вентресс здесь, на планете? — не отставала моя подруга.

— Да. Куда она денется? — пожала плечами тиилинка. — Что выручает за охотничьи трофеи, то и пропивает.

— Где бы нам её найти?

— Ну, если не здесь, то надо смотреть в забегаловке по левую руку от гостиницы «Чёрное остриё». Или в её норе на окраине. Мы её пару раз туда носили из кабака. Есть дека? Давай, нарисую.

— Спасибо. И… да пребудет с тобой Сила, Латс Рацци.

Трущобы на окраинах портовых городов примерно одинаковы на любой планете. Построенные из чёрт знает чего кривые и косые халупы, не улицы – узкие проулки, образующие целый лабиринт. Канализации в этой «нахаловке» не было, амбре тут стояло соответствующее, а по некоторым из улиц в своеобразных «арыках» текли, то усиливаясь, то почти пересыхая, ручьи грязной жидкости. Разумеется, ни названий, ни номеров домов не наблюдалось в принципе. Без нарисованной Латс схемы с указанием примет мы бы точно тут не разобрались. Да и со схемой прошли бы мимо, если бы не Осока. Резко остановившись, она указала на одну из дверей, вернее, её подобие из гофрированного пластикового листа, подвешенного на загнутых в виде крюка арматуринах вместо петель. С предосторожностями я распахнул её, направил внутрь луч фонаря, осветив крохотный тамбур. Здесь слева от входа

стояла решётчатая корзина с каким-то тряпьём, возле неё валялись сапоги, направо висел полог из множества разнокалиберных полос изоляционной резины. За ним и находилось основное помещение. Удивительно, но вонь в этой халупе отсутствовала, её вытеснили терпкие растительные запахи. Источник их стал ясен, как только мы заглянули в низкую комнату за пологом. По стенам под потолком были развешаны пучки сухих трав, источавшие этот аромат. Слева в земляной пол были вбиты две длинные трубы, между ними и стеной засунуты неровно обрезанные толстые изоляционные маты, образуя «перину» почти метровой высоты. На ней и лежала, подсунув под голову свёрнутую куртку, бледная, как смерть, женщина. Не требовалось особенно приглядываться, чтобы понять: Асаж Вентресс мертвецки пьяна.

5. Бывшая и бывший

Появление на улицах своего «шуми-городка» летающих носилок соседи Вентресс восприняли с интересом. Несмотря на поздний час, многие из них повыползали из своих жилищ, другие явили себя в виде голов, высунутых в щели дверей или крохотные окошки. Из обрывков разговоров я мог судить, что отношение к бывшей ситке здесь было неоднозначным. Кто-то откровенно злорадствовал, что «эту тварь, наконец, заберут отсюда ко всем хаттам». Но видел я и тех, кто смотрел на неё с откровенным сочувствием. Когда один из мужчин, среднего роста квадратный амбал с низким лбом и носом картошкой, буркнул что-то нечленораздельно-ругательное, стоящая у соседней халупы женщина азиатской наружности резко сказала:

— А тебя не бить, ты совсем оборзеешь!

Тут я заметил следы подживающего кровоподтёка на скуле мужчины и понял, что Асаж, как тот попугай, «и

здесь молчать не стала», заставив бояться тех, кто не желал считаться с ней по-хорошему. Это был неплохой признак. А вот выглядела Вентресс ужасно. Вокруг глаз, больших, выразительных и очень красивых, залегли отёки, нездоровая одутловатость виднелась на щеках, припухли и растрескались губы. Неудивительно, лишние три года алкогольного стажа, по сравнению с той встречей на Орд Мантелле. И она, кажется, похудела ещё сильнее: я без особого труда поднял высокую и крепкую Вентресс на руки, чтобы вынести наружу, носилки под таким углом не прошли бы.

— О, звёзды! — ахнула Падме, увидев бывшую ситку. — Как же она себя довела!

— Надеюсь, Герхард с этим справится, хотя бы, частично, — сказал я.

Медицинский дройд нашего корабля по кличке Герхард принялся за дело без колебаний. Пара подкожных инъекций, катетер в вену и артерию – и кровь бывшей злодейки заструилась в диализный агрегат. Да, при такой концентрации спирта в крови – если не наоборот – очистка не помешает. Ещё несколько минут, и Вентресс с видимым трудом разлепила глаза. Сразу же начав проявлять свой непростой характер.

— Э, э! — воскликнула она. — Что это вы со мной делаете? У меня нет денег оплачивать всю эту ерунду!

Она попыталась выдернуть катетеры, я удержал её руку:

— Не надо, Асаж!

Вентресс сфокусировала бирюзовые глаза на мне, перевела взгляд на Падме, буркнув почему-то нечто вроде «гы». Потом на Осоку.

— Тано! Давненько я тебя не видела! Теперь понятно, почему на меня вдруг решили тратить препараты, чтобы привести в чувство. Решила рассчитаться по всем долгам?

— Не дури, Вентресс, — поморщилась Осока.

— Хех! Неужели новый хозяин велел завербовать меня к вам в Инквизицию? — сощурилась датомирка. — Так не надейтесь, не пойду. Хватит с меня! Лучше прикончи сразу.

— Может быть, полежишь спокойно и выслушаешь, прежде чем выдумывать невесть что? — сказала Падме.

— А ты, Сенатор, вообще молчи! Счас встану, опохмелюсь, и ты исчезнешь, — она вновь потянулась к катетеру, и я опять её удержал:

— Асаж! Пожалуйста!

Бирюзовые глаза посмотрели на меня удивлённо:

— «Пожалуйста»? Парень, это ты мне?

— Тебе. Я убеждён, с тобой только так и нужно разговаривать. Тогда ты успокоишься и выслушаешь.

— Что ж, попробуем. Что вам от меня нужно, если не дуэль с Этой и не служба у её Чёрного Босса?

— Ты видела Мола. А мы на него охотимся. Он покалечил моего человека.

— И Эта тебе помогает?? Не смеши, парень! Мол не мог бы выжить, если бы Сидиус и Вейдер не крышевали его.

— Ты права только наполовину, — хмуро сказала Осока. — Крышует Сидиус. А Вейдеру он точно так же поперёк горла.

— Тогда тем более, — злорадно усмехнулась Асаж. — Нет причин передавать его в ваши руки. Ищите сами, я вам не помощница.

— Послушай, Асаж. Я работаю у Вейдера, это так. Но зря ты думаешь, что мне это настолько уж нравится. Особенно в последнее время.

— Ну-ну.

— Короче. Не стану я тебя уговаривать, — махнула рукой моя подруга. — Скажешь – хорошо, нет – будем искать сами. А тебя подлечим, и гуляй на все четыре стороны.

— Даже так? — теперь Вентресс пребывала в некоторой растерянности. — А хозяин тебя за это не…

— А зачем ему знать? Это наши с тобой отношения. Я ведь так и не поблагодарила тебя за помощь тогда, на Корусанте.

— Не бери в голову. Твой прежний наставничек сделал это за тебя. Чуть не пришиб меня в бешенстве. Как только его в джедаях держали, не пойму!

— Потом об этом поговорим, — вмешалась Падме. — Тебе нужно поспать, Асаж. А утром всё обсудим.

— Слушай, Амидала, а ты ведь не галлюцинация!

— Нет. Я немножечко призрак, но об этом тоже поговорим завтра.

В принципе, Падме была права. Если после боя с мандалорской четвёркой Мол решил остаться на планете, то он до сих пор здесь, и несколько часов до рассвета ничего не изменят. А если решил сделать ноги – на Гизере его нет уже трое суток, и нам останется лишь проводить расследование, чтобы выяснить, куда он направился. Это тоже лучше делать утром, когда появится на службе портовое начальство. Поэтому, уговорив Асаж на инъекцию слабого снотворного, мы отправились по каютам, чтобы немного отдохнуть.

Однако, утром оказалось, что Вентресс на корабле нет.

— Как удрала?! — воскликнула Осока, когда Падме сообщила нам об этом. Тогрута стояла босиком в дверях своей каюты и возмущённо взирала на голограмму. — Когда?

— Минут пятнадцать назад. Взяла байк у нас на нижней площадке и уехала. Видно, решила разобраться с Молом сама.

— На байке маячок есть?

— Конечно. Я за ней наблюдаю. Едет куда-то за город.

— Ну, так стартуй, и летим за ней! — сказал я.

— Для этого я вас и разбудила.

— Пойду, оденусь, — Осока скрылась в каюте… и секунду спустя оттуда донеслись ругательства на нескольких языках, включая русский.

— Что такое? — спросил я, заглядывая в дверь.

— Она украла мои мечи!

— Да, — невозмутимо подтвердила Падме.

— Да? Да??? — чуть не до потолка подпрыгнула тогрута. — А ты куда смотрела??

Голограмма лишь улыбнулась. У меня закралось подозрение, что она сама и вооружила Асаж. Сомнительно, чтобы та могла так тихо прокрасться в Осокину каюту, а тогрута её не почуяла и не проснулась.

— Ладно, — махнула рукой моя подруга. — Алекс, отдай мне, пожалуйста, мои старые мечи. Ты ведь взял их тогда, в Храме.

— Всё-таки, заметила… — вздохнул я.

— Нет. Но в противном случае вот эта вот твоя родственница не ухмылялась бы так загадочно! Ну? Куда ты их спрятал?

— В сейфе. Падме, достань, пожалуйста.

Я поднялся на подиум рубки, уселся в своё кресло. Город остался позади, вокруг расстилалась степь, среди которой то тут, то там виднелись светлые, почти прозрачные перелески. След в высокой траве от летящего над ней спидербайка был виден издалека.

— Вот она, — указал я вперёд.

— Не приближайтесь, а то заметит и из вредности рванёт куда-нибудь не туда, — сказала Осока, усаживаясь рядом. Мечи – зелёный и жёлтый – висели у неё на поясе, совсем как раньше.

— Не заметит. Мы идём на плазменных, и нас не увидеть ни сенсорами, ни оптикой.

— У вас, что, сигиевая система маскировки? — усмехнулась она, но улыбка тут же сползла с её лица. — Стигиевая… Вот почему нас не видели хейпанцы!

— Совершенно верно, — кивнула Падме. — Извини, что не сказали сразу…

— Всё нормально. Вы же не знали, насколько мне можно доверять.

— Зато теперь знаем, — добавил я. Осока улыбнулась. Снова посмотрела вперёд.

— Мне кажется, она держит путь вот к тем отрогам гор, — сказала она. — Падме, можно, я подниму тебя выше?

— Конечно. Но, если убежище в пещере, отсюда мы его не разглядим. Хотя, нет, что-то вижу! — экран-пульт подсветил нечёткое пятно.

— Металл? Это его корабль! — воскликнула Осока. — Скрыт под скальным навесом. Слушайте, ребята. Я пойду за Вентресс, попытаемся взять или уничтожить его вместе. Вы – следите за кораблём, он не должен взлететь.

— Я с тобой! — решительно сказал я.

— Вот ещё! Ты ничем не сможешь помочь, только подставишься.

— У меня есть вот это, — я похлопал по кобуре. — Мечом пулю отразить нельзя. По крайней мере, отвлечь его и заставить попрыгать я смогу.

— Алекс, ты не понимаешь. Мол – сит, хоть и разжалованный. Начнёшь в него стрелять, он вывернет пистолет у тебя в руке, и пуля попадёт в тебя же. Или начнёт душить.

— Хочешь сказать, в корабле он до меня не дотянется? — хмыкнул я.

— Чтобы взять Силой за горло, надо **видеть**. По крайней мере, из ныне живущих адептов никто не умеет делать это вслепую.

— Уговорила.

Входа в логово Мола с воздуха видно не было, но местоположение его можно было определить по действиям Вентресс. Она оставила байк в камнях и скрылась между скал.

— Подходите к устью пещеры, где стоит корабль, я выпрыгну, — распорядилась Осока. — Дальше – как договорились.

Сколько же нервов нужно, чтобы сидеть в кресле космического корабля и смотреть на гигантскую пещеру в склоне горы, когда две женщины – твоя девушка и твой лучший друг – где-то там, внутри, охотятся на одного из самых опасных Тёмных адептов Галактики! Солнце светило из-за горы, козырёк пещеры отбрасывал на каменную осыпь перед входом чёрную тень, и лишь благодаря усилителям изображения и фильтрам мы с Падме могли видеть стоящий внутри угловатый космический корабль. Минуты растягивались, как липкая резина. Внезапно где-то дальше, в глубине пещеры, мелькнул багровый отсвет, за ним второй и следом – знакомый зелёный! Я догадался, что произошло. Каким-то образом хитрый Мол умудрился обмануть Осоку, обойти её, и теперь бежал к своему кораблю.

— Ниже… Как только можешь, — охрипшим голосом приказал я.

— Есть ниже. Спарки на главной ручке, — моментально отозвалась Падме.

— Угу.

Как только контур фигуры Мола с торчащими на лысой голове рядами рожек чётко проступил на экране, я нажал внутреннюю гашетку. Четыре огненные вспышки выбили фонтаны камней из дна пещеры. Конечно же, Мол избежал попадания, но сделал именно то, чего добивался я – метнулся к стене, прочь от входной рампы! В следующую секунду под козырёк выбежала Осока. Гигантским прыжком она заняла позицию между ситом и его кораблём. Отразила два быстрых выпада багровых мечей, и тут на сцене появилась Вентресс, с ходу атакуя Мола с фланга. Не знай я, что в этой жизни они ни разу не встречались с самого Корусанта, я бы подумал, что

женщины часто и подолгу тренировались биться в паре. Наскакивала одна, заставляя защищаться, следом с неудобного для обороны ракурса атаковала вторая. Довольно ловко им удалось развернуть сита лицом ко входу, так они видели его прекрасно, сами же оставались нечёткими силуэтами на фоне светлого проёма пещеры. Но Мол был быстр, очень быстр! Он успевал не только отбивать атаки обеих, но и сам переходил в контрнаступление, делая то сложные связки, то широкие взмахи одним и другим мечом. Оружие, что Мол держал в правой руке, выглядело как-то странно, у него была слишком длинная рукоятка, будто он двусторонний. Но такого же не могло быть, ведь у него есть второй меч, для левой руки? Не сразу я заметил, даже в увеличении, что рукоять эта… просвечивает. Она была полая в дальней от лезвия половине, почти не меняя своим ничтожным весом балансировки оружия. Догадка вспыхнула в мозгу, как бластерный выстрел. Торопливо нажав кнопку на вершине верньера настройки комлинка, я закричал:

— Осока, это пика!!

Предупреждение слегка запоздало – или нет? Нет, моя подруга поняла и, когда Мол, отразив очередную атаку с двух направлений, отступил, а лезвия в его руках образовали прямую линию, стремительно сместилась, пропуская мимо себя укол собранной из двух мечей пики. Ручка получилась короче, а лезвия – длиннее, чем у храмовой стражи, но и это было страшное оружие. Женщины просто не доставали до противника, а он, вращая соединённое лезвие, держал их на расстоянии. И вновь неожиданно разнял рукояти, проведя стремительную атаку в направлении Осоки. Она уклонилась, Вентресс пришла на помощь, обрушив на рогатого град ударов, так что мне стало не разобрать, где какой из её мечей. А он отражал их один за другим. И, увлёкшись атакой, она позабыла об обороне. Я увидел, как

вновь соединились рукояти мечей Мола, и он «вложился» в укол. Асаж не успевала. Отчаянным движением кисти она подставила под огненное лезвие обратную сторону рукояти. Сноп искр, лезвие потухло, и всё же выпад был отбит. Отмахнувшись вторым клинком, Вентресс вскочила на ноги. Плохо дело. Одним мечом она драться не любила, это я знал прекрасно. Вот если бы как-то закинуть ей мой! Нет. Мол почует, перехватит и отбросит. Отбросит? А что, если… Шевельнув рукояткой управления, я коротко щёлкнул гашеткой. Одиночный выстрел расколол стену в трёх метрах выше сражающихся, каменная крошка посыпалась вниз. Осока отреагировала мгновенно: перебросив напарнице зелёный меч, растопырила пальцы правой руки, и камни превратились в пикирующие снаряды. Мол сложным вращением отразил крупные обломки, отсоединил левый меч, отбивая атаку Вентресс, а правый сверху, с раскрутки, обрушил на Осоку. Не зная, что лезвие жёлтого меча владелец может взять голой рукой. И удар, рассчитанный на определённую реакцию противницы, застопорился на мгновение. Которого хватило Асаж, чтобы отвести красным лезвием меч Мола, а зелёным – отсечь ему руку по локоть.

Со звериным рыком, слышным даже через микрофоны корабля, сит развернулся, рубанул правой… а в следующее мгновение велморитовое лезвие вошло ему сбоку под челюстью и вышло из черепа с другой стороны выше уха. Злобные глаза утратили безумный блеск, Мол покачнулся и рухнул на камни.

— Молодцы, девчонки! — крикнул я в комлинк.

— Садись скорее! — отозвалась Осока. — И носилки! Асаж ранена.

Рана Вентресс была очень серьёзной. Последним ударом разжалованный сит почти отсёк ей ногу над коленом, перерубив кость и значительную часть плоти. Мы с Осокой спешно уложили её, закатили в корабль, и

реанимационная капсула опутала место ранения металлическими щупальцами. Дройд Герхард быстрыми движениями всех трёх манипуляторов перекладывал на металлический «фартук» инструменты и материалы.

— Кость и крупные сосуды подлежат восстановлению в наших условиях, — сообщил он. — Дальше рекомендую поддерживающую терапию и реконструкцию мышечных волокон в стационаре. Иначе функциональность конечности останется ограниченной.

— Мы тебя в госпиталь отвезём, — сказала Падме.

— Спасибо, Сенатор, добрая ты, хоть и немножко призрак, — усмехнулась Асаж.

— Отдохни, пусть медицина спокойно работает. Герхард, ты противошоковое ввёл?

— Безотлагательно. А также местную анестезию, — в металлическом голосе прозвучали ворчливые интонации. — Я полностью исправен и ничего не забываю.

— Ну, извини, извини.

Выйдя наружу, мы с Осокой подобрали мечи Мола и её сломанный. Обломок рукоятки отлетел в сторону, и мы не сразу бы его нашли, если бы не подсказка всевидящей Падме.

— Этот уже не починишь, — покачала головой Осока. — Надо хоть для вида приварить и зачистить…

— Зачем? — удивился я.

— А ты хочешь, чтобы я показалась Вейдеру вот так? — она подбоченилась, демонстрируя висящие на поясе рукоятки зелёного и жёлтого мечей. — Знаю, **тебе** я так нравлюсь больше, а шефа может и замкнуть.

— Давай, сделаю, — сказал я.

— Да, будь добр. А я пока этого приберу, — кивнула она в сторону мертвеца. — Противно, а надо, хоть камнями завалить.

Оглянувшись на пандусе, я увидел, как, повинуясь движению руки тогруты, убитый сит поднялся в воздух и

улёгся навечно у каменной стены. А потом на него посыпались камни. Теперь, кроме нас, никто его не найдёт. И правильно. Не хватало ещё, чтобы какие-нибудь последователи устроили из его погребения культовое место.

— Ну, как? — спросил я, демонстрируя Осоке восстановленный кожух рукоятки меча.

— Отлично! — похвалила она. — Как новый. Теперь можно и шефу доложить.

Чёрная фигура возникла над линзой голопроектора необычно быстро. В прошлый раз мы ждали почти четверть часа, сейчас – всего две-три минуты.

— Повелитель, — склонилась перед ним Осока. — Недоразумение, огорчавшее Вас, устранено. Окончательно.

— Ты справилась, — гулко произнёс Вейдер. — Справилась вовремя. Возьми корабль своего помощника или найди другой, и незамедлительно отправляйся на объект номер шесть. Там назревает кризисная ситуация. Прими самые жёсткие меры.

— Да, Повелитель.

— Посторонних лиц с собой не брать.

— Могли бы и не напоминать, — в холодном голосе Осоки, всё-таки, прорвалась нотка неудовольствия.

— Паранойя бывает полезна, когда она в меру, — изрёк Тёмный Лорд и отключил связь.

— Ничего не понял, — сказал я.

— Я должна лететь на сверхсекретный объект, на нём что-то происходит, — объяснила Осока. — Видимо, придётся зверствовать, раз шеф так встревожен.

— Хорошо. Бери Падме и летите. А я пока на корабле Мола отвезу Вентресс в хороший госпиталь, где смогут восстановить нервные волокна.

— Лучше наоборот, — покачала головой моя подруга. — Вы летите в госпиталь, я на корабле Мола – на объект. Это дольше, конечно, зато, если вдруг Вейдер нагрянет туда же, «Амидала» не окажется у него на виду.

— Логично, — поддержала голограмма. — Кстати, не о системе ли Хораз идёт речь? Там, вроде бы, зона, закрытая для полётов.

— О ней, — кивнула Осока. — Что там находится, не спрашивайте, меньше знаешь – крепче спишь.

— Да нам и незачем, — с невинным видом сказал я, будто понятия не имел о странном астросооружении, возводимом в этой системе. — Ты оттуда сможешь выйти на связь, когда закончишь?

— Нет, только из какой-нибудь соседней.

— Ну, неважно. Мы будем поблизости и тебя заберём.

Полчаса спустя два корабля стартовали с горного плато и разошлись в разных направлениях. Мы с Падме везли на лечение нашу новую приятельницу, Осока спешила на планету Хораз, которую сами её жители – имперские каторжники – называют Безнадёга.

6. Последний бой

Жёлто-зелёный шар планеты Винсот, родина сразу двух разумных рас, медленно поворачивался под днищем «Амидалы». Этот мир представлял собой как бы Империю наоборот. Доминировал здесь вид под названием *чевины* – громоздкие существа, нечто среднее между слонообразными и свинообразными, но, в отличие, например, от *гаморреан*, стоящие на высоком уровне интеллектуального развития. Их вассалы, практически рабы, носили название *чев* и были типичными *хуманами*, возможно – потомками человеческих поселенцев, но, поскольку людьми не считались, такое положение сохранялось и при Республике, и при Империи. Никаких особых дел у меня на Винсоте не было, просто коррекция пути по *гиперлейну*, однако, как и в предыдущих точках своего маршрута, я ненадолго задержался в системе. Выставил через гипербакен статус «доступен» в Голонете и ждал, не свяжутся ли со мной Осока или Сони.

За прошедшие семь дней я успел сделать довольно много. Отвёз Вентресс в госпиталь на планету Тиранн, оплатил вперёд её лечение, а заодно навестил Корки. Распоротое мечом Мола лёгкое ему уже восстановили, а на сращивание перерубленных рёбер требовалось ещё дней десять. Корки был очень рад услышать, что размалёванный датомирец уже никогда и никого не побеспокоит, а с Вентресс, пользуясь совместным лежанием в стационаре, обещал наладить хорошие отношения. На прощание Асаж, приподнявшись на больничной кровати, поцеловала меня в лоб, сказала:

— У меня такое чувство, что тебе предстоит ещё много чего. Держись.

— А как же, — усмехнулся я. — Судьба у меня такая.

— И, что бы не случилось, не теряй хладнокровия. Меня это столько раз подводило. Хотя бы, вчера. Да ты сам всё видел.

— Ты о том, как он тебя достал в ногу?

— Нет. Как я меч угробила. А могла и головы лишиться.

— А, да.

— Вот никогда так не делай. И да пребудет с тобой Сила.

— И с тобой. До встречи.

Потом я договорился с владельцем одного из доков на Брентаале о продаже энергоносителя, что позволяло «Рассветному Ангелу» сдавать топливо не на одном, а на обоих концах своего челночного маршрута, делая график не таким напряжённым. После этого по настоянию Падме связался со Службой Технической Информации. Здесь нас ожидал сюрприз. На встречу в кантине «Поля минувшего» на Колумексе пришёл одетый в штатское подтянутый сухопарый мужчина с короткой стрижкой и аккуратными усиками над верхней губой. Юларен! С минуту он внимательно меня разглядывал, затем спросил строго:

— Вы знаете, молодой человек, чьим кодом воспользовались?

— Разумеется, — кивнул я.

— Откуда он Вам известен?

— Я её брат… вернее, кузен. И в курсе её дел.

— По какой линии вы родственники?

— По материнской, Джобель Наберри – сестра моей мамы.

— Генетическая экспертиза подтвердит?

— Должна, — я пожал плечами. — Мы её никогда не делали, не было необходимости.

— Хорошо. Чем наше ведомство может Вам помочь?

— Пока я сам хотел бы оказать содействие. Вот эти накопители из *рехена* покойного Дарта Мола.

— Покойного? — приподнял брови Юларен.

— Третьего дня одна хорошо известная Вам особа с рожками заколола его на Гизере.

— Ясно. Не будете возражать, если я использую эти данные и по другой линии?

Прекрасно понимая, что он имеет в виду «по линии ИСБ», я кивнул:

— Я на этом даже настаиваю. Но прошу итоговую информацию по мандалорскому заговору предоставить мне. Вопрос напрямую касается моих друзей.

— В ближайшее время сделаем анализ и перешлём отчёт.

— Благодарю, — сказал я. — Да пребудет с Вами.

И вот теперь я ждал вызова на связь. На этот раз – дождался. Запрос на сеанс от Осоки Тано поступил почти сразу.

— Ну, наконец-то! — воскликнул я, когда на голопроекторе появилось объёмное изображение моей подруги. — Привет. Ты уже не на объекте?

— Привет. Нет, я всё, разобралась, уже в системе Генерис.

Я взглянул на карту региона, отображённую на видеостене. Совсем рядом! Сказал:

— Жди, мы тебя заберём.

— Нет-нет, это слишком долго, опоздаем, — покачала головой она.

— Опять «хватай мешки – вокзал отходит»?

— Что-то вроде того. Шеф опять о тебе спрашивал. Я предложила показать тебя ему, пока он тут, рядом.

— А как же цейтнот, как ты планировала?

— Будет цейтнот, ещё какой! — подмигнула Осока. — Смотри. Он планирует посетить шахты Оорн Тчиса, а затем проездом заскочить на Агамар. На полтора-два часа, не больше…

— За два часа можно всю биографию выспросить, с подробностями.

— Нет. У него там будет ещё одно дело. Агент обнаружил на планете Одарённую, молодую женщину.

Вейдер хочет её посмотреть, можно ли взять на службу. Она, кстати, тоже тогрута.

— Сильный Дар? — спросил я, ощущая нехорошее предчувствие.

— Скорее, необычный. Она манипулирует фазовым состоянием жидкостей.

О, господи!

— Алекс? Да что с тобой? — нахмурилась Осока. — Лицо – краше в гроб кладут. Ты до такой степени не хочешь с ним встречаться?

— Это уже не столь важно. Считаешь нужным – встречусь. Сейчас нужно решить более насущный вопрос: отдашь ли ты Вейдеру свою родную сестру…

— Сестру??? Ты уверен?

— Ты должна знать, что за пределами Кро Вара очень редко встречаются люди, умеющие манипулировать элементами. Возможно, Играющая-с-Водой вообще одна в Галактике.

— Поняла. Немедленно лечу туда, постараюсь её спрятать или отправить с планеты до прибытия Вейдера.

— Прятать не вариант, найдёт. Только отправить! — говоря это, я лихорадочно прикидывал варианты. — Слушай. Найми контрабандистов, пусть довезут её до Бандомира. Там в Бандоре есть ювелирный магазин, называется «Кристаллы радуги». Возле входа от семи до восьми вечера по местному её будут ждать. Сони или Лагос.

— Лагос? Сони? — изумилась Осока.

— Да, она должна их помнить по поездке с матерью на Мандалор. Если нет, опиши.

— Ну, Алекс, ну, плут… — покачала головой моя подруга. — По-моему, при встрече у нас будет серьёзный разговор!

— Хоть два! Не теряй времени. Эрдени нужно спасти.

— Да. Всё. До встречи на Агамаре.

Голографическая проекция погасла.

— Падме… — начал я, но сестра перебила:

— Уже написала и отправила.

— Отлично, спасибо. Ждём подтверждения и сразу прыгаем, топливо экономить некогда.

Ответ Сони был лаконичен. «Поняла. Выдвигаемся». Не тратя более даром ни секунды, Падме включила гиперпривод, и «Амидала» ушла за свет.

На этот раз короткий перелёт растянулся для нас в мучительную бесконечность. Я не находил себе места, мерил шагами рубку, выхлебал, наверное, с литр воды, пытаясь успокоиться. Волновалась и Падме: стискивала пальцы, кусала губы, вновь и вновь запускала проверку вооружения и защиты. Едва прозвучал долгожданный сигнал минутной готовности к выходу, я прыгнул в кресло, запитал стигиевое ядро. Оси уравновешены… Выход! Щиты! В блистер брызнули яркие лучи звезды Миргошир – солнца Агамара. Вышли мы удачно, планета была в какой-то сотне тысяч километров.

— Вызывай Осоку! — распорядился я, давая тягу плазменными двигателями.

— Не отвечает. Хотя комлинк в сети. Сейчас залезу в систему оператора, определю базовую стан… — Падме умолкла, словно прислушиваясь, доложила напряжённым голосом: — Выход из гиперпространства. Класс «разрушитель».

— То есть, мы успеваем? — обрадовался я. Сестра покачала головой:

— Нет. Боюсь, мы опоздали, брат. От Оорн Тчиса до Агамара два часа хода на единице. Это скорость челнока типа «лямбда». Разрушитель – медленнее вдвое. Скорее всего, Вейдер обогнал «Вымогателя» на челноке и давно на планете.

— Долетим – увидим, — сказал я.

На подходе к атмосфере в нас чуть не врезался небольшой блюдцеобразный грузовой корабль типа

«Иртрилль 1300». Падме, занятая борьбой с компьютером оператора связи, его проглядела, нас он, естественно, не видел из-за маскировки, и только рывок назад полной мощностью реверс-моторов спас нас от столкновения. На экране вспыхнула метка в виде пульсирующего ромбика.

— Пеленг! — воскликнула Падме.

— Вижу.

Наклонив нос корабля, я направил «Амидалу» вертикально вниз. Быстрее, быстрее! Тормозить начал на восьмидесяти километрах, когда стала опасно нарастать температура на остриях ионизаторных панелей. Три тысячи километров в час, две…

— Хватит, не развалюсь! — сквозь зубы сказала Падме, хотя скорость ещё намного превышала предельно допустимую для плотных слоёв атмосферы.

Я отключил реверс. Чем ниже мы опускались, тем темнее становилось вокруг. В этом районе планеты было раннее утро, восход солнца только-только начинался. Ещё немного, и острый нос корабля проколол перистые облака. Под нами расстилалась панорама крупного города: многоэтажные дома центра, светящаяся паутина улиц, красные искорки аэронавигационных огней на вершинах небоскрёбов. Маркер пеленга указывал на окраину, где в предрассветных сумерках были видны усеянные огнями сооружения космодрома и обширное лётное поле. Я включил усилители изображения, крутанул колёсико фотоэлектронного увеличителя. И сразу увидел высокую чёрную фигуру. Ровной механической походкой лорд Вейдер направлялся к своему челноку, сложившему домиком длинные узкие крылья. А маркер продолжал пульсировать. Когда я увидел, на что он указывает, мне захотелось влепить пару плазмоидов прямо в чёрную фигуру и потом торпедами, пока не останется оплавленный кратер. Но нет. Пусть пока уходит, пусть, я с ним в космосе разберусь. А сейчас вниз, вниз! Может быть…

Челнок оторвался от пермакрита лётного поля, раскидывая крылья, а я с ходу пошёл на посадку. Выпрыгнул через горизонтальный переходник, не дожидаясь, пока полностью надуется аварийная «горка», скатился вниз по взвизгнувшему пластику, ударился о покрытие, но, не чувствуя боли, вскочил и бросился к Осоке. Она лежала на плитах лётного поля. И была ещё жива. Пока жива. Крови не было, но я старался не смотреть на отсечённую выше локтя руку и на живот, где чернел косой крест от двух ударов огненного лезвия.

— Я справилась… — прошептала она. — Они улетели…

Тот грузовик! Вот почему они так спешили!

— Герхард!!! — заорал я. — Где ты, мать твою сборочную??? Сканируй!!

Дройд стремглав подлетел к нам, протянул манипуляторы, замер. Помигав огоньками несколько секунд, сообщил:

— Состояние крайне тяжёлое.

— Быстро носилки, на борт, и летим на Дагобу!

— Не довезём, — печально покачала головой Падме, возникая возле нас. Из её глаз катились слёзы, голос дрожал. — Через пол-Галактики. Не успеем.

— Хозяйка права, — подтвердил дройд. — Не просчитываю, каким образом она до сих пор жива.

А Осока смотрела в светлеющее небо. Спросила кого-то невидимого:

— Вы – за мной? Подождите одну минуту… Дайте… проститься, — повернула голову ко мне: — Извини, что так… Ну, ну, не надо…

Из последних сил подняв уцелевшую левую руку, она погладила меня по щеке. Пальцы были холодны, как лёд. Я судорожно сжал её ладонь. С хрипом втянув в себя воздух, Осока продолжала:

— Снова забрал мои мечи… Думает, что забрал… душу. Ошибается… Алекс, я много сделала глупостей… в жизни… Всего не исправить… Хотя бы, напоследок… — голос её прерывался, но она, всё же, пыталась договорить: — смогла… Я знаю, ты… но… всё равно… не плачь по мне… Смерти нет… есть Си…

Голова девушки безжизненно упала на бок.

— Нет… Не-е-е-е-е-е-ет!!!! — не помня себя от горя, закричал я. А тело Осоки вдруг начало таять, расплываться, растворяясь в воздухе. Мгновение – и на камнях осталась лишь прожжённая туника и сапоги, да ещё её перчатка у меня в ладони.

Над планетой всё ярче разгорался рассвет.

Не всегда дано заметить, что стоишь ты на пороге,
На пороге, за которым плещут теплые моря,
Зеленеют сочно травы, и ведут, ведут дороги
Через поле, над которым занимается заря.

Это будет слишком рано, это будет слишком поздно,
Слишком рано для прощанья, слишком поздно для мечты,
Вспыхнет радуга над лугом, понесутся в вальсе звезды,
Уводя в иные дали тех, кого оставишь ты.[1]

Я чувствовал, как ярость тёмной волной поднимается во мне. Ненавижу тебя, Чёрный Дьявол! Я отомщу!! Нет. Стоп… Нельзя думать о мести… Дрожащей рукой я вытащил из пенала меч, непослушным пальцем нащупал кнопку, сосредоточил взгляд в пылающей синеве лезвия. Спокойствие. И хладнокровие, ведь гнев – худший советчик, я помню это, Асаж! Стало легче, вот только слёзы вновь брызнули из глаз, и я никак не мог их унять, хотя и знал, что теряю драгоценное время. Если Вейдера не прищучить сейчас, сколько ещё людей погибнет от его руки! Наконец, я нашёл в себе силы выпрямиться, с

[1] Стихи Веры Камши

гудением рассёк мечом воздух. Приказал предательски осипшим голосом:

— Все на борт! Старт! Он не должен уйти!

К тому моменту, как я добрался до командирского кресла, «Амидала» свечой шла в зенит. Ровное дыхание систем великолепного корабля, прохладная надёжность рукояти управления немного приободрили меня. Осознав, что всё ещё сжимаю в руке перчатку Осоки, бережно положил её на подлокотник. Падме уселась на воздух рядом со мной, коснулась щекой моего плеча. Я благодарно кивнул: спасибо, сестрёнка, отпустило немного.

— За «тысяча триста» увязались истребители, два звена, — сообщила она.

— Ничего, — сказал я. — Импам позарез нужна Эрдени, валить их не станут. Сами не отмахаются, поможем потом… — добавил про себя: «Если, конечно, останемся живы».

Выйдя из атмосферы, я понял, что мы опаздываем, безнадёжно опаздываем: челнок Вейдера уже подходил к «Вымогателю». А включать главную «батарею» двигателей было нельзя. Комендоры там – наивысшей квалификации. Даже не видя сканерами самой цели, они наведутся по ионному следу, и чудовищные турболазеры разрушителя испарят нас, как каплю воды на сковороде. Скорее всего, раньше, чем успеем подойти на верный выстрел. Нужна была какая-то другая идея.

— Падме, если мы сядем на наружную броню, нас не оторвёт в гипере? — спросил я.

— А? Не мешай, пожалуйста, я считаю, — рассеянно пробормотала кузина. — Да, что ты спросил?

— Нас не оторвёт в гиперпространстве, если мы прицепимся снаружи?

— Честно говоря, не знаю. Такого ещё не делали, насколько мне известно. Может, это и не понадобится.

— Насчитала что-то интересное?

— Да. Есть шанс убить разрушитель нашими средствами. Если они не успеют закрыть нижний ангар.

— Понял. Говори, что делать.

— Уже делаю, — рукоятка в моей правой руке «закаменела» и двинулась сама собой, подчиняясь воле голограммы. — Зайдём точно по килевой линии, угол стрельбы тридцать шесть градусов.

— Реактор? — сообразил я, вспомнив планировку этого типа кораблей.

— Да. Стоит попробовать. По-другому нечем.

— Делаем. Не надо попыток, — повторил я слова Великого Магистра. — Ну, Чёрный Дьявол, сейчас ты увидишь, как мы умеем…

— Любить, — неожиданно закончила за меня Падме. Я посмотрел на неё. И медленно кивнул. Но, прежде чем идти в атаку, нужно было завершить кое-какие дела.

— Отправь сообщение для «Ревнителя», — распорядился я. — Ждать нас в системе Шалстайн трое суток от контрольной даты. Не появимся – перегонные агрегаты могут оставить себе. Да, напиши, как мы выходили на СТИ, вдруг им пригодится.

— Записала. Что-то ещё?

— Да. Добавь для Сони, по-русски. В разделе «Alarm» коды доступа к кораблям на базе запаса Орд Пардрон. И пусть не бросает Эрдени, если вдруг… Это всё.

— Хорошо. Составлено, отправлено.

Треугольная туша «Вымогателя» приближалась. Скорость у нас была довольно велика, и фазу торможения я провёл всем, чем можно, не заботясь об ионном облаке, выброшенном соплами реверс-моторов. На разрушителе, наверно, играют тревогу, да и пёс с ними. Маскировку долой! Электрохром – полностью прозрачный. В прошлой жизни от одного вида наших звёзд дрожали пираты и контрабандисты, пусть и импы увидят их перед смертью, своей или нашей, всё равно. Коснувшись виртуальной

панели, я сделал ещё одно: врубил в зале рубки на полную громкость «Марш Отряда Цветов».[1] Стремительная и бесшабашная мелодия, сочетание кавалерийского марша с резкими, аритмичными вставками-пируэтами, и звенящих мелодий народов Земли, как нельзя более подходила для нашей отчаянной атаки. Угол плюс тридцать шесть по оси, относительная скорость триста, дистанция два пятьсот. Створки трюма – раскрыты. Огонь! Заряды носовых спарок били прямо по исполинским щелям, из которых уже выдвигались медленно створки ворот. Одновременно два плазмоида проломили вертикальную заднюю стену ангара, к их разрушительной мощи присоединились крыльевые пушки. Я успел увидеть в увеличении, как перекосились, заклинившись, броневые створки, и нажал большим пальцем клавишу на вершине рукоятки управления. Двенадцать торпед, с полусекундным интервалом, в рассчитанную Падме точку, горящую зелёным кольцом на блистере. Первые взрывы мы видели, последующие происходили слишком глубоко в недрах разрушителя, создавая нехорошее впечатление, что боеголовки просто исчезают, не причиняя вреда. Но они делали своё дело, поток замерзающих газов из пробоины всё усиливался. Едва опустела последняя пусковая труба, на пульте вспыхнул значок – зелёная стрела с быстро моргающим поверх символом радиационной опасности. Это означало, что контейнеры вышли и встали на стопоры. Для того, чтобы отпустить и вновь нажать кнопку, потребовалось ещё полсекунды. Думаю, прежде этим оружием так не стреляли никогда. С пятисот метров точно в развороченную торпедами пробоину, навстречу струе мёрзлого воздуха. Уводя корабль с курса атаки, я, словно в замедленной съёмке, видел, как отлетела, кувыркаясь, толстая шайба стартового ускорителя, затем

[1] «Geki! Teikoku-Kagekidan» (檄！帝国華撃団) из м/с «Войны сакуры» (サクラ大戦), сценарий Т. Хирои, 1997

где-то в глубине пробитой бреши – отблеск призрачного голубовато-зелёного пламени, это лопнула после разделения неиспользованная маршевая ступень. Срабатывания «полезной нагрузки» видно уже не было. Машинально щёлкнув тумблером щитов, я врубил полную тягу, стараясь отойти как можно дальше.

— Возрастает нейтринный поток реактора! — торжествующе сообщила Падме. — Кессон пробит!!

На скуловой секции экран-пульта, где выводилась картинка заднего обзора, я наблюдал, как из пролома в стене ангара брызнул столб пламени, сжигая челнок Тёмного Лорда. Клубы пылающего газа появились и с дальней, верхней стороны разрушителя. «Амидала» содрогнулась, словно до неё дошла взрывная волна, и я сообразил, что так и есть, только волна эта – гравитационная. А из середины корпуса «Вымогателя» вперёд, по курсу, вдруг ударил странный луч диаметром в сотню метров. Он был невообразимо чёрным, темнее пустоты космического пространства, и как бы клубился изнутри. Та часть исполинского звездолёта, через которую он прошёл, просто исчезла, а окружающие конструкции брызнули во все стороны мелкими обломками. Луч ушёл куда-то в направлении центрального светила системы, погас… И вслед за этим «Вымогатель» начал разваливаться на куски, подсвеченные сотнями мелких взрывов и пожаров.

— Ух… — выдохнул я. — Что это?

— Он был на разбеге, — объяснила Падме, — ну, накачивал энергию…

— …для прыжка, — кивнул я. — Понятно. Надеюсь, после **такого** выжить невозможно.

— Вейдер мёртв, я чувствую это, — тихо сказала сестра. Вздохнула и добавила: — Знаешь, перед смертью он испытал облегчение.

— Пусть покоится с миром, — произнёс я, и, как ни странно, не слукавил. Бывший Анакин Скайуокер получил

по заслугам за всё. Толку теперь не любить его и проклинать?

— Ну, где истребители? — спросил я.

— Сто двадцать мегаметров от нас, идут к месту взрыва. Корабля беглецов не наблюдаю, обломков тоже.

— Прыгнул, значит? Ну, слава богу. Разбираемся с «двустволками».

Тут я и допустил маленькую ошибку. Стремясь отодвинуть район встречи с истребителями возможно дальше от облака обломков «Вымогателя», я дал тягу ионными. Тут же в динамике декродера раздался шорох, треск, бульканье и послышался голос:

— …слышишь меня? Это «Мгла» вариант «стелс»! Передаю координаты и вектор!

— Корабль нашего класса на минус сто двенадцать, плюс сорок три, — доложила Падме. — Удаление семьдесят. Имперский транспондер.

— Твою дивизию! — выругался я. — Сестра, ну, почему я такой бестолковый?

— Ничего, бывает.

А из комлинка донёсся другой, голос, женский:

— Поняла тебя, Соло.

Соло. Так звали того имперского лейтенанта, с которым моя Осока добыла «самогонный аппарат» для энергоносителя. В имперских новостях недавно промелькнуло сообщение, что он уволен из флота за «нарушение субординации». А здесь, поди-ка, служит! Что ж, придётся упокоить и тебя, кореллианец. Я отключил дефлекторные щиты: вот они мы, любуйтесь!

— Зачем? — воскликнула Падме.

— Пусть думают, что у нас армейская система. Когда он расстреляет ракеты, мы его подловим. Сейчас посмотрим, что у него там…

Стрелять Соло начал с пятидесяти километров, это означало, что у него на подвесках «ближний бой», восемь

штук. Трюмный отсек, был, очевидно, пуст, иначе противокорабельная пошла бы в нас немедленно, как мы «проявились» на сканерах. Двигатели в ноль, ручку плавно от себя, «зарываемся носом», и обе вывернутые в тыл спарки бьют по ракетам. Одна тут же вспыхнула облаком разрыва. Правильно, башенки от «CR-100» и задумывались как противоракетные! Вторая купилась на классический «отстрел», распустившийся за нами, как крылья ангела. Здесь, над планетой, какая-никакая атмосфера ещё была, и вихревые токи от наших двигателей закрутили магниевые патроны причудливым узором.

— Эклипс, видишь его? — выкрикнул Соло.

— Свяжи боем, разберёмся, — отозвалась женщина.

— Пуск, сразу четыре! — предупредила Падме. Что ж, я знал, что он так поступит: не делиться же славой с этой бабой? Поэтому стигиевое ядро не обесточивал. Маскировка! И четыре ракеты бесславно ушли в «молоко» мимо исчезнувшей из видимости «Амидалы». Совершив изящный пируэт, я вновь отключил дефлекторы, находясь со стороны планеты от имперца, и ударил из пушек, присовокупив к длинной очереди два плазмоида. Падме изумлённо ахнула. Соло **увернулся**! Будто был джедаем, хотя мы-то точно знали, что он им не является! Что ж, покувыркаемся! Но желательно недолго, там на подходе ещё решительная девушка с семью подчинёнными.

Дуэль двух кораблей, обладающих почти одинаковой манёвренностью, очень рискованное занятие, здесь всё зависит от квалификации пилота, а в этом, я отдавал себе отчёт, мистер Соло превосходил меня, а, может, и Падме, несмотря на то, что она сама была кораблём и чувствовала свои системы безупречно. Мы сбросили часть инерта, чтобы уравнять шансы: судя по эволюциям, «Мгла» имперца была заправлена на две трети, а значит, оказывалась почти на двести тонн легче нас, что давало ему преимущество. Трижды мы сходились на дистанцию

эффективного огня носовыми. Трижды имперец попадал нам в щиты. И только один раз мне удалось зацепить его плазмоидом. Теперь мы держались на расстоянии, ожидая ошибки противника. Точнее, ошибки ожидал я, Соло, с высокой долей вероятности полагал, что при наличии у него ракет и отсутствии оных у меня я предпочту удрать, а посему отсекал меня от открытого пространства. Давай-давай. Я уже обратил внимание, что при прошлых залпах он опускал щит, чтобы выстрелить, следовательно, ракеты у него стандартные, без «миномётного старта». Ну, иди сюда, красавец… Понадобилось подпустить его на восемь тысяч, чтобы кореллианец повёлся на уловку. В тот самый миг, когда он отключил носовой щит для пуска, я довернул «Амидалу» носом и надавил наружную гашетку. Прекрасно зная характеристики своего собственного корабля, Соло упустил из виду, что однотипный может быть **вооружён иначе**. Две танковые пушки в крыльях «Амидалы» в вакууме доставали не на пять с половиной, а на одиннадцать тысяч метров. Это и стало гибельным для имперского офицера. Плазменные болты энергией 103 тэрг, или, переводя на земные меры, десять мегаджоулей каждый, уже при третьем попадании разрушили верхнюю часть корпуса, а четвёртый заряд угодил в один из генераторов. По крайней мере, для экипажа это было мгновенно.

Разбираясь с двумя звеньями истребителей, я вообще не испытывал ни малейшего сожаления, Падме, думаю, тоже. Судя по имени командирши, перед нами была «чёрная восьмёрка», личная эскадрилья Вейдера – те самые, что участвовали в сожжении целого города на планете Фоллин, бомбили собственных солдат, стоящих в оцеплении карантинной зоны. «Амидала» прошла сквозь строй, как щука сквозь дырявый невод, оставив за собой два быстро тающих облака взрывов. Третий истребитель напоролся на мину-сеть, выброшенную за корму.

Остальные пытались клевать нас сверху, находясь на пределе дальности турели и в мёртвой зоне спарок. Пришлось показать им классическую «бочку», и ещё один имперец рассыпался в прах.

— Прошу прощения, господа и дамы, — криво усмехнулся я, — а не на исходе ли у вас инерт?

Словно в подтверждение моих слов, истребители начали торможение, бросая нас и уходя в направлении планеты.

— Так-то, мисс Эклипс, — напутствовал я уходящих. И повернулся к Падме: — Давай-ка, вводи координаты, курс на Шалстайн. Надо дозаправиться.

— Хорошо. Ох…

— Что?

— Снова нейтринный скачок. Со стороны звезды. Видимо, локальное искажение метрики угодило в корону. Сейчас здесь будет жарко.

— Уйти не успеваем?

— Нет. Быстрее! В лифт!

Я подчинился, не раздумывая. Солнечные нейтрино сами по себе не опасны, слишком слабо они взаимодействуют с веществом, но лавинообразное нарастание их потока – верный предвестник серьёзных неприятностей вроде быстрых нейтронов. Влетев в кабину, я обернулся и, прежде чем сомкнулись металлические аварийные створки, успел увидеть, как рассыпалось на мозаичные точки изображение кузины. Наступила темнота.

7. Конспиративная встреча

Маленькая кантина на краю корабельного рынка на планете, далёкой от центра Галактики. Тусклое освещение, крепкие напитки, острые кушанья. Крохотная сцена, больше похожая на постамент для статуи, на ней перебирала

струны кветарры симпатичная исполнительница. Кто-то слушал песни, кто-то базарил между собой, кто-то уткнулся в тарелку, не обращая внимания на окружающих. У передней стены, в стороне от входа и сцены, два столика занимали четверо молодых людей в мандалорской броне. Их шлемы висели в ряд на краю обшивки стены, выполненной из пластика под натуральное дерево. Юноша с благородным лицом потомственного аристократа беседовал с человеком, к компании явно не относящимся. Мужчина вряд ли был выше мандалоров ростом, но выглядел заметно массивнее. Практичная одежда из прочной ткани неброской расцветки и броневые щитки поверх неё выдавали в нём профессионала, для которого война – повседневная жизнь. На голове мужчины был шлем с приподнятым сейчас прозрачным щитком, нижнюю часть лица скрывала угловатая дыхательная маска. И всё равно, будь над столиком больше света, внимательный наблюдатель узнал бы эти тёмные глаза, густые брови, переносицу… Клон первой, «феттовской» серии.

— Вот записи, которые могут вас заинтересовать, — он выложил на стол полупрозрачный футляр, в котором в ряд лежало пять кристаллов памяти. Юноша сделал знак, и сидящая рядом девушка с зелёными глазами спрятала носители в кармашек на поясе.

— Моё руководство просило поблагодарить вас за отчёты об обстановке в мандалорском сообществе, — продолжал гость. — Весьма ценные наблюдения.

— Откровенно говоря, не знаю, чем они полезны, — сказал юноша. — В них нет никаких тайн, обычные бытовые наблюдения, обрывки разговоров… Ваши аналитики, наверняка, знают гораздо больше.

— Ты и прав, и неправ одновременно, капитан, — сказал клон. — **Знают** они, безусловно, больше, вопрос в том, насколько много **замечают**. Чтобы видеть, нужно уметь смотреть.

— Теперь начинаю понимать. Что нового в центральных мирах?

— Среди офицеров ползут слухи, — под маской послышался смешок. — Говорят, Вейдер ненастоящий.

Мандалорский капитан и зеленоглазая заулыбались, сидевшая за соседним столиком белокурая мандалорианка наклонилась к своему соседу с предельно короткой – почти наголо – стрижкой и что-то сказала. Тот кивнул и негромко хохотнул. Все четверо знали, как тщательно был засекречен факт гибели Дарта Вейдера. Официально считалось, что «Вымогатель» был уничтожен, когда на борту не было Тёмного лорда, а двойник, явленный общественности Имперской канцелярией, до мельчайших деталей воспроизводил его походку, манеры, речь, и всё же… Как выражалась зеленоглазая, *шила в мешке не утаишь*. Среди ветеранов элитных подразделений армии и флота было немало так называемых «интуитивов», слабая, на уровне подсознания, связь с Силой помогла им выжить там, где гибли другие. И она же при встрече с **этим** Вейдером подсказывала: что-то не так.

— Рано или поздно это выплывет наружу, — заметил стриженый.

— Разумеется, — согласился клон. — Старый паук прекрасно всё понимает, поэтому, по нашим данным, спешно ищет нового ученика. И нервничает, чинит всё новые репрессии.

— Наслышаны, — сказал капитан.

— А репрессии вызывают новое недовольство, — произнесла белокурая. — От этого социальная база Сопротивления всё расширяется.

— Что нас не может не радовать, — подхватил стриженый.

— Вопрос в том, под чьё крыло попадает эта «база», — вздохнул клон. — Наш полковник говорит, что так называемые повстанцы – сборище авантюристов пополам

с восторженными простаками. Первые преследуют свои шкурные интересы, вторые служат расходным материалом. А рулят ими всеми политики – профессиональные лжецы, использующие и тех, и других.

— Среди политиков тоже встречаются благородные и самоотверженные, — возразила зеленоглазая.

— Не спорю. Однако, их, как и рядовых идеалистов, пытаются использовать другие политики, гораздо менее чистоплотные. А когда не выходит – устраняют, как сенатора Амидалу или…

— Да, — перебил его капитан. — Мы отлично помним, что произошло тогда. И стараемся не повторять прошлых ошибок.

— Надеюсь, вам это удастся… — гость замолчал. Только теперь и мандалоры обратили внимание, что все разговоры в кантине, кроме, может быть, двух дальних тёмных углов, затихли. Тишина не была тревожной, просто исполнительница начала очередную песню, и после первых четверостиший гомон в зале пошёл на убыль, головы повернулись к крохотной сцене. А чистый голос девушки продолжал:

Но эпоха пройдёт, как проходит беда...
И скользнёт над планетой недобрая весть.
И единственно верный торпедный удар
Победителю скажет, что мы ещё здесь.

И другие придут – это будет и впредь –
Снова спорить с судьбой на недолгом пути.
Их черёд воевать, их черёд умереть,
Их черёд воскресать и в легенду идти.

Взяв последний аккорд, исполнительница резко прижала ладонью струны, обрывая звук на финальной ноте. Одобрительные возгласы слушателей были ей наградой.

— Сильно, — одобрил и клон. — Сама пишет?

— Вроде бы, нет, — покачал головой мандалорский капитан. — Во всяком случае, нам не говорила.

— Вообще-то, правильно не говорит, даже если сама. В свете последних событий, за подобные тексты и на рудники загреметь недолго, — клон помолчал, посмотрел на зеленоглазую, спросил: — Он так и не вышел на связь?

— Нет, — покачала головой та. — Ежедневно проверяю ящик.

— И не по одному разу, — поддакнул стриженый мандалор. — Говорят тебе, взрыв был слишком силён. Когда гипердрайв на разбеге… — он махнул рукой. — Скорее всего, их впечатало волной в стратосферу. На орбитальной скорости. Такого не выдержит даже «сорок девятый», не то что «Мгла».

— Возможно, — не стала спорить зеленоглазая. — И, всё же, я надеюсь, что когда-нибудь ещё увижу его…

— Мне пора, — клон положил ладони на стол. — Когда шёл сюда, я был не уверен, нужно ли… Теперь вижу – да. Вот это отдайте ей, — он вынул из полевой сумки светлый металлический предмет. — Нашли в пространстве.

Четыре пары глаз скрестились на вещи, которую мандалоры узнали сразу, хотя до этого момента никто из них её не видел. Предмет был слишком похож на другой, известный им очень хорошо, чтобы не догадаться, кому он мог принадлежать.

— Отдам, — юноша с аристократическим лицом быстро убрал предмет под кирасу.

— Связь прежним каналом, прежними кодами, — гость поднялся с места, опустил на глаза щиток. — И да пребудет с вами Сила.

По окончании вечера четверо мандалоров ждали исполнительницу в грязном техническом проулке возле чёрного хода. Девушка с чехлом кветарры за спиной

появилась в светлом проёме, словно ангел из полузабытой древней легенды. Если, конечно, бывают ангелы с полосатыми рожками.

— Кажется, моё выступление понравилось? — улыбнулась она.

— Если быть точным, ты произвела фурор, — отозвался капитан.

— Я рада. А вы как? Тот, кого вы ждали, пришёл на встречу?

— Да. И принёс много интересной информации. А для тебя передал вот это…

— Это ведь… — растерянно произнесла девушка с кветаррой.

— Точно, — кивнула белокурая мандалорианка. — Не могу представить, как он вообще мог уцелеть, но это явно не случайно.

Девушка приняла предмет обеими руками, повернула, нажала кнопку. И долго глядела в гудящее пламя жёлто-зелёного велморитового лезвия.

Занавес

Постскриптум

В кромешной темноте зашуршал вентилятор, меня потянуло вниз, к полу, загорелся круглый ободок светильника под потолком. Как ни странно это прозвучит, на нашем корабле кабина турболифта – самое безопасное место. По сути, она представляет собой ещё одну спасательную капсулу, полностью автономную, в металлокомпозитной скорлупе, ослабляющей радиацию примерно в пятьдесят раз, в дополнение к стократному ослаблению от брони корпуса. Я взглянул на индикаторную панель. Внешние датчики кабины не регистрировали опасного уровня излучения. С помощью переключателя я заставил убраться аварийные двери. Снаружи было темно, лишь квадрат света падал на площадку сквозь транспаристил рабочих лифтовых дверей. Что ж, откроем шахту. Воздух снаружи есть, уже радует. Я раздвинул внутренние двери. Шагнул… и чуть не улетел к потолку из-за отсутствия тяжести. Хорошо, что успел зацепиться рукой за край дверного проёма. Матерясь в голос, дотянулся до светящегося в темноте поручня, огибающего шахту, придал себе стабильное положение. Что произошло? В прошлый раз работали, хотя бы, жизнеобеспечение и гравитация. Теперь такое впечатление, что на корабле вообще отсутствует энергия. Не могла же дублированная электросеть «Амидалы» отказать по всем трём контурам сразу? В любом случае, нужно было добраться до машинного зала и проверить источники энергии.

Открывать ручным приводом двери в невесомости – удовольствие ниже среднего. Третий закон Ньютона всё время норовит то перевернуть вверх тормашками, то отнести куда-то в сторону. С меня сошло семь потов, пока я проник в зал, а затем в тамбур, изолирующий от

основного помещения генераторную и накопительную левого борта. Хорошо хоть, здесь было светло, «вечные» лампы натыканы везде, где можно. Индикаторная панель на стене свидетельствовала, что заряд накопителя один процент от полной ёмкости. Очень мало для гиперпрыжка, но более чем достаточно для бытовых нужд в течение многих дней. Тогда что? Отказал регулятор? Его я не починю. Хоть выбрасывайся на капсуле, и… Стоп. Третий контур питания, насколько я помнил, идёт **мимо** регулятора, поскольку не касается двигателей и вооружения, только бытовой техники. Я выглянул в зал и крепко выругался ещё раз, теперь уже в свой адрес. Три ряда рубильников на главной распределительной панели, как один, стояли на нуле! Оттолкнувшись от комингса, я подплыл к панели и перевёл рубильник левого накопителя в положение 2 – «заряд-разряд». После чего едва успел повернуться ногами к полу, чтобы не отбить себе всё на свете, когда включилось искусственное тяготение.

— Ну, вот, кажется, машина в полном порядке, — с улыбкой сказала Падме, конденсируясь из воздуха рядом со мной. Повинуясь её взгляду, остальные рубильники тоже перещёлкнулись во включённое положение.

— Ты меня так не пугай! — выдохнул я, и от избытка чувств стиснул кузину в объятьях. — Потерять её, а теперь ещё и тебя…

— Всё хорошо, — очень мягко, умиротворяющее произнесла она. — Спокойнее. Нормальную девушку ты так, наверное, раздавил бы.

— Извини, — я отпустил её, но недалеко, придерживая руками за локти. — Я думал, я рехнусь! Темень, ничего не работает…

— Не ты ли говорил, что, если погас свет, первым делом надо проверить пробки?

— Блин. Вот так научишь вас на свою голову. Почему питание-то выбило?

— Я сама его рубанула, все контуры разом. Процессоров, чтобы менять, у нас больше нет. И, как видишь, получилось. Сенсоры работают, бытовка, двигатели, связь… — глаза её расширились. — Ой. Алекс, нас вызывают на всех частотах.

— Кто?

— База Шалстайн. **Наша** база!

— То есть, мы дома?

— Да, да! — теперь она сама кинулась меня обнимать. — Мы находимся в системе Шалстайн, куда собирались прыгать. Диспетчер уже на нервах, называет меня по фамилии и кричит, что высылает спасателей.

— Так успокой его!

— Только что. Уже развернулась, иду на посадку.

— Аккуратнее. Или дай, лучше я сяду за управление. Не хватало ещё гробануться на радостях.

— Но-но! — не переставая улыбаться, она пихнула меня в грудь. — Уж собой-то я владею!

Первое, что я увидел на посадочной площадке рядом с набранной из «шуховских» параболоидов сетчатой коммуникационной башней, был «Погонщик комет». И, когда мы приземлились рядом с ним, нас уже ждал целый комитет по встрече. Во главе с Осокой Тано и Рийо Чучи – живыми и здоровыми! Неудивительно поэтому, что, едва опоры коснулись пермакрита, мы с сестрой бросились наружу. Меня хлопали по плечам, по спине, поздравляли с благополучным возвращением. Прорваться к моим девицам мне удалось не сразу. Первым делом я расцеловал Осоку – свою Осоку! Потом, наплевав на условности, и Рийо. Наверное, не стоило этого делать, тем более – подбрасывать её в воздух, но в тот момент мне было решительно всё равно.

— Ну, прекрати, прекрати! — ворчала она, деликатно высвобождаясь. — Что это на тебя нашло, при всех?

— Мы думали, что ты погибла, — честно ответил я.

— О… — стушевалась строгая начальница. — Ладно, повод засчитан. Так что, всё-таки, с вами случилось?

Я открыл было рот, но вместо меня в объяснения пустилась Падме.

— Мы, по всей видимости, угодили в некую аномалию. Электромагнитной природы, — стала рассказывать она. — Мне выжгло все процессоры, вплоть до дверных замков, и вызвало у нас галлюцинации.

— И у тебя? — удивилась Осока.

— В том-то и дело! А пока мы болтались в космосе в таком состоянии, какие-то мародёры обстреляли нас, поняли, что корабль в отключке, вскрыли трюм и похитили груз…

— Извини, Рийо, — вставил я. — Подвёл я наше предприятие.

— Да хатт с ним, с грузом! — воскликнула панторанка. — Невелики убытки. Главное, что вы оба целы, а денег заработаем.

— До сих пор не могу понять, почему они не забрали весь корабль.

— Этому, как раз, объяснение можно найти, — сказала Осока. — Ребятишки оценили стоимость корпуса и решили не связываться. Кто может потратить такую сумму на строительство небольшого корабля? Да по военному проекту? Либо имперская верхушка, либо кто-то из руководства «Сиенар». И искать похитителей будут по всей Галактике, заглядывая на дно каждого газового гиганта. Конченых отморозков вроде Бейна или Онаки, которым на это наплевать, раз-два и обчёлся.

Я поспешно кивнул. Такое объяснение вполне правдоподобно, и не стоит углубляться в высокие материи вроде Мортиса и «покрывала Дочери».

— В общем, когда восстановили управление, — продолжала Падме, — обнаружили, что попали в очень

странное место. Те же звёзды, планеты, существа, но другая история.

— Да, — сказал я. — Тебя, Рийо, там казнил имперский наместник, три года назад.

— Теперь понятно, — тихо произнесла Рийо, и я почувствовал, как прохладные пальцы её легли мне в ладонь.

— А меня вы не искали? — спросила Осока. Голос её прозвучал как-то напряжённо.

— Тебя и искать особенно не потребовалось, — вздохнул я. — Старшая помощница младшего сита.

— Вот… — Осока нецензурно выругалась, что для неё было редкостью. — Рийо, слышишь? Точно то самое!

Я хотел спросить, что она имеет в виду, но договорить нам не дали. Отчаянно распихивая собравшихся, к нам пробилась Нола Секура. И первым делом повисла у меня на шее, что называется, «четырьмя лапами», руки плюс лекки, игнорируя выразительное «гхм!» Рийо.

— Наследница-а, — строго произнесла товарищ Генеральный.

— А чего, я просто соскучилась, — буркнула Нола. Но, всё же, отошла… для того, чтобы обнять и Падме тоже. Осока глядела на этот спектакль с лёгкой улыбкой. Конечно, младшая Секура – девочка уже взрослая и очень хорошенькая, но относительно нас – всё равно детёныш. Рийо, в общем-то, тоже ворчала так, для порядка, потому что подчинённые смотрят.

Услышав, что у «Амидалы» повреждён корпус, главный инженер базы позвал механиков и вместе с ними пошёл оценивать объём предстоящего ремонта. Стали расходиться и остальные. Видно было, что Рийо очень хочется задержаться, но чувство долга перевесило, и она, забрав Нолу, распрощалась со мной до вечера. Мы остались втроём.

— Как ты тут без меня? — спросил я Осоку.

— Всё это время мне снились жуткие кошмары, — сказала она.

— И что же конкретно тебе снилось? — я взял её за локти, притягивая ближе к себе. — Чего дёргаешься? Откуда это??

На правой руке выше локтя у Осоки тянулся продолговатый синяк, словно от удара резиновой дубинкой.

— Кажется, это называется стигматами, если не ошибаюсь. Видимо, старею, становлюсь излишне впечатлительной… — натянуто улыбнулась она, и тут же погасила улыбку: — Мне снилось, что я сит и работаю на Вейдера. Точно, как ты и говорил.

— Та-ак. А меня ты видела?

— Да. Будто мы с тобой заново знакомились, а потом ты летал со мной на задания Вейдера.

— Понятно. Пойдём-ка со мной, я тебе кое-что покажу.

В рубке я отыскал на подиуме чёрную перчатку, слетевшую с подлокотника во время невесомости, и протянул подруге:

— Это ведь твоё. Ты билась с Вейдером…

— …и проиграла, — закончила она. — Значит, все мои кошмары для тебя были реальностью?

— И для меня тоже, — сказала от двери Падме.

— Ужас. Кошмар. Бедные вы мои. Перчатку ты снял, когда я…?

— Нет. Она осталась у меня в руке. А ты растворилась в Силе.

— Я этого уже не видела.

— Как же хорошо, что для тебя это был только сон! — я снова обнял её – за талию и очень осторожно, подозревая, что и на животе у неё красуются большущие синяки.

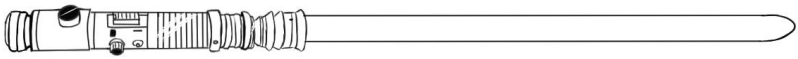
— Ты не возражаешь, если я и дальше буду носить эту перчатку? — видя, что я согласно кивнул, Осока тут

же расстегнула ремешки и надела перчатку на левую руку. — Вот. А будем на Корусанте – обязательно залезем ещё раз в Храм. И сходим в Звёздный Зал. Падме…

— Да? — откликнулась голограмма, она с улыбкой наблюдала за нашей идиллией. — Ой, извини, меня механики на улицу зовут.

— Ладно, ничего, потом спрошу, — Осока вновь посмотрела на меня: — А знаешь, Алекс, я где-то даже рада, что всё это с нами случилось. Теперь-то я знаю, что ты меня готов вытащить даже с Тёмной стороны.

— Откуда уго… — начал я и вынужден был замолчать, потому что в этот момент получил нежный и вдумчивый поцелуй в губы.



Где-то невообразимо далеко, может быть, в самом центре Великого Нигде, беседовали двое.

— И вновь ты проиграл, — произнесла женщина в длинном, до пят, белом платье со шлейфом.

— Проиграл, — не стал спорить мужчина, одетый во всё чёрное. — Можешь радоваться.

— Я не злорадна, в отличие от тебя, — гордо ответила женщина. — И, не сомневаюсь, в ближайшее время ты попытаешься взять реванш.

— Как обычно. Проигранное сражение не означает всей проигрыш кампании. Но, согласись, забавно было наблюдать, как они пытаются выкрутиться.

— Тем не менее, они победили с разгромным результатом. И будет справедливо, если ты оставишь их в покое.

— Как знать, как знать. Я ещё не решил…

— Послушай! — женщина тряхнула головой, и её волосы цвета весенней листвы заструились по плечам. — Ты переходишь всякие границы!

— Такова моя сущность.

— Предупреждаю: если ты, *зараза*, ещё хоть раз попытаешься играть этими людьми, клянусь, я примусь за тебя всерьёз!

— Легче, легче! — мужчина поднял перед собой руки, будто защищаясь. Тонкие губы его улыбались, но в глубине красных глаз затаились искорки страха. — Не кажется ли тебе, что ты слишком очеловечилась в последнее время? Не пристало нам вести себя, как эти жалкие людишки.

— Не тебе, нарушителю правил и ниспровергателю традиций, говорить мне, что пристало, а что нет, — нахмурилась женщина. — Я тебя предупредила!

— Трудно не уступить напору столь сердитой леди, — сказал мужчина. — Я тоже тебе клянусь. В том, что играть этими людьми больше не стану никогда, — сделал паузу и добавил себе под нос: — Можно подумать, у меня других игрушек мало…

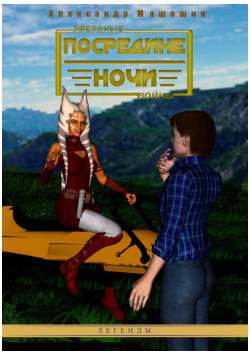
Он ухмыльнулся шире, обнажая острые, как у ящера, зубы. И в тот же самый миг на далёкой планете Корусант точно такая же злобная усмешка появилась на мертвенно-бледном лице имперского Инквизитора…

Необходимое послесловие

Все права на персонажей оригинальной Саги, а также Расширенной Вселенной, ныне называемой «Легендами», принадлежат Джорджу Лукасу, Давиду Филони, их командам сценаристов, а также авторам соответствующих произведений. Я лишь взял на себя смелость подобрать некоторых героев, брошенных авторами на произвол судьбы, и слегка развить их в рамках, намеченных создателями. Смею надеяться, что мне это удалось. Приложил максимум усилий, чтобы не вступать в противоречие ни с каноном, ни с Расширенной Вселенной, заодно попытался объяснить некоторые нестыковки и непонятности, присутствующие в фильмах Саги. Надеюсь, авторы не будут на меня в обиде…

Ранее вышедшие книги цикла «Посредине ночи»
(ссылки - на изображениях обложек)

Коммерческие (бумажный и электронный вариант)



Свободно распространяемые (электронный вариант)

Литературно-художественное издание

Машошин Александр Валерьевич

НАИХУДШИЙ СЦЕНАРИЙ

Фантастическая повесть

цикл Посредине ночи, № 6

в межавторской серии
Легенды Звёздных Войн

Художник: Анна Куликова
Дизайн оригинальных космических кораблей:
Адам Копала (Польша)

© 2014 – 2015. Версии текстов:

Повторение непройденного	v2.63
Танец на лезвии	v1.24
Разжалованное зло	v1.16
Постскриптум	v1.11